

**О Московском соборе 1681–1682 гг. Опыт
исторического исследования
Г.А. Воробьев**

Предисловие

Появление в свет всякого нового сочинения должно быть вызвано какими-нибудь причинами, должно иметь свое «raison d'être»¹; предлагаемый труд тоже имеет свои, и по поводу их-то я нахожу нужным сказать несколько слов.

Задача сего сочинения-представить верный и, по возможности, обстоятельный очерк истории Московского Собора 1681–1682 года: указать причины, которыми было обусловлено его созвание, изложить его определения, показать, были-ли они проведены в жизнь, и если были, то когда и как, и, на конец, ответить на вопрос: как вообще выполнил Московский Собор свое призвание, достаточны-ли были его определения для цели, для которой они даны?

Насколько удовлетворительно я решил указанную задачу–судить, конечно, не мне... Но я признаю своею прямою обязанностию сказать, что те промахи и неточности, какие, естественно, встретятся в настоящем сочинении, имеют себе извинение, с одной стороны, в новизне темы, на которую я желал дать посильный ответ, а с другой – в тех материальных затруднениях, с какими было сопряжено выполнение мною предположенного труда.

Несмотря на то, что важность Собора 1681–1682 г. очевидна и сознается учеными (напр. Н. И. Костомаровым)², мы имеем об нем в печати самые скудные сведения³. Что же касается первоисточников – подлинных записей деяний Московского Собора, то они дошли до нас не все, да и те, какие дошли, не могли быть доступны мне непосредственно, так как они хранятся в Москве – в главном архиве Министерства Иностранных Дел. Я пользовался ими по выпискам с них, сделанным и обязательно предоставленным в мое распоряжение уважаемым профессором здешней духовной Академии, о. Николаевским.

Если почтенная критика примет все это во внимание, – что мне пришлось иметь дело с темой еще неразработанной, – то я надеюсь, она не слишком строго отнесется к моему труду и не

поставит мне в вину, если я на упреки, могущие встретиться относительно самого выполнения мною задачи, позволю себе сказать словами «послесловия» к Апостолу, во Львове изданному, в 1573 году:

«Отцы и братия, аще что погрешено будет, Бога ради исправляйте; благословите, а не клените: понеже не написа Дух святой, ни Ангел, но рука грешна и бренна».

В заключение считаю долгом засвидетельствовать свою признательность: экстраординарному профессору С.-Петербургской духовной Академии Павлу Федоровичу Николаевскому, указавшему мне тему для настоящего сочинения и не оставлявшему меня советами в моей работе, г. директору Императорской Публичной Библиотеки Афанасию Федоровичу Бычкову и заведывающему отделением русских старопечатных книг той же Библиотеки Ив. Аф. Бычкову, – за их полезные указания; наконец, приношу свою благодарность и всем служащим в Императорской Публичной Библиотеке, которых мне приходилось почти ежедневно беспокоить во время своих занятий.

Автор

1884 г. Декабря 18 дня.

Введение

Значение царствования Феодора Алексеевича в церковном отношении. – Собор 1681–1682 гг. – Участие царя в этом Соборе. Шестнадцать царских предложений. – Ответы на них Собора. – Разделение последних на *три группы*.

Царствование Феодора Алексеевича, не смотря на свою кратковременность (1676–1682), бесспорно, одно из замечательных в русской истории⁴. Шестилетнее правление этого государя богаче событиями, нежели последующие за ним четырнадцать лет до кончины царя Иоанна Алексеевича⁵

Юный летами, крайне болезненный, но наделенный от природы превосходными духовными способностями⁶, Феодор Алексеевич всецело посвятил себя служению государству. Реформы в гражданском управлении и участие царя в делах церковных подтверждают это. Предоставляя другим определить – какое место занимает царствование Феодора Алексеевича в гражданском отношении, – я, с своей стороны, ограничусь указанием значения этого государствования в отношении церковном.

Воспитанный известным Симеоном Полоцким, хотя, быть может, и не в строго православных началах⁷, Феодор Алексеевич был в полном смысле благочестивым православным царем. Он многих магометан и язычников обратил в христианство. Отличаясь примерною кротостью души и неограниченною любовью к своим подданным, он выкупил тысячи христиан из плена и сам принимал каждого просителя⁸, так что, когда он скончался, об нем говорили единогласно: «он жил к общей радости народа, а умер к общей скорби»⁹. В «Житии Илариона, митрополита Суздальского», составленном по двум рукописям, хранящимся в библиотеке Флорищевой пустыни, между прочим, сказано: «Царь Феодор любяше святая места посещати и церкви Божия созидати, служителей же Божиих, сиречь архиереев, архимандритов и игуменов, священников и диаконов и всех церковных служителей своим царским дарованием обогащаше».¹⁰

Особенно же ярко обрисовались хорошие отношения царя к Церкви-в грамоте его об открытии в Москве высшего училища и в его участии на Московском Соборе 1681–1682 гг.

В грамоте о заведении Академии в Заиконоспасском монастыре¹¹ царь признает, что из всех его обязанностей *»первая и величайшая должность – охранение Восточные православные веры, и тоя о расширении промышления«*. Он, главным образом, потому и заботится об открытии высшей школы, что чрез просвещение *»православная Наша Восточная вера от злокозненных еретических хитростей в целости сохраняется и расширяется«*. Царь требует, чтобы блюститель и преподаватели Академии были *люди благочестивые, дети благочестивых родителей*, воспитанные в православной восточной вере. Если они будут иностранцы, то должны представить от православных патриархов или достоверных благочестивых людей свидетельство о своей правоверии (стр. 525–526). Блюститель и учителя должны *»во крепком и непорушном содержании Восточные православные Христианския веры, и тоя от всяких иных вер и ересей в охранении и защищении творити крестное целование по чину«*... (527). Имея такое попечение о чистоте и неповрежденности православной веры, Феодор Алексеевич запрещает частным лицам держать домашних учителей, – особенно иностранцев (529), – иметь *»богохульные книги и писания«* и распространять *иноверные учения* (538). Контроль в этом отношении он поручает тому же блюстителю и учителям (533). Если же кто из преподавателей учреждаемой Академии, или иностранцев, проживающих в России, или, наконец, русских людей, – говорит грамота, – *«начнет каковая толкования, или подлоги, ко усумнению Нашея Восточные веры подлагати, или почне ону иных верам, или ересем во всем равенстве совершенном полагати; паче же... чуждую веру Римскую, или ереси Лютерские и Кальвинские, и иные какие похваляти, а Нашу православную веру укоряти, или каковы порочные на ню слова произносить»* (528) и если это будет доказано, того *предаяти казни«*, смотря по его вине, *»нещадно" (539).*

Еще большую заботливость о Церкви выказал царь Феодор Алексеевич своим участием на Соборе 1681–1682 гг.

Но прежде чем определить степень участия царя в делах этого Собора, я позволю себе сказать два-три слова о состоянии русской Церкви пред его открытием.

В последней четверти XVII столетия внутреннее положение русской Церкви было далеко не блестящее. Раскол не смотря на крутые меры, принятые против него на Большом Московском Соборе 1666–1667 гг., не только не уничтожился, но еще больше усилился. В донесениях царя Собору 1681 г. говорится об отпадении многих от Церкви, умножении раскольнических мольбищ, распространении противных Церкви сочинений.

На окраинах государства продолжало существовать язычество. Епископских кафедр было мало. Церковная дисциплина глубоко пала. Непослушание высшему начальству, бродячая жизнь, нетрезвое поведение – вот в чем обвинял царь черное и белое духовенство пред лицом Собора.

Не мало было и других нестроений...

Благочестивый царь Феодор Алексеевич не мог не обратить внимания на такое печальное состояние Церкви. И вот, в ноябре месяце 1681 г., созывается в Москве духовный Собор для исправления нестроений.

Нет никакого сомнения, что Московский Собор 1681–1682 гг. был созван по инициативе самого царя¹². В деяниях Собора мы читаем: «Иоаким милостию Божиею патриарх царствующего великого града Москвы и всея России. Егда *благочестивейшего Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича*, всея Великие и Малые и Белые Росии Самодержца, ради искреннего прирадения о благосостоянии святыя Церкви и о Божиих людех в содержании скиптра его промысл особищный, яко истинного благочинного делания попечителя, *написанный свиток* (в нем же разные подлоги суще, требующие соборного суждения) *нам принесется*"¹³. Или: «прислано писание его царского изволения на Собор»... в нем тако писано: «Божиею милостию *Великий Государь, Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич*, всея Великие и Малые и Белые Росии Самодержец, изволил о святем Дусе отцу своему

и богомольцу великому господину *святейшему Иоакиму Патриарху Московскому* и всея Росии, и всему собору возвестить о делах, которые требуют исправления»¹⁴. Далее мы видим, что все предложения на Соборе делаются от имени царя. Они именуются «предложениями царского благоволения». После предварительных совещаний царя с патриархом, на что есть указание в самом акте соборном¹⁵, царь представил Собору шестнадцать предложений. В них Феодор Алексеевич довольно подробно описал мрачными красками современное состояние Церкви и просил отцов Собора указать средства к исправлению нестроений. Я не буду передавать содержания царских предложений; в коротке оно приведено выше – при описании состояния Церкви во время Собора, а подробно будет изложено при разборе деяний его.

Далее в порядке мне следовало бы перейти к изложению внешней истории Собора, сказать о личном его составе, порядке и времени заседаний, характере соборных прений и т. д., но, к крайнему сожалению, сделать этого я не могу, по недостатку данных¹⁶. Поэтому мне придется ограничиться лишь несколькими общими соображениями.

О личном составе Собора из его деяний ничего не известно (там, где должны стоять подписи членов Собора, оставлен пробел); известно только, что на нем, кроме царя и патриарха, присутствовали митрополиты, архиепископы и епископы¹⁷; вероятно, присутствовали еще и архимандриты знатнейших монастырей, так как практика русской Церкви допускала это: на Стоглавом Соборе наравне с архиепископами и епископами сидели и «многие честные архимандриты и игумены»¹⁸. Между тем в одно время с рассматриваемым нами Собором заседал в Москве другой – земский – Собор, созванный царем для рассуждения о местничестве. Собор этот закончил свои заседания в январе 1682 г. и под актами его, между прочим, подписались: митрополиты: Корнилий–Новгородский и Великолуцкий, Никифор–Астраханский и Терский, Иона–Ростовский и Ярославский, Симеон–Смоленский и Дорогобужский, Варсонофий–Сарский и Подонский, Филарет–Нижегородский и Алаторский; архиепископы: Иларион–

Суздальский и Юрьевский и Симон–Вологодский и Белоозерский; архимандриты: Спаса Нового монастыря–Гавриил, из Великого Новгорода, Юрьева монастыря–Иов и Симонова монастыря–Гавриил¹⁹. Весьма вероятно, что упомянутые представители высшей церковной власти присутствовали также и на духовном Соборе. И очень может быть, что царь потому только и пригласил их на земский Собор, что они находились в это время в Москве.

Относительно времени, когда начались и долго-ли продолжались заседания Собора 1681–1682 гг., можно предположить, что предварительные совещания царя с патриархом начались в конце ноября 1681 г.²⁰, а общие заседания Собора открылись не ранее первых чисел сентября 1682 г.²¹.

Окончились соборные заседания–неизвестно когда, во всяком случае не позже половины апреля месяца 1682 года²². Так что соборные деяния продолжались (считая, конечно, с перерывами и полагая год с сентября по сентябрь) месяцев шестнадцать с чем нибудь.

Чтобы составить понятие о характере соборных прений – довольно сравнить царские предложения с соборными на них ответами. Ниже мы увидим, что Собор почти во всем согласился с предложениями царя и утвердил их.

Таким образом, сколько было предложений, столько же явилось и ответов.

Для большего удобства я разделил их на три группы: а) на соборные определения, направленные к ограждению Церкви от ее противников и распространению христианства; б) соборные определения, направленные к понятию церковной дисциплины, и в) постановления обрядового характера. К первой группе мною отнесены определения о раскольниках, умножении епископских кафедр и – постановлении священников в зарубежные города. Ко второй–о монастырском и церковном благоустройении, о нищих и о присяге по «чиновной печатной книге». Наконец, к третьей–постановление о сохранении некоторых священных предметов.

А. Соборные определения, направленные к ограждению Церкви от ее противников

Глава I-я. О раскольниках

Очерк истории раскола и борьбы с ним Церкви от начала раскола до Собора 1681 г. – Определения против раскола Соборов 1666–1667 гг. – Состояние раскола во время Собора 1681 г. – Жалобы царя Собору: а) на распространение раскольнических сочинений и б) на умножение раскольнических молелен. – Постановления Собора 1681–1682 гг.

Русский раскол старообрядства, как отдельное, обособившееся от Церкви религиозное общество, существует лишь с 1667 г. Все возникавшие до этого времени ереси и расколы (стригольники, жидовствующие, Башкин, Косой) имели настолько нетвердые основания, настолько слабо проникали в народную жизнь, что были не в силах отделиться от Церкви. Только в половине XVII столетия явилось такое религиозное движение, которое постепенно разлилось по всей Руси и которое не прекратилось даже до сих пор...

Чем же, спрашивается, было вызвано это движение и что благоприятствовало его развитию?

История христианской жизни русского народа показывает, что предки наши, по принятии христианства, тотчас же увлеклись внешнею стороною новой религии. Недостаток богословского образования мешал им заниматься, подобно греческим или западным христианам, религиозными спорами, тонкими учено-созерцательными исследованиями догматов веры. Они держали веру простодушно, не отделяя буквы от догмата?²³.

Свою веру и благочестие древне-русские христиане полагали в продолжительной домашней и общественной молитве, чтении и списывании церковно-богослужебных книг, сооружении храмов, икон в дорогих окладах, колоколов.

Свою жизнь они старались устроить по образцу монашескому. Утром и вечером в комнате, уставленной образами, собиралась вся семья и прислуга, зажигались лампы и свечи, курили ладаном, хозяин, как домовладыка, читал вслух положенные молитвы. Приступая к занятию,

считали необходимым сделать пред образом крестное знамение, а если можно, то и принять благословение священника. Вставали и ночью на поклоны; ночная молитва считалась приятнее Богу, чем дневная.

«Михайло (кн. Тверской) измлада имяше и никакo изменяше правила своего: в нощи пояше псалмы. А како поиде из Володимера, от недели до недели пощашеся, причащашеся тела и крови Господни. Отнеле же ят бысть, вся ноци не даде сна очима, да не вздремлет, но паки славяше Бога, с многими слезами, и глубоким воздыханием исповедаяся ему: «Господи! услыши молитву мою и вопль мой к тебе да приидет». И егда стражи забиваху в колоде руце его, ни тако озлобляем, пояше непрестанно псалтырь, а един от отрок сидяше, прекладывая листы. Он же прилежно глаголаше: «Господи, не отврати лица твоего, яко скорблю»! И тако на всяк час моляся Богови»²⁴. С домашнею молитвою предки соединяли церковную. При несложности древней жизни многие ходили в церковь ежедневно.

Владимир Мономах поучает: «Перьвое к церькви, да не застанет солнце на постели. Тако бо отец мой деяше блаженный и вси добрии мужи»²⁵...

В праздники, которых в древней Руси было очень много, предки особенно усердно ходили в церковь и посещали монастыри. «Просвещени людие светло праздноваху воскресение, праздники и посты»²⁶.

Вместе с праздниками русские соблюдали посты. С особенным усердием они проводили Великий пост и посты, налагаемые по случаю общественных бедствий. Многие налагали на себя произвольные посты в понедельник, обетные пятницы и пр. Многие принимали пищу в два и в три дня – раз, в первую и последнюю неделю – по разу. Самые образованные люди общества, как Курбский, Иоанн IV, были постники. Царь Алексей Михайлович в недели Великого поста по три дня (понед., среда и пятн.) не ел ничего, в остальные дни обедал. Многие от излишнего поста заболевали... Богослужение во дни Великого поста было продолжительно. Алексей Михайлович в

Великий пост выстаивал службу церковную по четыре часа, полагал 1500 поклонов, и этим удивлял иноземцев.

Усвояя богослужебным книгам значение не меньшее в деле спасения, чем слову Божию и вере Христовой, предки наши переписывали их с особенною любовью и усердием²⁷.

На это занятие некоторые посвящали даже всю свою жизнь. И это были не одни простые иноки, священники и миряне, но и высшие духовные лица и князья. Св. Алексей, митрополит, в 1355 г., собственноручно списал Евангелие, которое хранится доныне в Чудове монастыре. Князь Владимир Васильевич Волынский переписал Апостол и Евангелие в 3-х экземплярах, Пролог в 12-ти месяцах, 12-ть Миней, Триоди, Октоих, Ирмолог, службу св. Георгию и молитвенник с утренними и вечерними молитвами.

Свои труды писатели обыкновенно приносили в церкви или монастыри, как вклад на помин души. Особенно любили полагать на престол Евангелие. Напрестольные Евангелия украшались богато: доски оклеивались шелком и бархатом, металлическою каймою и другими украшениями. В богатых приходах Евангелие оковывали чеканным серебром и золотом и осыпали драгоценными камнями.

Построение церкви считалось важным событием в древней Руси. Летописи наполнены известиями о построении и украшении храмов²⁸. В начале христианства в России храмов и монастырей было уже много. В Киеве, по уверению Никоновской летописи, в пожар 1017 г., сгорело церквей «яко до семи сот»; по уверению Титмара Мерзебургского²⁹, относящемуся к 1019 г., их было в Киеве четыреста; по свидетельству Лаврентьевской летописи, в пожар 1124 г., церквей сгорело «близь 6 сот». Количество церквей Москвы издавна выражено пословицей: «сорок сороков». Церкви, как дом Божий, строили без печей, чтобы не равнять с домом обыкновенным. На построение и украшение церквей древне-русские христиане не щадили денег.

Самые дома свои они украшали иконами, в виде иконостаса, на подобие церкви. К иконам делали привески из золота, серебра, дорогих камней и жемчуга. В богатых домах иконостас закрывали завесою, сметали с него пыль крылом и

вытирали губкой. В Домострое, который, по замечанию ученых исследователей русской старины, верно отразил в себе религиозный характер древнего русского быта, говорится следующее о почитании икон: «В дому своем всякому христианину, во всякой храмине святые и честные образы, написаны на иконах по существу, ставити на стенах, устроив благолепно, со всяким украшением и со светильники, в них же свечи, пред святыми образы возжигаются, на всяком славословии Божии; и по пении погашают; завесою закрываются, всякие ради чистоты, а от пыли благочиния ради и бережения; а всегда чистым крыльцем обметати и мягкою губою вытирати их, и храм тот всегда чист имети, паче иных храмов»³⁰. С особенным великолепием украшались святыми изображениями хоромы боярские и царские палаты. Об украшении домов иконами свидетельствует Маржерет³¹. Вообще Русь поражала иностранцев своею церковностью. Внешний вид русского города и селения показывал, что религия – господствующая сила в стране. Иностранцы видели в городах множество богатых церквей и монастырей. По городу постоянно слышится звон «доброшумных» колоколов; на всех улицах стояли часовни, иконы в окладах, с зажженными свечами. Прохожие крестились пред каждою церковью и часовней, иные клали земные поклоны. Везде можно было встретить духовенство и со св. водою, крестами, иконами и пением; весьма часто совершались торжественные крестные ходы³².

Самая одежда русских своим покроем напоминала влияние Византии и носила отпечаток церковный. Многие миряне носили монашеские одежды и принимали на себя вид пустынников. Облачение бояр, кафтаны (ферязи), с широкими поясами, напоминало одежду духовенства. Праздничное платье бояр и царей походило на церковные ризы: оно делалось из дорогих материй, яркого цвета, украшалось золотом, серебром и множеством пуговиц. Бояре надевали на шею тяжелые золотые цепи с крестами. Кафтан царский, в виде саккоса, и шапка, в виде митры, украшалась жемчугом, образками и крестами, на подобие одежды греческих царей.

Однако, не смотря на такое направление благочестия наших предков, они-по крайней мере на первых порах – не чуждались внешних исправлений и нововведений в церковной практике. Они не противились введению при Ярославе Великом «демественного пения»³³. Для них было безразлично на скольких просфорах совершать евхаристию³⁴, какому молиться кресту – четвероконечному, или восьмиконечному. В церковно-богослужебных книгах они не придавали особенного значения букве Писания³⁵. В XIII ст. митрополит Кирилл II-й, исправляя довольно значительные разности в богослужебных обрядах, также не встретил себе сопротивления. Благодаря тому, что разности исправлялись не повсеместно, в церковной практике явилось разнообразие. Оно особенно стало заметно с разделением Руси на уделы.

В XIII столетии Россию постигло страшное татарское нашествие. Дикие кочевники, помимо материальных убытков, нанесли решительный удар нашему юному просвещению. Школы закрылись, живое самобытное учительство церковное упало; с упадком просвещения пали и нравы... Наступили темные времена невежества.

Церковно-обрядовое направление в большей части на рода мало-по-малу приняло односторонний мертвенный характер. На самые обряды Церкви стали смотреть, как на существенные догматы христианства. Самые ничтожные разности в них стали предметом особенного внимания³⁶. По поводу их начались жаркие споры. В первый раз они обнаружились в XV в. касательно употребления сугубой аллилуйи и хождения (в крестных ходах) «по солонь» (по солнцу), но, впрочем, скоро утихли.

Между тем русским необходимо было найти пищу своей религиозной любознательности, которая, нужно заметить, всегда была довольно сильна. Где же было найти эту пищу? Очевидно, в церковных книгах. Но этот источник просвещения, хороший сам по себе, был лишен живого руководства, которое наставляло бы почерпающих из него, как правильно пользоваться его водами. Каждый мог видеть его благотворность, и, однако, каждый же мог сказать: не знаю

человека, который помог бы мне надлежащим образом воспользоваться им. Между тем с течением времени и самый источник засорился: в церковно-богослужебных книгах, при частой переписке, вследствие поспешности, нерадения и – главное – невежества переписчиков, возникли грубые ошибки³⁷. И вот, в головах наших предков, учившихся вере по церковным книгам, испорченным невежеством, явились те мнения, которые потом вошли в состав учения раскольнического.

С течением времени число погрешностей умножалось все более и более. В виду этого в XVI ст. Церковь, воспользовавшись приездом в Москву ученого Максима Грека, поручила ему исправить церковные книги. Но известно, что всякое движение к прогрессу неминуемо вызывает протест, оппозицию, консервативные стремления. Сила существующего порядка не может уступить без реакции, как не уступают без сопротивления силы природы, уклоненные от их первоначального направления. Лишь только Максим принялся за исправление книг, как тотчас явилась оппозиция в лице ревнителей старины. «До нас положено, – твердили люди буквы, люди старины, – лежи оно так во веки веков, православным нужно умереть за един аз»... «Дрожь великая поймала и ужас напал на меня», – рассказывал писец Михаил Медоварцев, когда Максим Грек велел ему заглазить несколько строк в одной богослужебной книге.

Кружок лучших людей того времени, составившийся около Максима, одобрял его исправления, к сожалению, кружок этот был очень не велик, люди старины пересилили и Максиму пришлось поплатиться продолжительным монастырским заточением. Точно такая же участь постигла другого справщика знаменитого троицкого архимандрита Дионисия, сто лет спустя после Максима исправлявшего церковные книги. Гораздо удачнее были исправления церковно-богослужебных книг и обрядов, предпринятые во второй четверти XVII в., при п. Иосифе. Со времени Иосифа церковные исправления сделались настоящею специальностью времени и начали производиться в таких широких размерах, каких прежде не бывало ни разу. При этом само собою понятно, что если

предшествовавшие исправления вызывали дрожь, желание умереть «за един аз», то теперь, когда эти исправления начались в небывалых еще размерах, и самый протест против них должен был обнаружиться с небывалой же силой. Если прежде поборники буквы одерживали верх над поборниками церковного обновления, которых было немного и которые были одиноки, то теперь, когда представителей преобразовательного духа стало много и когда они стали во главе церковной и гражданской администрации, они должны были осилить ревнителей старины. А последние, не желая уступить, должны были встать в оппозицию к Церкви. Словом, церковное разделение было неизбежно. Справщиками были назначены лучшие из представителей тогдашнего духовенства, люди передовые, известные своею книжностью и благочестием. Но как низко стояла образованность этих книжников³⁸. Впрочем, ученые справщики сделали все, что было можно при тогдашних средствах образования. В это время прибыли в Москву иерусалимский патриарх Паисий с ученым греком Арсением и малороссийские ученые (Епиф. Славенецкий, Арс. Сатановский и др.). Они указали п. Иосифу на ошибки справщиков. Иосиф теперь поручил исправить книги приезжим ученым. Каково же было старым справщикам? До сих пор они имели авторитет непререкаемый, слыли знатоками, а теперь их променяли – и на кого же? На пришлых киевских и греческих монахов! Да сами-то эти монахи православны-ли? ³⁹. Тут вспомнили, что греки и учатся на Западе в еретических странах, и книги свои печатают там же. Арсений Суханов, дважды ездивший, по поручению п. Иосифа, на Восток для изучения греческих обрядов, своими рассказами усилил подозрительность к грекам. В патриаршество Иосифа приезжими греками и малороссами были исправлены и напечатаны «Шестодневце» (собрание дневных служб недели) в 1650 г., «Служебник» в 1651 г.⁴⁰ и было положено подвергнуть новому пересмотру отпечатанную в 1650 г. «Кормчую книгу». В 1652 г. скончался п. Иосиф и на патриарший престол был возведен новгородский митрополит Никон. Первою его заботою было – исправление книг. Но прежде чем приступить к этому делу, новый патриарх в 1654 г.

созвал Собор. На Соборе исправление книг было признано совершенно необходимым.

Решение Московского Собора тогда же было одобрено на Большом Константинопольском Соборе, который прислал от себя книгу «Скрижаль», содержащую в себе толкование на чин литургии. После Собора известный уже нам Арсений Суханов был снова отправлен на Восток с поручением собирать рукописи, необходимые при исправлении книг. Ко времени возвращения Арсения в Москву приехали патриархи: антиохийский Макарий и сербский Гавриил и митрополиты: никейский Григорий и молдавский Гедеон. Никон воспользовался их приездом и собрал новый Собор (1655). Собор подтвердил постановления предшествовавших Соборов – Московского и Константинопольского. И чтобы положить начало великому делу, отцы Собора сами немедленно занялись исправлением «Служебника» и «во всем справя сию святую книгу и согласно сотворя древним греческим и славенским» повелели напечатать ее в Москве в том же 1655 г. Не желая ограничиться исправлением одной этой книги, Собор узаконил, чтобы и прочие св. книги, в каких только обретаются погрешности, были также исправлены по древним греческим и славянским спискам, – и закрыл свои заседания⁴¹

Дело Никона принимали все с покорностью, за исключением немногих духовных лиц. Знаменитый историограф старообрядчества, Андрей Денисов, не верить

которому мы не имеем никаких причин, говорит: «Никоновым новоисправленным книгам, повсюду рассылаемым, никто не обретется противостоящ, никто же оные новшества возражающ, страху царского указу вся колеблющу, кроме Павла доблого епископа Коломенского и великоревностного протопопа Аввакума, новые книги новопечатные и не хотяще прияша» (Из «Винограда Российского»). В Апреле 1656 г. был в Москве Собор на непослушников. Собор этот занялся специально вопросом о крестном знамении. Отцы, выслушав длинную речь п. Никона в защиту троеперстного крестного знамения и внимательно рассмотрев, представленные им, ответы восточных патриархов о том же предмете и выписку из

слова иеродиакона Дамаскина о кресте, осудили всех мыслящих иначе⁴². После Собора 1656 г., правительство потребовало, чтобы все без прекословия приняли исправленные книги и троеперстное крестное знамение. Следовало ожидать, что масса народа и духовенство подчинятся авторитету Церкви, но вышло иначе.

Народ был недоволен правительством и свое недовольство выражал целым рядом возмущений⁴³. В низшем духовенстве господствовало раздражение против высшей духовной власти.

Власти не столько заботились о благе народа, сколько угнетали его. Народ часто не находил правды на суде, и страдал невинно. Котошихин пишет: «Хотя на посулы положено наказание и судьи чинят о тех посулах крестное целование с жестоким проклинательством, что посулов не имати и делати в правду, по царскому указу и по Уложению: ни во что их есть вера и заклинательство, и наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержать не могут и руки свои ко взятию скоро допускают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице чрез жену, или дочь, или чрез сына и брата, и человека, и не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают. Однако чрез такую их прелесть приводит душа их, злоиманием, в пучину огня негасимого, и не только вреждают своими душами, но и царскою, взяв посулы облыгают других людей злыми словами, и не стыдятся того делати потому: кто может всегда близко приходить к царю и видети часто от простых людей?»⁴⁴.

Горькие жалобы на притеснения областного начальства раздавались во все время первоначального распространения раскола⁴⁵

Положение низшего духовенства по отношению к высшему, благодаря утвердившейся в духовном управлении системе «кормления», походило на положение народа в отношении к властям. В патриаршества Иосифа и Никона раздавались жалобы на поборы патриарших дьяков. Из них особенно печальную известность приобрел в Москве дьяк Кокошилов. Священник должен был дарить не только самого Кокошилова, но и жену его и даже слуг⁴⁶. В областях, в большие праздники,

подчиненным нужно было обдарить более сорока лиц, приближенных к архиерею⁴⁷. К поборам надо присоединить жестокое обращение. Коломенский архиепископ Иосиф жестоким обращением с подчиненными превосходил самого дурного воеводу⁴⁸. Сам патриарх Никон был человек далеко не мягкого характера, и за это не был любим своими подчиненными. К тому же он довольно энергично принялся за введение реформы. Попов, которые приходили в сомнительство и не решались сразу служить по новоисправленным книгам, вместо того, чтобы убеждать ласкою, он принялся смирять обычною строгостию. А уже по свойству человеческой природы известно, что приводить к изменению убеждений строгостию – значит создавать упорных защитников того, что желают вывести.

Мысль о том, что п. Никон явился не православным, еретиком, была приятна большинству духовенства. «Мнози от священного чина, – говорит Денисов, – явственно воспротивишася Никону в новопеременах» («Виноград Российский»). Произошла размолвка Никона с царем. Патриарх удалился в Воскресенский монастырь. В его отсутствие оппозиция против реформы возрастала. В «извещении о низвержении Никона из сана Патриаршеского» сказано: «в неже между – Патриаршества время соблазнишася его ради мнози, и явишася раскольницы и мятежницы Православно-Российския Церкви»⁴⁹. Теперь те, которые прежде ничего не думали, начали думать. Священники и монахи, подчас механически отправлявшие служебные обряды, стали рассуждать об этих обрядах, стали привязываться к ним, именно потому, что их принуждали делать иначе, а не так как прежде они привыкли делать. Волей-неволей ради защиты старины пришлось им обратиться к книгам, пришлось серьезно учиться. Первые занялись этим люди талантливые – из среды того же духовенства.

Собравшийся в Москве, в 1666–1667 гг., по делу п. Никона, Большой Собор низложил Никона, одобрил и утвердил исправление церковно-богослужебных книг и обрядов, признал недействительными постановления Стоглавого Собора⁵⁰ и,

наконец, предал анафеме всех тех, которые вперед будут держаться старины⁵¹.

Осуждение Никона, отмена постановлений Стоглава, имевших доселе непререкаемый авторитет, и анафема на приверженцев старины – много способствовали усилению оппозиции. Противники реформы имели теперь у себя страшный рычаг для поднятия массы: они ставили православным ряд роковых вопросов, на которые отвечать было довольно трудно. «Аще Никон, – говорили они, – наставник ваш, правый путь вам обрете, то почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя своего ратуют? Аще ли Никон враг Богу и Богородице и Святым Его и вам, то почто его пестрые законы держите?»⁵². Если – продолжали они – прокляты те, которые теперь крестятся двумя перстами и молятся по старым книгам, то, стало быть, прокляты и те, которые прежде так поступали? А если так, то, значит, прокляты все святые чудотворцы и угодники, просиявшие в прежние века в русской Церкви? Если можно было достигнуть вечного спасения и святости, крестясь двумя перстами и отправляя богослужение по старым книгам, то зачем же запрещать теперь то, что вело к спасению благочестивых в продолжение многих веков? Старая Церковь имела за собою слишком много чудес и святости: как же променять ее на новую, которая еще не ознаменована Божиею благодатью? Если новая Церковь так прямо делается враждебной старой, то ради спасения души, не надобно ходить в новую Церковь: она – дело грядущего уже Антихриста. Слыша такие речи, одни из народа пустились в прения о разных переменах в обрядах и выражениях. Симеон Полоцкий так изображает это: «ныне разглагольствуют о богословии мужие, разглагольствуют и отроцы, препираются на торжищех скотопродатели, да не реку в корчемницах пиянии, напоследок и буия женище словопрения деют безумное, мужем своим и Церкви пререкающе» («Вечеря душевная»). Другие – и это было большинство – усвоивали из всего, что слышали, только то, что в церковь не следует ходить, не должно звать православных священников и принимать от них ни молитв, ни таинств.

Таким образом, произошло разделение, явились два направления – новое и старое, возникли два лагеря – правительственный и противу-правительственный. Со стороны правительства начались энергичные преследования упорных: одних – ссылали, других – жгли, третьим – резали языки. Всякие оуждения реформы истолковывались как хула на Бога. Пользуясь этим, многие недобросовестные люди, из числа православных, давали доводам и речам своих противников смысл богохульства; первая же глава «Уложения» осуждала за богохульство на сожжение. Из предисловия к «Увету Духовному» видно, что уже тишайший Алексей Михайлович «многих во оземствование послав и в темницы заточи, а иных хульников повеле огню предати за нестерпимые их богомерзкие хулы».

Оппозиция против нововведений разразилась в первый раз серьезно возмущением в Соловецком монастыре. Но и соловецких иноков первое обращение к царю было очень покорное. «Милосердый Государь, – писали они, – помилуй нас нищих своих богомольцев; не вели архимандриту Сергию прародителей твоих и начальников наших, преподобных Зосимы, Савватия, Германа и Филиппа предания нарушить, и вели, Государь, нам в том же предании быть»...⁵³.

И если бы им уступили, позволили остаться при прежних формах, то уже тогда бы образовалось единоверие. Но им не сделали никаких уступок. После безуспешных переговоров под стенами Соловецкого монастыря явился стряпчий Игнатий Волохов с сотнею стрельцов (1668). Но, благодаря ничтожности сил и неумению воевод, осада затянулась слишком на семь лет. Правительство принуждено было еще два раза переменять начальство над войском. Наконец, 22-го января 1676 г., воевода Иван Мещеринов взял монастырь и перевешал зачинщиков.

С вступлением на престол царя Феодора Алексеевича преследования раскольников усилились. Но чем суровее были меры правительства, тем шире и упорнее становилось противодействие. Попы и монахи, не хотевшие принять «новшеств», спасаясь от преследований, расходились по всей стране, проповедуя народу, что гибнет св. вера, что Никон и его

последователи ввели ересь, что наступает время Антихриста. «Как пламень, при бурном ветре, – пишет протопоп Иоаннов, – всюду разливались они... Они рассыпались по городам, куда кто мог, и везде простой народ смущали и к своему единомыслию приводили»⁵⁴. Первыми такими миссионерами были соловецкие отцы. Семен Денисов, брат Андрея, написавший «историю об отцах и страдальцах соловецких», восхвалив многих чернецов, рассеявшихся во время соловецкого бунта по северному поморью, заключает: «прочии же отец соловецких, ови во время раззорения по странам Российским во оземствия, ови же и прежде изшедше странствованием рассеяшася и идеже аще во градах и весех, аще во пустынных скитах многи на стези древле-благочестивых церковных законов навратиша». Ко времени Собора 1681 г. раскол пустил глубокие корни даже в самой столице. Пропаганда велась здесь открыто: посредством распространения в народе сочинений и посланий, направленных против Церкви вообще и патриарха Никона в частности. «Не точию в селех и во градах, говорит п. Иоаким, но и в самом царствующем граде Москве чрез их (расколоучителей) ложная и прелестная словеса и писания простой и их прелести немогущий познати мног народ прельщали,

Они рассыпались по городам, куда кто мог, и везде простой народ смущали и к своему единомыслию приводили яко словесы, тако и злолукавными и лестными писании» («Слово Благодарст.»). Протопоп Аввакум написал несколько посланий и статей, исполненных ненависти к п. Никону. Сочинения эти имели большой успех⁵⁵. Диакон Феодор рассылал послания «о правой вере» и «об Антихристе». Монах Феоктист написал «слово» об Антихристе. Семен Жулев и ученик Аввакума – Авраамий написали сочинения в защиту старой веры. Огромную известностью пользовалась в народе книга «о правой вере» архимандрита Спиридона с полемикою на поправки в церковных книгах. Равным образом распространялись в массе списки челобитных попов Никиты и Лазаря. Келарь Соловецкого монастыря Азарий и черный поп Геронтий написали от себя челобитную в защиту раскола и один экземпляр ее послали к

царю, а несколько экземпляров распространили в народе. Ревность о старой вере простерлась до того, что в день Крещения в 1681 г., некто Герасим Шапочник разбрасывал с Ивановской колокольни прелестные листы в народ⁵⁶. На Соборе 1681 г. Феодор Алексеевич говорил: «На Москве всяких чинов люди пишут в тетрадех, и на листах, и в столбцах выписки, имянуя из книг Божественного Писания, и продают у Спасских врат и в иных местех, и в тех писмах на преданные святой Церкви книги, является многая ложь, а простолюдины, не ведая истинного писания, приемлют себе за истинну и в том согрешают паче же вырастают из того на святую Церковь противление...» (14-е предложение). Читая апологии в защиту старой веры, русский простолюдин проникался уважением к старообрядству. Ему хотелось побывать в староверческих моленных. И вот, лишь только он входил сюда, как его поражало благолепие внешности. Пред ним открывался богатый иконостас, украшенный старинными, часто драгоценными иконами, десятки горящих лампад и сотни возженных свеч сияли «как лице Божие». В алтаре иерей или наставник священнодействовал смиренно, степенно, благоговейно. На клиросах по десятку и более громогласных певцов, чинно, тихо, большею частию протяжно-заунывно пели церковные песни по старинному столповому напеву. Чтецы читали не торопясь, внятно, благоговейно. Служба совершалась по Иосифовскому уставу без малейшего ощущения. Богослужение продолжалось 4–5 часов кряду. Во время службы никто с места на место не переходил, по сторонам и назад не оглядывался, друг с другом не разговаривал, тем более не смеялся. Все общество молящихся крестилось в одно время, тихим, полным и неспешным двуперстным крестным знамением, с усиленным ударением на челе, на раменах и на чреслах, с возведением очей горе. Земные поклоны тоже клали одновременно, стройно, чинно, правильно⁵⁷. Глубоко действовала на сердце русских людей такая благолепная церковно-богослужебная внешность старообрядческих молелень. Побывавший здесь раз простолюдин во второй раз уже не шел в православную церковь, а прямо отправлялся сюда. Зажиточные люди сами

начали устраивать в своих домах подобные моленные. С течением времени таких частных церквей явилось в одной Москве чрезвычайно много. Царь писал Собору 1681 г.; многие, оставив Церковь, заводят в своих домах «молебища», а на святую Церковь «износят страшные хулы, чего потонку и исписати не возможно» (2-е предл.).

Наконец, раскол с успехом воспользовался часовнями, которых по Москве было разбросано в разных местах великое множество. Это были небольшие помещения, вроде палаток. В них ставилось несколько икон и постоянно находился священник для пения молебнов. С открытием раскола, когда многие такие священники перешли на сторону церковных противников, часовни обратились в места публичной староверческой проповеди. В этих часовнях, по словам Феодора Алексеевича, в праздничные дни «собирался многой народ, оставя святую Церковь и в ней совершаемую божественную тайну» (16-е предл.).

Царь Феодор Алексеевич не ограничился одним указанием отцам Собора на необходимость принять меры к пресечению раскольнической пропаганды, но и сам «яко истинный веры православные хранитель», предложил свои средства. Говоря об открытой продаже, на самых людных улицах Москвы, раскольнических книг и тетрадей, он советовал, «чтоб святейший Иоаким, патриарх Московский и всея России, изволил приказать остерегать и свидетельствовать (книги) с Печатного Двора» (14-е предл.). «Которые книги прежних печатей учнут всяких чинов люди продавать, и у тех бы людей те книги имать на Печатной Двор, а вместо того давать исправленные книги, чтоб в том во святых церквях не согласия, а меж людьми сумнения, не было» (15-е предл.). Собор на это ответил: «По сему предложению указал бы Великий Государь приставить особого человека, а он святейший патриарх особого человека из духовных изберет же, чтоб они вкупе того остерегали, – и которые объявятся с такими лживыми писмами, и тех имая приводить в его Патриарш Приказ и чинити смирение, смотря по вине, и имати пени по рассмотрению; а для вспоможения тем выборным людям давать с караулов

стрельцов, когда понадобятся на не послушников» (Отв. на 14-е предл.). А кто сам, одумавшись, «учнет книги приносить прежних печатей» на Печатный Двор, тому взамен «новоисправные книги даны будут без цены» (Отв. на 15-е предл.).

Относительно же тех, которые при своих домах устроили моленные, а в церковь ходить перестали, Собор, – ссылаясь на действия царя Алексея Михайловича, которому патриарх тоже доносил «о таковых развратниках», и он «ревнуя по Господе Бозе и обороняючи мать свою святую Церковь», приказал отсылать таких людей к градскому суду и «по своему Государеву рассмотрению, кто чего достоин, указ чинить», – просил, чтобы те «развратники и отступники», которые «по многом церковном учении и наказании и по нашем архиерейском прошении к их обращению истинного покаяния, явятся противны, святой Церкви не покорны» и таких отсылать к градскому суду и по Государеву рассмотрению, кто чего достоин, указ чинит». Об этом известить воевод и приказных людей грамотами и написать им «в наказы, чтоб то дело было под его Государевым страхом в твердости». Вотчинникам и помещикам приказать у кого такие противники есть и будут, – объявлять архиереям и воеводам, а в случае «которые раскольники по посылкам архиерейским учинятся сильны, то на тех бы раскольников посылать воеводам служилых людей» (Отв. на 2-е предл.). Наконец, относительно часовен Собор постановил – закрыть их, за исключением лишь немногих, находящихся около караулов. Но и в этих немногих Собор допустил только «святым иконам быть, а старцам при тех часовнях не жить и поселения никакого не иметь» (Отв. на 16-е предл.).

Таким образом, Собор принял следующие меры к пресечению в Москве раскольнической пропаганды: учредил особых выборных для наблюдения, чтобы ни кто не продавал староверческих книг и тетрадей, постановил отсылать упорных раскольников к градскому суду и закрыл множество – совершенно лишних – часовень. Выборных должно быть двое один из них – представитель светской власти и должен

избираться из людей светских, а другой – представитель власти духовной, а потому и выбираться должен из духовного звания. Собор указывает, что последний должен быть из духовных, но не указывает должен ли он быть облечен каким-нибудь иерархическим саном. Очень может быть, что в духовные выборные назначался какой-нибудь патриарший боярин. Замеченного в распространении староверческих сочинений выборные приводили в Патриарший Приказ для смирения и назначения с виновного «пени (штрафа) по рассмотрению». В случае же сопротивления, что бывало, впрочем, редко и преимущественно тогда, когда выборным удавалось открыть целый кружок церковных противников, они прибегали к содействию полицейской власти (стрельцов).

Самых упорных из староверов Собор определил отсылать к градскому суду. В этом случае Собор руководился прежними узаконениями. Он имел в виду, во-первых, постановления Московского Собора 1667 г. и, во-вторых, указы царя Алексея Михайловича. На Соборе 1667 г. поставлен был, между прочим, следующий вопрос: «аще еретики и раскольники, подобает ли наказаться градским законом, или токмо церковным наказанием?» На что отцы Собора, на основании примеров, заимствованных из истории вселенских Соборов, ответили так: «еретики и раскольники не токмо церковным наказанием имут наказаться, но и царским, сиречь, градским законом и казнением»⁵⁸. Равным образом и царь Алексей Михайлович многих из первых раскольников, которые, как доносил царю п. Никон, не только не покаялись, но дерзко продолжали хулить св. Церковь, одних послал в заточение, а других повелел казнить смертью («Увет Духовный»): так как по действовавшему тогда Уложению, дерзавший изрекать хулы на Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа или на честной Его крест подлежал смертной казни⁵⁹.

Оставалось меры, указанные Собором, привести в исполнение. И действительно, в том же 1682 г., главные расколоучители: Аввакум, Лазарь, Феодор и Епифаний, были сожжены всенародно, – без сомнения, в той мысли, что с гибелью их погибнет и все дело их⁶⁰. Вероятно, были и другие

казни, так как во время московского мятежа и после него, мятежники не раз укоряли патриарха в жжении раскольников. Но это обстоятельство еще более возжгло ненависть раскольников против патриарха и подготовило известный бунт 5-го июля 1682 г. Раскольнические волнения задержали на некоторое время осуществление соборных постановлений. Но как только смута прекратилась, п. Иоаким начал крепко настаивать на исполнении их. Он требовал, чтобы епархиальные власти, в силу соборного определения и царских указов⁶¹, сыскивали, чрез воевод, вотчинников и помещиков, староверов, доставляли последних в свои духовные приказы, увещевали их здесь и непокорных или подвергали монастырскому смирению, или же предавали гражданскому суду⁶². Провинциальные духовные и гражданские власти старались в точности исполнять царские и патриаршие указы и грамоты. Они рассылали от себя по областям памяти и наказы с разъяснением царских и патриарших предписаний и требованием их осуществления⁶³. Меры эти, как можно думать, достигали цели, потому что не без причины же ожесточались староверы и росло противодействие Церкви...

Глава II-я. О умножении епископских кафедр

Малочисленность архиерейских кафедр в России в XVII в. – Следствия этого. – Заботы Церкви об открытии новых епархий на Соборе 1667 г. – Предложения царя Феодора Алексеевича Собору 1681 г. о том же предмете. – Ответ Собора.

В епархиальном управлении русской Церкви, в XVII ст., обращает на себя внимание малочисленность епископских кафедр. Еще при учреждении патриаршества (1589 г.), бывшие в Москве восточные патриархи обратили внимание на недостаточность епархий и предлагали открыть несколько новых кафедр. Предложение это – по обстоятельствам времени – не осуществлялось в течение всей первой половины XVII ст. При вступлении Никона на патриарший престол (1652), в великороссийской Церкви, кроме патриаршей области, считалось только пятнадцать епархий⁶⁴, в коих было – четыре митрополита (Великоновгородский и Великолуцкий, Казанский и Свияжский, Ростовский и Ярославский, Сарский и Подонский), девять архиепископов (Вологодский и Великопермский, Суздальский и Таружский, Смоленский и Брянский, Рязанский и Муромский, Тверский и Кашинский, Астраханский и Терский, Псковский и Изборский, Сибирский и Тобольский, Архангельский – в Москве) и два епископа (Коломенский и Каширский, Корельский и Орешетский). Из числа поименованных епархий многие были чрезвычайно обширны и потому весьма неудобны для епископских обзрений. Пределы Сибирской епархии простирались: на севере – до Ледовитого Океана, на востоке – до Восточного Океана, на юге – до китайских владений: Даурии и Киргизкайсацких степей, а на западе – до Урала, и далее его внутрь Европейской России. Словом: Сибирская епархия – во второй половине XVII ст. – простиралась на пространстве слишком 300.000 кв. миль, на пространстве нынешних шести епархий: Тобольской, Иркутской, Томской, значительной части Камчатской, Пермской и Оренбургской⁶⁵. После Сибирской самая обширная епархия была – патриаршая Московская. Она заключала в себе нынешние епархии: Московскую (кроме

Коломенской области), Костромскую, Вятскую (до 1663 г.), Нижегородскую (до 1672), Курскую и Орловскую, некоторые приходы и целые уезды в епархиях. – Архангельской, Владимирской, Новгородской и Тамбовской⁶⁶. Следующие весьма обширные епархии были Новгородская и Казанская. Первая до 1682 г. обнимала, без малого, теперешние епархии – Петербургскую, Олонецкую, Архангельскую, некоторые уезды и приходы из Вологодской и других северо-восточных епархий⁶⁷. Вторая заключала в себе нынешние епархии – Казанскую, Симбирскую и Уфимскую⁶⁸. Много монастырей и пустынь Казанской епархии находилось в пределах нынешней Вятской епархии, в пределах теперешних Пермской, Костромской и Симбирской губерний, в Нижнем-Новгороде, Василь-городе, Самаре.

Благодаря такой спутанности пределов епархий нередко возникали между епископами споры из-за вмешательства одного архиерея в епархию другого. Духовенство пользовалось этими случаями и не хотело повиноваться ни тому, ни другому из спорящих епископов. Так, например, в 1622 г., во время споров из-за границ епархий Новгородского и Вологодского архиереев, митрополит Новгородский Макарий жаловался царю Михаилу Феодоровичу, что «те-де колмогорские и важские и каргопольские, и тех городов в уездах, по монастырям архимандриты и игумены, а по мирским храмам попы и диаконы и церковные причетники, и земские люди его (митрополита) и его приказных людей и десятильников ни в чем не слушают и во всяких духовных делах под суд не даются и ставятся сильны, и духовных дел судными и всякими пошлинами те архимандриты и игумены и попы владеют и корыстуются сами меж себя, а в софейскую казну всяких наших пошлин не платят»⁶⁹. В 1675 г. Рязанский и Коломенский архиереи спорили между собою о новопостроенном городе Богородицке (в Епифанском уезде), и священники этого города не подчинялись Рязанскому митрополиту – своему начальнику⁷⁰.

В рассматриваемую нами эпоху епархии нередко оставались подолгу без святителей, или-по удачному выражению наших предков – «вдовствовали». Так, по

отшествия Никона в Воскресенский монастырь, русская Церковь вдовствовала более восьми лет. «Яко оставлением престола сотвори церковь святую вдовствовати осмь лет и шесть месяцев» – сказано в обвинительном акте п. Никона⁷¹. В Корельской епархии, учрежденной в 1593 г., по смерти первого епископа Сильвестра – в 1616 г., не было ему преемников до 1685 г., т. е. более пол-столетия. В Вологодской епархии не было архипастыря в продолжение девяти лет, с 1656 г., когда скончался архиепископ Маркелл, и до 1665 г.⁷² В Астраханской епархии в 1655 г. – в моровое поветрие скончался архиепископ Пахомий, преемник же ему известный архиепископ Иосиф – был поставлен только чрез восемь лет⁷³.

Вот эти-то обстоятельства – недостаток епархий и епископского надзора, споры за границы епархий, дававшие простор вольности духовенства, наконец, вдовство епископских кафедр – много благоприятствовали распространению раскола и обеспечивали существование язычества (преимущественно на окраинах государства) еще на многие годы. Раскол особенно успешно распространялся в самых больших епархиях. Это и понятно: по чрезвычайной обширности своей они весьма неудобны были для епископских обзрений. И преимущественным поприщем распространения здесь раскола были отдаленнейшие крайние пределы, которые почти совершенно были лишены епископского надзора: в настольной грамоте, данной первому митрополиту Нижегородскому Филарету (1672), сказано: «прелестники и развратники умножились наипаче в великом княжении низовские земли, в преименитом и начальнейшем тоя страны граде, именуемом в Нижнем-Новгороде, с окрестными его грады и весми. Не сущу бо тамо пастырю, оскудеша овцы от пищи сущия тамо, не имущия скотопажитного пропитания, сиречь духовные пищи, проповеди слова Божия, в насыщение душ христианского народа. Окрест же непрестанно наветующим злохищным волком и расторгнути стадо Христово велетщательно подвизающимся. Убо избранное стадо словесных овец начало малитися, волки же злохищные умножилися»⁷⁴.

Таким образом, раскол весьма быстро распространился в епархиях – Московской, особенно в дальних ее пределах: владимирских, нижегородских, мезенских, холмогорских и архангельских⁷⁵, Новгородской, где все Поморье и вся Обонежская пятина были главной ареной «беспоповщины»⁷⁶, и Сибирской⁷⁷.

С конца XIV в. язычество в центральной России вырождается; вытесняемое христианством, оно продолжает держаться в последующие столетия не столько духом, сколько формой и обрядом. В церковных поучениях и грамотах XV–XVII вв. встречаем запрещения – кликать Коледу, Плуга и Усень, праздновать Купалу, вызывать мертвых, скакать через костры, заниматься бесовскими песнями и играми, качаться на качелях, принимать скоморохов с музыкой и медведями, гадать по новой луне, во время грома купаться в воде, умываться с серебра, в пасху – скакать на досках, в святки – переряживаться и гадать⁷⁸. Не смотря на строгость этих запрещений, святочные игры крепко держались и держатся – в некоторых местах – даже доныне. Народу, руководящемуся чувством, трудно расстаться с привычками, укорененными временем. Из царской грамоты – от 1649 г. – видно, что даже в Москве, в Кремле продолжали совершаться святочные игры и в них принимали участие духовные лица⁷⁹.

Что касается инородцев, населяющих окраины Московского государства, то еще большая часть финских племен на севере и востоке России были идолопоклонники; а татарские области оставались верны исламу. Это обстоятельство вызвало к деятельности нескольких миссионеров, преимущественно из среды монашеской, так как иноки всегда с охотой жертвовали собою ради спасения ближнего⁸⁰. Но, не смотря на все свое самоотвержение, они, к сожалению, не могли сделать многого для столь обширных местностей, как северное Поморье или Сибирь. Нередко потомки новокрещенных, если не смешивались с русскими, а иногда и сами новокрещенные – возвращались к идолопоклонству. До чего еще было сильно язычество в конце XVII ст. видно из того, что татарские мурзы, имея поместья и вотчины, населенные христианами,

принуждали последних к магометанству. Поэтому, в 1681 г., издан был следующий указ: отписать у мурз и татар поместья и вотчины, населенные христианами, а испоместить их иноверцами же мордвою; если мурзы и татары крестятся, то оставить за ними прежних крестьян, и давать им еще жалованье, да и мордве сказать, чтобы они крестились все, за что во всяких податях получают льготы на шесть лет⁸¹.

Конечно, более действительными средствами к ослаблению раскола и искоренению язычества могло служить увеличение числа епископских кафедр. Это сознавали представители высшей церковной власти. Патриарх Никон, на Соборе 1656 г., с согласия царя Алексея Михайловича, учредил Вятскую епархию. В состав новой епархии, кроме страны Вятской, отделены были из Вологодской епархии: Великая Пермь, Чердынь и Солькамская с уездами, а взамен того к Вологодской перечислены, частью из патриаршей, частью из Ростовской епархии, Белоозеро, Чаропский округ и Пошехонье с уездами. От учреждения Вятской епархии число епископий всетаки не увеличилось: в том же году без всякой причины Никон закрыл Коломенскую епархию, присоединив ее к патриаршей⁸²...

В 1667 г., собравшимся в Москве для суда над п. Никоном восточным патриархам Алексей Михайлович указал на малочисленность архиерейских кафедр в России и предложил им грамоту Московского Собора, бывшего при царе Феодоре Ивановиче по поводу учреждения патриаршества в России. Узнав из грамоты, что еще тогда предполагалось увеличить число епархий до девятнадцати, отцы Собора согласились открыть те из этих епархий, которые до сих пор не были открыты, а некоторые из предположенных тогда епархий возвести из епископий в архиепископии. Собор определил: учредить епископские кафедры – в Ржеве-Володимирове, на Белоозере и в Дмитрове; архиепископские – в Нижнем-Новгороде и Великом Устюге; епископии, уже существовавшие в Чернигове и Коломне, возвести в архиепископии. Затем Собор возвел на степень митрополий архиепископии: Астраханскую, Рязанскую, Тобольскую и учредил новую митрополию в Белгороде, утвердил архиепископство в Пскове и положил

учредить архиепископские кафедры в Архангельске и на Холмогорах, утвердил епископскую кафедру в Вятке и благословил учредить такие же кафедры в Перми, Томске и на Лене. Вообще отцы Собора благословили поставлять митрополитов, архиепископов и епископов в те города, где, по усмотрению государя и московского патриарха с прочими архиереями, признано будет то нужным, «да управляется и расширяется православием в род и род богохранимое Российское царство». Наконец, определили, чтобы в епархиях некоторых митрополитов существовали викарные епископы, а именно в епархиях: Новгородской – один епископ в Каргополе, другой – в Городецке или Устюжне, Казанской – в Уфе, Ростовской – в Угличе, Крутицкой – в Тамбове, и чтобы эти епископы жили в назначенных им городах и монастырях, владели вотчинами тех монастырей, и все творили по благословению и повелению своих митрополитов, а без воли их ничего не творили, кроме священнодействия, хиротонии и прочего, что дозволяют св. правила⁸³. Но так как русским иерархам, с одной стороны, не нравилось это вмешательство греков в дела внутреннего управления Церковью, а с другой – им пришлось бы урезать прежние епархии и через то лишиться большей части своих доходов, то дело ограничилось пока открытием епархий Белгородской в том же 1667 г. и Нижегородской – в 1672 г. с званием митрополии⁸⁴. Таким образом в последней четверти XVII в. в Российской Церкви всего было восемнадцать епархий.

На соборе 1681 г. царь Федор Алексеевич, между прочим, поднял вопрос и о умножении епископских кафедр. «Архиерейское вновь прибавление, – писал царь отцам Собора, – потребно и нужно, для того, что сибирская страна пространна и в ней множество народа Христа незнающего, такожде и иные грады от архиерейского пребывания имеют дальнее расстояние, и именно в сибирстей стране от столичного града той епархии⁸⁵ до Даурских и Нерчинских и Албазинских острогов и до иных тем же подобных мест во едино лето, и в полтора, и в два едва преходят, и в тех дальних местах христианская вера не расширяется, развратники же святые Церкви там умножаются⁸⁶.

Жалоба царя на умножение «развратников» в Сибири была вполне основательна.

Завоеванная в 1582 г., населенная идолопоклонниками и магометанами, Сибирь сделалась еще местом ссылки преступников. Государство стало высылать сюда своих порочных детей. Таким образом, Сибирь, получающая и ныне ежегодно тысячи нравственных мертвецов, в древности была положительно моральным кладбищем. Нечего и говорить, что человек, случайно попавший в эту страну, страну совершенно заброшенную, удаленную от закона и просвещения, с жадностью ловил всякое живое слово. Поэтому неудивительно, что пропаганда сосланных сюда раскольников имела среди русского населения огромный успех. В 1677 г. в Москву пришло известие из Тюмени, что сын тамошнего калмыцкого толмача Никита Елизарьев говорил: «которые церкви сгорели в Тобольске⁸⁷, и то были не церкви, – костелы»; священников называл псами. Призванный к допросу раскольник заявил, что троеперстным проклятым сложением не крестится; отец Никиты пришел в приказную избу и объявил, что четвероконечный крест – антихристова печать⁸⁸. В Тюмени же, в том же году, в соборной церкви трое мужчин и одна монахиня – во время пения херувимской – закричали: «Православные христиане! не кланяйтесь, несут мертвое тело и на просфорах печатают крыжом – антихрисловою печатью!» Крикунов взяли в приказную избу, где они объявили, что пришли на Тюмень истинной веры изыскивать; их били кнутом нещадно и посадили в земляную тюрьму⁸⁹. В Тобольском уезде, на реке Березовке, монах Даниил основал пустынь, поставил часовню и кельи, пел вечерни, заутрени, часы; государя, царский дом, патриарха и сибирского митрополита не поминал, православных христиан называл еретиками. В этой же пустыни старицы и девки бились о землю и кричали, что видят Богородицу и небо отверсто, ангелы венцы держат тем людям, которые в той пустыни постригаются. Слыша такую прелесть, многие всяких чинов люди, оставя дома и все имение, бежали в пустынь с женами и детьми и постригались. Тобольский воевода, боярин Петр Вас. Шереметев, послал отряд войска схватить Даниила, но войско

вместо пустыни нашло только кучи пепла: Даниил с единомышленниками своими в избах сожглись ночью... Пример Даниила подействовал. В Мехонской слободе крестьяне, драгуны и беломестные казаки, собравшись с женами и детьми во двор к драгуну Абрамову, наносили пеньки, соломы, смолы и бересты; слободской приказчик начал уговаривать их, чтобы они отстали от своей прелести, и они было послушались; но дьячок Ив. Федоров своими речами уничтожил действие слов приказчика – и фанатики сожглись. В 1679 г. в Исетском остроге крестьянин Бархатов, ходя по разным местам, проповедывал, что не следует ходить в церкви. Бархатова поймали, но брат его, Гаврила, с двадцатью товарищами отбили пойманного, уехали в деревню Мостовку, заперлись во дворе и объявили, что сожгутся. Когда их стали уговаривать, раскольники потребовали сроку, срок был им дан, и они в это время составили челобитную царю. В челобитной они написали, что заперлись, испугавшись приказных людей, потому что приказный перехватал тех, что засели в Мехонской слободе, и всячески их притеснял, вымогая деньги. «Ей, ей, великий государь, не знаем за собою никакого вымысла злого, но только держимся старого благочестия и Никоновых новопечатных книг не принимаем... Да еще нудят нас креститься тремя перстами, щепотью, да велят оставить истинный тричастный крест Христов. Если, государь, своего царского указа не пожалуешь нам и вперед... попустишь нас бедных разорять и к новоизложенной вере нудить, и мы к тебе пишем и плачем, что и не подумаем принять новой веры и новопечатных Никоновых книг, на смертный час готовы пострадать и в огне гореть, как у Данилы священноинока пострадали; если не дадут нам собираться, то мы каждый в своем доме пострадаем, а от Христа не отстанем»⁹⁰.

Такие же вести приходили и из других городов. «Да не токмо в такой дальней и пространной стране, как Сибирь, читаем в царском предложении, но и в иных многих градах, именно в Путивле и в Севске, в Галиче, в Костроме, и в иных многих местах противники умножились, за неимением себе возбранения, за расстоянием дальним, понеже в епархиях град

от града и место от места имеют расстояния не малая»⁹¹. Поэтому царь, с согласия п. Иоакима, предлагал Собору назначить в митрополичьи епархии епископов, подчинив их митрополитам, а патриарху «отцем отцу, яко главе и пастырю» позволить иметь многих подвластных епископов (1-е предл.). При этом Собору было представлено росписание, в каких городах быть епископам и от чего им иметь довольство⁹². А именно: в патриаршей епархии. На Костроме быть епископу. А во удовольствие дать ему монастыри: Воздвиженский, а за ним 140 дворов; Шеренский с 52-мя дворами и Ширтольский с 37-ю дворами; всего – 229 дворов. В Галиче быть епископу. В удовольствие дать ему: Троицкую Варнавину пустынь, за ней 50 дворов, Спасский монастырь (19 дворов), Богородицкую верхнюю пустынь (20 дв.), монастыри: Ризположенский (78 дв.), Фроловские, что у Галицкого озера (35 дв.), Николаевский (16 дв.), два Благовещенские (50 дв.); всего 268 дворов. В Звенигороде – епископу. В удовольствие дать ему дом и вотчины бывшего Архангельского епископа, а пребывание иметь в Москве. В Севске или Шутивле – архиепископу. Довольствоваться ему монастырями: Спасским, Рагодицким, Старолепским, Николаевским и Дмитровским; всего дворов 221. В Темникове – епископу. Дать ему, Пурдышевский монастырь с 270-ю дворами. В Коломне – архиепископу. Содержание не указано. В Арзамасе – епископу. Дать ему Спасский монастырь с 323-мя дворами. На Ливнах, «буде Великий Государь укажет митрополии Крутицкой быть, то в его епархии быть епископу на Ливнах». На содержание дать монастыри: Сергиевский, Чернеев и из Шацкого – 320 дворов; всего – 344 двора.

В епархиях митрополитов. У Новгородского: на Городце – епископу. На содержание ему – Николаевский Антоновский монастырь с 339 дв. На Колмогорах – архиепископу; на содержание ему – Николаевский Корельский, Чухченемский и Архангельский монастыри с 127-ю дворами. – У митрополита Казанского. На Уфе – епископу. Ему дать Успенский монастырь с 132 дворами. – У м. Сибирского. В Томске – епископу. На Лене – епископу. Содержание пожалует государь из своей казны. – У м. Ростовского. На Угличе – епископу, на содержание ему

Алексеевский монастырь с 559 дворами. На Устюге – архиепископу, ему дать Архангельский монастырь с 330 дворами. – У м. Псковского. В Торопце – епископу. На содержание монастыри: Кудин, Небин и Плеский с 117-ю дворами. – У Смоленского. В Брянске – епископу. Ему назначить монастыри: два Спасские, Петровский и Андрианов. За ними всего – 165 дворов. – У Тверского. В Кашине или во Ржеве-Владимирском – епископу. В удовольствие дать монастыри: Дмитровский, Клобуков, Изосимин и Успенский; всего за ними 183 двора. – В Вятской епархии – быть епископу в Перми. На Курмыше – епископу. У Рязанского. – В Тамбове – епископу. Ему назначены Троицкий и Мамонтов монастыри с 130 дв. В Воронеже – епископу. Ему указаны монастыри: Борщов, Успенский и Алексеевский; за ними всего 210 дворов. – У Белгородского. В Курске – епископу. На содержание ему назначен Знаменский монастырь с 169 дворами. – В Суздале и Вологде по-прежнему быть архиепископам.

Таким образом, предполагалось подчинить митрополитам всего архиепископов и епископов 25 человек – (6 архиепископов и 19 епископов). Но когда царь предложил это Собору, последний согласился с его мнением только наполовину. Было решено: открыть вновь кафедры архиепископов и епископов, только без зависимости от митрополитов, дабы «в архиерейском чине не было какого церковного разгласия и меж себя распри и высости» и в том несогласии для св. Церкви «преобидения» и от народа «укоризны». Из предложенных царем епархий, Собор положил открыть лишь следующие, утвердив за ними те источники содержания, какие предлагал государь. Из патриаршей епархии – в городах Галиче и Арзамасе быть епископам, в Севске (с приписанными к нему городами: Брянском, Трубчевском, Путивлем и Пыльском) – архиепископу. Из епархии Новгородского митрополита – в городах: «на Колмогорах и на Ваге с пригороды (Мезень, Архангельской город, Кевроль, Пустоезеро, Шинег) – архиепископу». Из епархии Казанского митрополита – епископу в г. Уфе с пригородами. В епархии митрополита Сибирского – в Енисейске (с городами, пригородами и острожками) –

архиепископу⁹³. В дальние же города на Лену, в Дауры посылать из этой епархии архимандритов, игуменов, или добрых и учительных священников для просвещения язычников; «а епископом в тех дальних городах ныне быть не удобно, малолюдства, ради христианского народа». В епархии м. Ростовского – быть архиепископу – в Великом-Устюге, Тотьме и у Соли Вычегодской. Из епархии м. Рязанского – быть епископам, одному – в Тамбове (с городами Козловым и Доброе-городище), другому – в Воронеже (с городами: Ельцем, Романовым, Орловым, Костянском, Коротьяком, Усмонью и Сокольским острожком). В епархии Крутицкого митрополита – быть епископу в Болхове, – с окрестными городами: Мценском, Новосилем, Карачевым, Кромами и Орлом⁹⁴. В епархии м. Белгородского – быть епископу в Курске с пригородами. Вятскую епархию – сделать архиепископию. (Отв. на 1-е предл.). А «для подобающей архиерейской чести, именоваться архиереем теми грады, которые в царской державе имениты суть».

К сожалению, и на этот раз, с одной стороны по недостатку материальных средств, а с другой – по причине смерти Феодора Алексеевича и последующих за нею смут, пришлось ограничиться открытием четырех епархий – в местах, где наиболее действовали раскольники. Именно были открыты две архиепископии на севере – Холмогорская и Устюжская (иначе Тотемская) и две епископии на юго-востоке – Воронежская⁹⁵ и Тамбовская⁹⁶.

Глава III-я. О постановлении священников в зарубежных городах

Каким образом и с какого времени явились за рубежом России православные церкви? – Положение их. – Вопрос о назначении в них священников, поднятый царем на Соборе 1681 г. – Определения Собора по этому поводу.

В период древней русской истории в некоторых соседних России иноверных землях мы находим православные церкви. Появлялись они здесь двояким образом: до конца XVII ст. исключительно благодаря войнам, часто сокращавшим границы московского государства, а с конца XVII в. благодаря раскольникам, толпами выселявшимся, от преследований правительства, за границу. Зарубежные церкви, главным образом, мы встречаем в Швеции и Польше. Это и понятно: сколько столетий московские князья и цари вели ожесточенную борьбу с королями шведскими и польскими и сколько раз русские пограничные области переходили в руки врагов!..

Печальную участь эту испытывали на себе: город Дерпт с своею областью, Ижорская земля и области: Полоцкая, Смоленская, Псковская и Новгородская. Первые четыре из названных областей чаще других отторгались от России и долее других оставались в иноземном подданстве. В виду этого мы постараемся проследить историческую судьбу этих четырех областей.

Еще во времена единой Руси, на западной ее границе, в земле Чуди, великий князь Ярослав Мудрый построил город Юрьев – Дерпт (1030 г.)⁹⁷. Построивши Юрьев, Ярослав основал в нем и православные церкви. Память об этом всегда сохранялась между русскими. В 1558 г. царь Иоанн Грозный писал датскому королю Фридрику II-му: «Великий князь Георгий Владимирович, именуемый Ярославом, завоевал Ливонию, основал город Юрьев, построил там церкви греческие, обложил всю землю данию»⁹⁸. При сыне и преемнике его Феодоре Иоанновиче русские бояре это же самое выставляли на вид послам германского императора Рудольфа II-го⁹⁹. Чрез

110 лет после основания города, возникший в Ливонии орден «Меченосцев» отнял Дерпт у России. Зная религиозную нетерпимость ливонских рыцарей, естественно допустить, что православные церкви были или разрушены или обращены в костелы. Тем не менее православие не было совершенно искоренено. В 30-х годах XV ст. мы находим в Дерпте «русский конец», т. е. квартал, населенный русскими, и в нем две русские церкви: одна во имя святителя Николая, другая – во имя великомученика Георгия¹⁰⁰. Церкви эти упоминаются в описании путешествия митрополита Исидора чрез Юрьев на Флорентийский Собор (1437) ¹⁰¹. В 1463 и 1473 гг. юрьевский бискуп (*католический епископ*), посадники и ратманы заключали в Пскове с великим князем московским договоры, которыми, между прочим, обязывались: «русский конец и святые церкви держать по старине и по старым грамотам, а не обидеть»¹⁰². При возобновлении этого договора, в 1481 г. сказано: «бискупу юрьевскому и посадником и ратманом юрьевским церкви Божии св. Николы и св. Георгия очистить и русский конец и села тех церквей очистить, по крестному целованью по старине»¹⁰³. К сожалению через 100 лет, Ливонию, только что было возвращенную (в 1558 г.) России, Грозный принужден был уступить Польше со всеми городами и местами, им занятыми, и вывести из нее все православные церкви с их принадлежностями¹⁰⁴. На этот раз восточное христианство в этой местности совершенно исчезло¹⁰⁵.

К с.-в. от Дерпта лежала, так называемая, Ижорская земля. Страна эта с городами Ям (Ямбург), Иван-город, Копорье, издревле входила в состав Новгородской области¹⁰⁶ и была населена христианами греческого закона. Отсюда христианство проникло и в Финскую Корелию на правом берегу Невы до города Корелы (нынешнего Кексгольма, *совр. Приозерск*). Но вместе с тем началась упорная вековая борьба между Россией и Швецией из-за обладания Балтийским морем. Швеция, а вместе с нею и Немецкий орден, была подстрекаема папами открыть доступ для римской Церкви в страны по Финскому заливу. Но победы св. кн. Александра Невского над шведами при устье Ижоры в 1240 г. и над Ливонским орденом при

Копорье и в других местах, одержанные не без содействия ижорян и корелов, сделали напрасными усилия северных крестоносцев. Основанием крепости Орешка (нынешнего Шлиссельбурга), при истоке Невы из Ладожского озера, власть Новгорода над Невой была упрочена и в том же 1323 г. она была признана самой Швецией до Корелы. С тех пор весь край до Наровы и земля Корелов от реки Сестры до города Корелы в течение 300 лет еще больше прежнего были открыты русскому влиянию в политическом и церковном отношениях. Между тем новгородцам стоило больших усилий удерживать за собою эти владения. Внутренняя Россия в это время ослаблена была татарским игом и рассчитывать на ее помощь было нечего. Поэтому они, входя в политические виды великих князей Литовских, испросили себе в защиту от Немецких рыцарей, от Швеции и от морских разбойников так называемых «опекальников» из дома Гедиминова (державшего православную веру) ¹⁰⁷. Со времени покорения Новгорода в 1478 г. вся Водская пятина перешла под власть Московских царей. Последние раздачей земель дворянам из внутренней России и другими мерами не мало содействовали обрусению исстари финских стран: Води, Ижоры и восточной Корелии¹⁰⁸. В смутное время этим краям пришлось не только потерпеть сильный ущерб благосостоянию, но и на долго быть отторгнутыми от России. Царь Михаил Феодорович, по Столбовскому договору (1617), принужден был уступить Швеции большую часть Водской пятины с крепостями: Иван-городом, Ямбургом, Копорьем, Орешком и Кексгольмом и, таким образом, отказаться от побережья Финского залива. В договоре было постановлено, чтобы всем монахам с их имением, также всем дворянам, детям боярским и посадским людям с женами, детьми, домочадцами и всем имением вольно выходить в царского величества сторону в продолжение двух недель по заключении договора, но священники и пашенные люди, в уступленных королю городах и уездах, *должны остаться и жить под Свейскою короною*¹⁰⁹. Русским купцам отдается их двор в Колывани, также даются им дворы в Стокгольме и Выборге, в этих городах они отправляют свое богослужение в

хоромах¹¹⁰, а в Колывани имеют церковь, как исстари было¹¹¹. Шведы, опасаясь чтобы Новгородский митрополит не прервал духовных сношений с православным народонаселением уступленных областей, что заставило бы последнее бежать толпами в русские пределы, в следующих затем переговорах усердно домогались, чтобы Новгородский владыка посылал священников и освящал церкви в Кореле и других уступленных волостях¹¹².

Из дошедших до нас писцовых книг Ижорской земли видно, что в следующих селах Копорского и Ямского округов было православное духовенство (а если было духовенство, то, значит, были и церкви). Копорский округ. Каргальской (Kargalschoi) погост, западная часть: Vorontikino selo, в нем prästen (священник), diaken (диакон) och klockaren (пономарь); Vdasala By (деревня) – prästen, diaken och klockaren; Soikina Gora Mer Runon Mäki Kirckeby (село) – diaken och klockaren och prästen. Dödh (умер) ähr 1621. Заможский (Samoschoi) погост: Glaschouitza Kyrke By – prästen, diaken och klockaren. Дятелинский (Dätilinschoi) порост: Dätilitza By – prästen, diaken och klockaren. Взылицкой (Fsdilitschoi) порост: Selo Esdilitzi-prästen. Ямский округ. Ястребинский (Jastribinschoi) погост: Jastribino Kyrkie By – prästen, diaken och klockaren; Ополецкой (Opoletschoi) погост: Opolie Kyrkie By – prästen, klockaren och «diaken»¹¹³.

Московское правительство удовлетворило желанию шведов. В 1619 г. преемник Исидора, Новгородский митрополит Макарий, по царскому указу, разослал по областям, уступленным шведской короне, грамоты, которых образец писан был в Москве; в грамотах говорилось: «так как вы прежде были чада церковные и служители Христовой веры, то я не хочу вас отвергать, но более хочу присоединять; хотя вы теперь под державою другого владетеля, однако не должно вам отлучаться духовного порождения. Поэтому напоминаю вам, как прежде вы были чада нашей паствы и сыны Церкви, так и теперь, ни в чем не отступая от нашего благословения, крепко стойте, мужайтесь, утверждайтесь, не будьте ничем преткновенны, не умаляя нисколько прежних преданий, держитесь святой

апостольской веры, от отцов вам преданной, а по повелению великого государя нашего приезд и отъезд вам в В.-Новгород по духовным делам будет вольный»¹¹⁴. Спустя три года Макарий снова обращался в Москву с вопросом: давать-ли ему разрешение и благословение на исправление ветхих церквей и на постройку новых и выдавать-ли антиминсы христианам, которые во множестве приходят к нему с просьбами о том из городов и уездов, отошедших к Швеции? Царь и патриарх отвечали своими грамотами Новгородскому митрополиту и воеводе, чтобы митрополит относился к этим христианам, как ему уже было разрешено прежде, благословлял им постройку и обновление церквей, выдавал антиминсы, ставил попов и пр., но под условием, если те христиане будут приходить к нему и просить его по своим делам духовным с ведома и дозволения местных шведских градоначальников и державцев, а не тайно; и чтобы в таких случаях сносился с этими светскими начальниками не сам митрополит, а новгородский воевода, с ведома и совета митрополичьего¹¹⁵.

Шведы нашли новоприобретенную страну, страдавшую от войн и разных бедствий с 1581 г., истощенною и в некоторых частях совершенно опустошенною. Прежде всего, они разделили Ижорскую землю на пять лен (*län*—округ). При этом прежнее русское подразделение страны на погосты было отменено.

Между тем русское духовенство плохо уживалось с лютеранами, монахи и священники перебегали в Новгород. Шведы, допустивши свободу вероисповедания для своих новых подданных, в то же время не могли, разумеется, не заботиться и о распространении среди них государственной религии – протестантства. Правительство заставляло пасторов говорить на русском языке проповеди, издавало русские переводы лютеранских катихизисов и других религиозных книг. Я. К. Грот приводит известие¹¹⁶ шведских писателей, будто находившиеся в подданстве Швеции православные, для сохранения веры, просили, наконец, чтобы константинопольский патриарх прислал к ним особого митрополита или архиепископа для управления церковными делами. Патриарх и назначил одного

монаха, но его заключили в Абоскую крепость (*зámок г. Турку*). По поводу нового ходатайства о том же, правительство шведов отвечало, что для королевского величества унинительно позволять искать епископа или священников вне шведских владений, и что лютеранский супер-интендант г. Нарвы получил право посвящать им священников, кого сами изберут. Это было в царствование королевы Христины (1632–1654). Но из наших отечественных сказаний об этом ничего неизвестно. При преемнике Христины – Карле XI (1660–1697), около 1664 г., обнародовано было постановление, которым освобождались от платежа повинностей те из последователей восточной Церкви, которые примут лютеранское учение; король также обещал «особно свою милость к тем, кто похочет принять прямую евангельскую (т. е. лютеранскую) веру, что в Свеи, или робят своих в тую же веру предать»¹¹⁷. Русским становилось тяжело от лютеранской «терпимости» и – они бежали домой. Шведы требовали их выдачи. Царь писал по этому поводу новгородскому воеводе: «Вы бы тех черных и мирских попов и чернецов, которые вперед с шведской стороны перебегут и в нашей стороне объявятся, без нашего указа в шведскую сторону не отдавали; а если шведские державцы станут к тебе писать и их просить, то отвечай, что их до сих пор в нашей стороне не отыскивали, а как отыщут, то дадут им знать; да отпиши, чтоб они нашим людям в вере тесноты не чинили и не гнали, а станут в вере теснить и гоненье чинить, то им по неволе будет бегать»¹¹⁸. Чтобы пополнить народонаселение, шведы вызывали немецких колонистов, которых, впрочем, прибыло немного. Зато из Финляндии был большой прилив крестьян особенно после Кардисского мира (1661). В этих финских колонистах, также в шведских помещиках и чиновниках, в немецких и шведских мещанах, переселявшихся в города, особенно в основанный на Охте Nyen (Ниэн), Ижорская земля получила значительное число протестантов, которых прежде не было. Скоро возникли раздоры между коренным населением и пришельцами. Шведское правительство было на стороне последних. Вследствие этого от русского духовенства и его прихожан, оставшихся на месте после

Столбовского договора, стали поступать к московским царям и патриархам жалобы на притеснение. Они подготовили со своей стороны разрыв между обоими правительствами. И уже в 1657–8 гг. Алексей Михайлович завоевал Невскую область, хотя по Кардисскому договору опять должен был уступить ее. После этого Ижорская земля не возвращалась к России до начала XVIII ст.

Полоцк основан в конце IX в. Переходя от одного князя к другому, он оставался русским городом до начала XIII ст., когда был завоеван орденом меченосцев, а от них перешел к Литве. В 1563 г. Иоанн IV отнял Полоцк и, найдя в нем православного епископа, отправил его, в качестве пленника, в Москву, а на место его прислал другого¹¹⁹. Но, по окончании войны с Ливонским орденом, Иоанн должен был уступить Полоцк Польше по Запольскому миру (1582). В течение всей первой половины XVII ст., несмотря на страшные притеснения, православие продолжает существовать в Полоцке¹²⁰. Не смотря на обещания короля униатам не допускать православных церквей и запрещение въезда православному епископу полоцкие, православные выхлопотали, в 1633 г., у короля дозволение соорудить в Полоцке братскую православную церковь с монастырем во имя Богоявления. Церковь и монастырь были построены и существование их было обеспечено, благодаря пожертвованиям богатых православных панов. Униатское полоцкое духовенство всячески старалось вредить церкви и монастырю. Вследствие этого православные неоднократно подавали жалобы на притеснения в земский трибунал вел. княжества Литовского. А иногда, выведенные из терпения непрестанными обидами со стороны своих врагов, они отплачивали и им тем же: например, в 1643 г., сорвали повешенные на городских воротах католические иконы св. Казимира и Иосафата Кунцевича, исцарапали их, втоптали в грязь; кроме того открыто поносили унию, грозили униатам и возбудили против них народное волнение, как можно заключить из приказа, данного тогда полоцким воеводою Янушем Кишкою. Ссылаясь на королевскую привилегию 1635 г. униатам, не допускавшую существования православных церквей в Полоцке,

и на королевское письмо к нему, воеводе (от мая 1638 г.), которым король поручил ему оказывать особое покровительство униатскому духовенству, Кишка именем короля запретил православным жителям Полоцка строить церкви, отправлять в них богослужение, иметь свое училище, делать угрозы, хулить униатскую веру; в противном случае угрожал пеней в 50.000 на короля и в 10,000 на него, воеводу¹²¹.

Впрочем и после этого приказа «хулы» на унию в Полоцке не прекратились. В Августе 1646 г. скорняк Федор Алексеевич, находясь в доме бурмистра, в присутствии полоцкого ляндсвойта, резко нападал на унию и, не смотря на просьбы ляндсвойта – замолчать, несколько раз повторял: «это вера дьявольская, шатанская, и не от Бога та вера, а от дьявола¹²². Во второй половине XVII в. положение православных в Полоцке изменилось к худшему. Избранный по смерти Владислава IV в короли Ян-Казимир подтвердил грамоту своего предшественника о запрещении православным иметь в Полоцке свои храмы. В городе началось господство иезуитов¹²³. В таком плачевном положении нашел православных в Полоцке царь Алексей Михайлович, занявший город своими войсками в сентябре 1654 г. Государь тотчас, по сдаче Полоцка, начал жаловать грамотами восстанавливавшиеся в городе церкви и монастыри. Особенно он покровительствовал полоцкому Богоявленскому монастырю: царь не только возвратил ему его прежние владения, но и наделил новыми. Для управления полоцкою епархией сначала был назначен наместник полоцкой епископской кафедры; впоследствии этот наместник был рукоположен в епископа¹²⁴. Спустя четырнадцать лет, по Андрусовскому договору (1667) Полоцк снова отошел к Польше вместе с другими городами и, на этот раз, долго оставался в ее власти – до царствования Екатерины бессмертной¹²⁵.

Смоленск также один из древних русских городов. Основанный в конце IX в., он оставался во власти русских князей до начала XV ст. В 1404 г. он был взят литовским князем Витовтом, но в 1514 г. Василий III присоединил его к московскому княжеству. Чрез сто слишком лет, по договору, заключенному с поляками в деревне Деулине (1618), близь

Троицко-Сергиевой лавры, русские, вместе с другими городами, принуждены были уступить и Смоленск. При заключении мира Польша обязалась из уступленных ей городов выпустить православное духовенство со всем их имением в Московское государство. На место православного духовенства польское правительство прислало сюда униатское духовенство; православные церкви и монастыри отданы были униатам; около 1625 г. была учреждена здесь униатская архиепископия. Положение православного населения, при двух, следовавших один после другого, униатских архиепископах, было невыносимое: им не позволялось иметь нигде ни одной церкви¹²⁶. А когда некоторые православные дворяне, в начале 40-х годов XVII в., решились построить себе церковь на собственном грунте, тогдашний архиепископ Андрей Квашнин-Золотой сжег ее, строителей же преследовал судебным порядком¹²⁷. И подобное продолжалось до тех пор, пока Смоленск, уже во второй половине XVII в., не присоединился снова к московской державе. Царь Алексей Михайлович взял Смоленск 23 сентября 1655 г. и восстановил православие, как было издревле¹²⁸.

Вторая причина – по которой возникали за границей православные русские церкви, исходила, как я уже сказал, от селившихся здесь старообрядцев.

Осужденные Собором 1667 г. и преследуемые правительством упорные староверы переходили русский рубеж и селились во владениях королей польского и шведского; некоторые уходили даже на Кавказ.

Летопись о войнах Богдана Хмельницкого говорит, что «многие выходили на Украину, поселялись на севере ее, оставив свои пожитки, или лишенные их против воли»¹²⁹. Первый ушел на литовский рубеж – в Украину-Стародубскую поп прихода Всех святых-на Кулижках в Москве Кузьма с 20-ю прихожанами. Он пришел к другу своему, стародубскому полковнику Гавриилу Иванову.

Полковник принял беглецов милостиво и приказал куркувскому атаману Ламаке отвести им для жительства местечко Понуровку, где они в 1668 г. и поселились при р.

Ревне. Вообще «малороссийские паны, – говорит Иоаннов, на чьих землях беглецы наши селились, принимали их ласково, в надежде учинить их вечными себе данниками»¹³⁰. Быстро сбежалось к ним из России множество ревнителей старой веры, и они населили в стародубских лесах четыре слободы: Белый колодезь, Синий колодезь, Замшнево и Шелому. «Когда в Великороссии, – пишет один старообрядческий историк, – елико день, толико умножишася на староверцы гонения, тогда многие народы, оставляюще своя природные места, сродники и други, течаху в стародубскую область и тамо пустыни поселяюще»...¹³¹. Таким-то образом положено было начало знаменитому в летописях старообрядчества Стародубью. Вскоре за Кузьмою пришел сюда из Белева другой священник старого постановления Стефан с сыном своим Димитрием, который основал еще слободу Митьковку. Оба священника отправляли для своих пасомых все службы, приходящих от русской Церкви перекрещивали и новопоставленных попов не принимали¹³². Храмов сначала не было у переселенцев, но можно с уверенностью предположить, что они скоро возникли, вместе с возрастанием общины. Более о судьбе стародубских староверов, в рассматриваемый нами период, мы, к сожалению, не имеем никаких известий.

Относительно старообрядцев, ушедших за шведский рубеж, сведения наши еще скуднее.

Известно только, что первый из расколоучителей пришел сюда, какой-то Тимофей с 50-ю или более человек крестьян и положил основание староверческим поселениям по берегу оз. Пейпуса¹³³. Несомненно, что число последователей этого Тимофея не ограничилось пришедшими с ним крестьянами: гонимые у себя дома люди старины с радостью бежали за шведскую границу¹³⁴. Шведским бискупам и градоначальникам не было никакого дела до русских раскольников, и последние пользовались от них полною свободою и даже покровительством¹³⁵.

Наконец, некоторые из староверов выселились на Кавказ и здесь скрывались в горах, вблизи рр. Терека и Кумы. Они были родоначальниками нынешних гребенских (горских, гребень–гора)

казаков¹³⁶. Вероятно, желая отмстить за свои преследования, кавказские старообрядцы по временам делали набеги на русские границы по примеру диких горцев¹³⁷.

Нечего и говорить, что положение зарубежных церквей было неопределенное. Веротерпимости, конечно, не могло быть по духу времени. Иноверные правительства терпели в своих городах православные церкви, так сказать, по необходимости. Мы, например, видели, почему шведы не отпускали православных священников из отнятой у русских Ижорской земли... Церковные службы православные могли отправлять не иначе, как под условием, чтобы это делалось скромно и скрытно, а отнюдь не публично и не торжественно. Увидим, к чему вело нарушение этого условия. Зарубежные церкви ничем не были ограждены от произвола местных властей. Правительство могло во всякое время закрыть, даже сжечь, разрушить православный храм... Правда, мы знаем, что иногда московские государи сносились с иноверными государями, просили не притеснять православных и не уничтожать их храмов, но их просьбы часто бывали бессильны. Так, вскоре по заключении известного нам договора в. кн. Иоанна III с юрьевцами (1463), в Дерпте было совершено католиками насилие над православными. Русские давно уже терпели притеснения, так что священник церкви св. Николая Иоанн вынужден был удалиться со всем своим семейством в Псков. Другой же священник, Исидор, решившийся не покидать своей паствы до конца, вскоре должен был умереть насильственной смертью. В начале 1472 г. на празднике Богоявления, когда Исидор с своими прихожанами вышел на р. Амовжу (Эмбах) и совершал водосвятие, на них внезапно бросились, по приказанию бискупа, толпы ливонских немцев, схватили священника и 72-х его прихожан – мужей и жен и заключили их в тюрьму. Должно быть бискуп оскорбился тем, что русские позволили себе устроить торжественный крестный ход на реку; впрочем, бискуп давно уже сердился на Исидора за то, что последний, в своих религиозных прениях с немцами, смело порицал латинскую веру. По заключении Исидора в тюрьму, бискуп пригласил в ратушу городских старшин; сюда же был

приведен и Исидор с его прихожанами: здесь их судили и убеждали не упорствовать более в своем православии, сделаться католиками – и отказаться от своих непристойных слов о латинской вере. Но Исидор и его духовные дети остались непреклонными, и за это все, по приговору суровых судей, 8 января 1472 г., потоплены были в р. Амовже – на том самом месте, где ими устроен был иордан для освящения воды. В Ревеле, в 1514 г., толпа фанатической черни, вооруженной дрекольем, с яростию и неистовыми воплями, бросилась на беззащитную церковь св. Николая, выбила двери, окна и дальнейшими своими поступками показала, до какого ослепления доходит человек, возбужденный фанатизмом¹³⁸. С таким же неистовством были разрушаемы православные церкви и в других местах Ливонии. Лифляндский историк, пастор Балтазар Руссов, откровенно признается, что русские церкви обращаемы были в арсеналы и даже в нечистые места (Kloaken und Baskereien) и св. иконы были выбрасываемы из них с бесчестьем¹³⁹. Во время осады русскими Нарвы, в 1558 г., пьяные нарвские немцы, найдя икону Богородицы в одном доме, где жили псковские купцы, бросили ее в огонь, от которого вдруг сделался пожар с ужасной бурей. Этим обстоятельством воспользовались русские и взяли Нарву¹⁴⁰. Во время смут междуцарствия в России, шведы, призванные как союзники, но сделавшиеся врагами русских, в Корелии, бывшей поприщем их действий, разрушали в городах Божии храмы и расхищали святыню. Более всех в это время потерпел Кексгольм¹⁴¹.

Справедливость требует сказать, что иногда сами православные были причиною гонений: вызывали их своими необдуманнми поступками. Вспомним, например, того полоцкого скорняка, который, в 1646 г., публично, не смотря на просьбы перестать, называл католицизм «верою дьявольскою»... С течением времени иноверные государи и правительства стали гораздо терпимее относиться к православию. При заключении Поляновского договора (1634) в образцовой докончальной грамоте, присланной из Москвы, между прочим, было внесено условие, чтобы в уступленных Польше городах не трогать православия. Польские комиссары

на это обиделись: «какое вы в нас безверство узнали? – говорили они; всякий человек себя остерегает, а чужого дома строить не замышляет; у нас никакому человеку свою веру держать не запрещают, мы обещаем это под клятвою, а в окончательную запись это внести зазорно, королю и нам это будет в стыд, как будто мы разорители вер!» Так и не согласились¹⁴².

Таким образом, теперь, когда положение дел изменилось к лучшему, можно было ожидать, что даже многие иноверные христиане перейдут в православие, что живущие среди них русские будут своего рода миссионерами. Вероятно, так бы и случилось, если бы архиереи пограничных епархий относились к своим обязанностям с большим вниманием. Дело в том, что с некоторого времени, неизвестно по какой причине, архиереи перестали ставить и посылать в зарубежные церкви священников. Церкви оставались пустыми, постепенно приходили в ветхость, никто их не поддерживал... Прихожане, лишённые священнодействия и, особенно, таинств, поневоле переходили в католичество или лютеранство; а где вблизи жили староверы, то им всего удобнее было примкнуть к обществу людей древнего благочестия. Таким образом, благодаря беспечности духовного начальства, число прозелитов старообрядчества умножалось. Горько жаловался на эту беспечность царь Фёдор Алексеевич на соборе 1681 г. «При отчинах его Великого Государя, – читаем в царском предложении, – при Великом, Новеграде, при Пскове, при Смоленске, имеются вблизи границы короля Польского и короля Свейского, а подавным свободам еще есть в тех местах благочестивые церкви и христианское жительство: и аще тому и гонения великого нет, однакож скудости ради иереов, не токмо не приходят к разрешению, но и достальные искореняются; а которые-б благочестивые похотели имети при себе священников и им того получить не возможно, для того, что тех градов архиереи в те зарубежные места иереов не поставляют и от того и достальные христиане, будучи за рубежом, совершенно искореняются» (4-е предл.).

Собор учинил на это такой ответ: «Иереов в зарубежные города державы Королей Полского и Свейского посвящати, и дать о том его Великого Государя грамоты ко архиереом, такожде и его святейшего Патриарха грамоты послать, с таковым остерегательством, буде которые благочестивые учнут того желать, а скажут, что церковь благочестивая стоит пуста, а священника нет, и положат о том свидетелствы или прежние грамоты, или о строении церквей вновь грамоты тех Государей или сенаторские, и таковых посвящати» (Отв. на 4-е предл.).

Итак, собор определил посылать священников за границу только в том случае, если об этом станут просить тамошние православные жители – и если они представят разрешение на это от местного правительства. Указанная Собором мера далеко не новая; припомним, что еще царь Михаил Феодорович и отец его, патриарх Филарет Никитич, писали тоже самое владыке Новгородскому Макарию. Ясно, что собор, предлагая подобные условия, хотел избежать возможности столкновений с иноземными правительствами, – укоров московским государям со стороны последних, в роде того, что русские вмешиваются в чужие дела и т. п. Опыт научил русских быть осторожными. Еще в первой четверти XVII в., когда Ижорская земля была уступлена шведам – и когда, по желанию последних, Новгородский митрополит, по духовным делам, стал сноситься с православными жителями этого края, то уже и тогда шведы начали смотреть подозрительно на эти сношения: они требовали, чтобы митрополит о духовных делах переписывался с шведскими правителями, а не прямо с православным населением¹⁴³.

Нельзя не обратить внимания на то, что Собор не принял никаких мер к ограждению от раскола православных зарубежных общин. Только через семь лет в 1689 г., – патриарх поручил Новгородскому владыке наблюдать, чтобы между православными, живущими за шведским рубежом, не завелось раскола¹⁴⁴.

Указанные постановления собора не скоро стали приводиться в исполнение; по крайней мере относительно русских поселений в Швеции известно, что собранные

определения не действовали здесь до 1686 г. Нам известно, что в Ижорской земле к 1684 г. верными православию осталось всего несколько старух¹⁴⁵. В 1686 г. п. Иоаким впервые писал Корнилию, митрополиту Новгородскому – поставлять за шведский рубеж священников и освящать в шведских пределах православные церкви¹⁴⁶. Но надобность в этом едва-ли встречалась часто. Шведское правительство снова стало теснить православных – и последние по неволе делались лютеранами. Так что Петр Великий, поднимая, в 1700 г., оружие на Карла XII-го, имел полное право сказать – в своем манифесте, – что он это делает «для освобождения ижорских и корельских христиан, оставивших от насильства шведского, православную веру греческую и принявших закон люторский»¹⁴⁷. Относительно же православных русских колоний в польских городах западного края-мы не знаем приводилось-ли в действие соборное определение. Вернее, что нет, так как со времени Андрусовского мира в Польше надолго начались жестокие преследования православных. Не раз католическое духовенство представляло на сеймах проекты – истребления православия в Литве и Польше и не раз царь Алексей Михайлович требовал прекратить гонения, оскорблявшие и веру и человечество¹⁴⁸. Понятно, что при таких неблагоприятных условиях нечего было и думать о посвящении в польские города священников.

Б. Соборные определения, направленные к поднятию церковной дисциплины

Глава IV-я. О монастырском благоустроении

Развитие монашества в древней Руси, начиная с XIV в. Причины этого. Образ монастырской жизни. – Ослабление монастырских уставов. Постановления по поводу этого на Соборах: а) Стоглавом 1551 г. и б) Большом Московском 1666–1667 гг. – Состояние монашества в последней четверти XVII ст. Упадок дисциплины в мужских и женских монастырях (пьянство, бродячая жизнь и пр.). – Меры против этого, указанные Собором 1681 г. – Определения Собора: а) о устройении больниц и б) о вотчинном управлении мужскими и женскими монастырями.

С XIV и до половины XVII ст. в нашем отечестве замечается особенное развитие монашества. В эти полтора века возникло около 200 новых обителей и явился целый сонм высоких подвижников.

Независимо от общего аскетического духа, всегда господствовавшего в религиозных воззрениях православной Руси, в XIV столетии, были причины, особенно способствовавшие распространению и процветанию монашества. Это, во-первых, та совершенная беспрепятственность, легкость и удобство, с какими основывались тогда у нас монастыри: каждый инок, желавший уединения один или с товарищем, отходил в пустыню или лес, строил себе хижину или копал пещеру и начинал подвизаться. К нему приходили, одни за наставлениями и советом, другие – с просьбою поселиться вместе с ним. Он принимал. Пришедшие строили небольшую деревянную церковь и келии. Добрые люди делали приношения и пожертвования. И монастырь устроился. Случалось, что тот же инок, оставив собранное им богатство, удалялся на новое пустынное место и точно таким же образом устраивал другой монастырь, потом переходил в третью пустынь и основывал третий монастырь¹⁴⁹. Во-вторых, развитию монашества способствовали тяжкие обстоятельства времени (т. е. нашествия врагов, мор); они возбуждали в народе набожность и заставляли прибегать за утешением к религии. Издревле на Руси было в обычае, что человек, чувствуя

приближение смерти, думал загладить свои грехи пострижением в монахи и, даже, в схиму; теперь, когда никто не мог быть уверенным, что на другой день не подвергнется внезапной смерти, многие и в молодых летах поступали так как, отцы их поступали: чувствуя смертельную болезнь, постригались в монахи и отдавали в монастыри свои имущества. Об этом сохранились положительные известия в наших летописях. «Тогда, говорит летописец, описавший мор 1352 г.— многие, промышляя о своем животе и душе, шли в монастырь и постригались в мнишеский чин, сподобляясь ангельскому чину, и так предавали душу свою пришедшим за ними ангелам, а тела свои отдавали гробу; другие же, готовясь в домах своих на исход души, отдавали имущества свои церквам и монастырям... Иные от богатства давали монастырям и церквам села, рыбные ловли и сады, чтобы иметь по себе вечную память»¹⁵⁰. По своему внутреннему устройству монастыри наши разделялись на скитские или необщежительные и общежительные. Последние появились во второй половине XIV века¹⁵¹. Различие между ними состояло в том, что в первых – монахи имели каждый свое хозяйство, особо держали келейное правило и сходились вместе только для церковного богослужения. Такова была большая часть мелких монастырей в области новгородской. Возникновение обителей общежительных, разумеется, вызвало существование известных правил, уставов иноческого жития. Такими уставами были: с одной стороны, правила соборов, с другой – правила и наставления св. отцов Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Феодора Студита и др. Представление о монастырской жизни в описываемое время можно составить на основании жития преп. Сергия Радонежского, монастырских уставов преп. Нила Сорского и Иосифа Волоцкого и из многих поучений и посланий к инокам, между которыми замечательны послания м. Фотия. О преп. Сергии известно, что он в своей пустыни трудился на братию, как купленный раб: строил келии, рубил дрова, молот жито в жерновах, пек хлебы, шил одежды, носил воду, а ночь проводил без сна-в молитве, питался только хлебом и водой. Приняв, по желанию братии, сан пресвитера и игумена, он

остался таким же строгим подвижником: был также неутомим в трудах, проводил без сна ночи, совершая обход братских келий, обличая праздных тихими, кроткими речами, часто растворенными слезами братской любви и религиозной ревности. На первых порах иноки терпели нужду в самом необходимом, иногда недоставало вина, ладана, свеч для богослужения; случалось братия голодала по несколько дней, сам св. игумен однажды нанялся построить сени в келии одного брата за куски гнилого негодного к употреблению хлеба. В уставе Нила Сорского мы находим указания относительно внешнего поведения иноков, преподобный говорит о их повиновении настоятелю, о трудах телесных, о пище и питии, о принятии странников, заповедует соблюдать бедность и нищету не только в келиях, но и в украшении храма так чтобы в нем ничего не было ни из серебра, ни из золота, запрещает выходить из скита без разрешения настоятеля, впускать в скит женщин, держать в нем отроков. Но, главным образом, преп. Нил останавливает свое внимание на том умном или мысленном делании, которое должно было составлять главнейший предмет забот и усилий для всех скитников. Под именем умного делания он понимает внутреннее духовное подвижничество. Преп. старец говорит о сущности этого рода подвижничества или нашей внутренней борьбы с помыслами и страстями, о том, как вести эту борьбу против каждого из восьми греховных помыслов и страстей, от которых рождаются все прочие, именно: против чревообъядения, против помыслов блуда, против страсти сребролюбия, против страсти гнева, против духа, печали, против духа уныния, против страсти тщеславия, против помыслов самомнения; наконец, излагает общие средства, необходимые для успешного ведения духовной брани: молитва к Богу, памятование о смерти, страшном суде и т. п.¹⁵². Устав, начертанный преп. Иосифом для своего монастыря – сочинение весьма обширное. Он содержит в себе три отдельные устава или завещания. Первое завещание – всей братии, в нем говорится: о благочинии в церкви и соборной молитве, о благочинии в трапезе, о пище и питии, об одежде и обуви, о том, что не должно инокам

беседовать после повечерницы и ходить из келии в келью, не должно им исходить из монастыря без благословения, об общих монастырских трудах и особых послушаниях иноков, о том, что не должно быть в обители питию и пьянству, не должно входить в обители женскому полу, не должно жить в обители и даже на монастырских дворах отрокам. Второе завещание – собственно настоятелю: оно убеждает последнего со всею ревностью заботиться о вверенных ему иноках и учить их словом и делом. Третье завещание – соборным и вообще старейшим братиям: оно говорит, как старцы соборные должны наблюдать за монастырской дисциплиной и излагает те запрещения или епитимии, которые должны были соборные старцы налагать на иноков нарушителей устава. В заключение, как бы в пример благочестивой подвижнической жизни, преп. Иосиф присоединил к своему уставу краткое сказание о св. отцах русской земли¹⁵³. Из посланий об иноческой жизни укажем на «Завет воним мнихам», рукопись отрывки из которой приведены в «Истории» преосв. Макария (т. IV-й, стр. 218–220). В этом послании содержатся наставления о блюдении ума от дурных помыслов, о молитве, пении, чтении книг, целомудрии и пр. «Дело мниха – блюденъе ума от худых мыслей, молитва и пенье, которое есть дело ангельское, пища души, просвещение ума.... А молитву творить надобно с умом и от сердца и понимать силу слов... Взираи на будущее, утверждайся чтением книг, трудись в послушании и рукоделии. Принимая пищу для тела, корми и душу божественными словами. Ум всегда имей горе. Не навикай ходить из келии своей в другую, разве только для духовной потребности, на молитву или какую службу. Все делай с благословения старца... Да будет для тебя гробом твоя келия... Одежда тебе – простая свита из самодельного сукна... Походка твоя пусть будет ни сурова, ни ленива, а руки имей во время хождения согбенными при персях. С мирскими не говори, особенно с юными, не садись и не стой с ними. Где случатся игры, кощунства, смехи, – беги оттуда. Своими руками не прижимайся к брату и не обнимайся с ним, и к себе не позволяй никому прикасаться и не допускай никого смотреть на лице твое, но уклонись и удались... Каждый берегись нечистой

любви... Пред отходом ко сну много молись, почитай книги, займись рукоделием... А всегда, и вставая и ложась и за трапезою, произноси молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе, Боже наш, помилуй нас, аминь»... Молиться надобно на всякий час»... Известны также послания и грамоты наших святителей, особенно м. Фотия. В них содержатся общие наставления, убеждения, советы относительно подвигов монашества. Например, в послании Павлу Обнорскому с братиею Фотий писал: «...будь внимателен к тому, кого и откуда принимаешь к себе. Приходят они в святую обитель, в безветренное пристанище, принимают на себя со смирением ангельский образ, обещают переносить до последнего издыхания всякую нужду и скорбь; такое исповедание записывается ангелами... и предъявлено будет пред лицом нашим в день великого суда... Молю вас крепко внимать сему исповеданию и ограждать себя словом Христовым: «никтоже, руки возложав на рало и зря вспять, управлен есть в царствии небесном»... Будьте непоколебимыми воинами Христовыми, мужественно и смело боритесь с крепкими борцами духовными»¹⁵⁴...

Ознакомясь с уставами жизни монашеской в XIV–XV вв., справедливо спросить: как относились иноки к этим уставам, выполняли-ли они их? Какого-нибудь точного, определенного ответа здесь быть не может: с одной стороны мы видим безусловное исполнение иноческих уставов, а с другой – полное нарушение их и совершенное к ним презрение. С одной стороны пред нами сонм высоких подвижников, из которых многие были основателями и первыми настоятелями монастырей. Укажем на преподобных: Пафнутия Боровского, Зосиму Соловецкого, Макария Калязинского, Феодосия Тотемского, Нила Столбенского, Александра Свирского, Никандра Псковского: каким глубоким подвижничеством отличались они, как строго держали и вели устроенные ими обители, какое влияние имели на самих мирян и каким уважением пользовались от них! Отречение от мира у некоторых подвижников простиралось до того, что они разрывали самые крепкие на Руси узы, – узы родства, не хотели даже видаться с посещавшими их родными.

Преп. Савва Крыпецкий только после усиленных просьб сошел с своего столпа, чтобы благословить своего брата. Макарий Унженский бежал из дома родительского и через три года после своего бегства, будучи всего 15-ти лет, не хотел видаться с стариком отцом, не смотря на слезы последнего, и согласился только высунуть ему из окна келии свою руку, которую тот покрыл поцелуями и слезами. Иосиф Волоколамский точно также отказывался от свидания с своею матерью¹⁵⁵. С другой-едва ли не более многочисленный класс непризванных иноков... Последние шли в монастыри, следуя лишь общему влечению к монашеской жизни или просто для материального обеспечения. Они, таким образом, вносили в обители дух мира и расстраивали монастырские порядки. Настоятелям приходилось прибегать к самым суровым мерам для поддержания порядка в своих монастырях: к наказаниям поклонами, тюрьмою, сухоядением, иногда даже побоями. В Тверском Саввином монастыре настоятель блаж. Савва (в нач. XV ст.) становился обыкновенно в дверях церкви с жезлом в руках, и если кто из братии не приходил к началу службы или выходил прежде отпуста, или разговаривал во время пения, или переходил с одного места на другое, то он возбранял и запрещал, а говорящих вопреки и бесчинствующих бил жезлом или посылал в затвор¹⁵⁶.

В житии преп. Варлаама Хутынского рассказывается, как Святой и после своей смерти ревновал по своему уставу, являясь беспечным монастырским властям в видении и наказывая их своим настоятельским жезлом. По смерти св. игуменов их уставы во многих монастырях ослабевали. В Симоновом монастыре, после первых двух настоятелей Феодора и Кирилла, были архимандриты, которые нарушали обычаи и предания этих святых подвижников и не заботились о благочинии. Кирилло-Белозерским монастырем, по смерти самого основателя и его учеников Иннокентия и Христофора († 1433), правили настоятели, которые пренебрегали установлениями св. Кирилла и открыто нарушали их. Тоже самое было и в Махрищском монастыре после первого его игумена св. Стефана¹⁵⁷.

В посланиях м. Фотия в Киево-Печерский монастырь содержатся обличения иноков в бесчинном пьянстве¹⁵⁸. В Снетогорском монастыре (близ Пскова) некоторые черноризцы не повиновались игумену, даже не ходили на исповедь и не причащались тела и крови Христовой, уходили из монастыря и возбуждали мирских людей судить игумена и старцев¹⁵⁹. По словам кн. Курбского, просветитель лошарей, преп. Феодорит, с бесчестьем изгнан своими собственными учениками-иноками из основанного им монастыря за то, что старался ввести между ними строгий общежительный устав, чего они не желали¹⁶⁰.

Вследствие развившейся страсти к отшельничеству, многие монахи самовольно, без благословения начальства, переходили из обители в обитель и навывкли своеволию и шатанию. В начале XVI в., в Переяславском Горицком монастыре, иноки без разрешения игумена ходили на торжище, заходили в дома мирян и там пировали, и даже ночевали по несколько суток. Эти же монахи в праздники и в свои именины созывали к себе родных, знакомых, часто с женами и детьми, которые все оставались в их келиях по несколько суток¹⁶¹. М. Киприан, для искоренения таких беспорядков, подвергал уличенных в бродяжничестве иноков запрещению, не позволял удостоивать их священства и св. причастия¹⁶².

Обширные вотчинные владения некоторых монастырей оказывали подчас вредное влияние на нравственность иноков: втягивали их в мирские попечения о хозяйстве, суде и управе над крестьянами, в тяжбы с соседями и пр. В послании к игумену Афанасию м. Киприан жалуется на стяжание монахов, говорит, что отцами не передано владеть инокам селами, отрекшись от мира, снова связывать себя мирскими делами: он советует жертвованное село брать, но для управления отдавать его какому-нибудь богобоязненному мирянину который бы доставлял в монастырь все готовое припасами¹⁶³. Особенно возрастал против стяжателей-монахов преп. Нил Сорский; но после его кончины, в его обители появлялись повременам такие бесчинные старцы, что братия не могла управиться с ними и прибегала за помощью к светской власти¹⁶⁴. Инок Вассиан (в мире князь Патрикеев) и Максим Грек, ратовавшие в первой

половине XVI ст. – против монастырских имуществ, весьма невыгодно отзывались о современных им иноках. Первый, в приписываемом ему сочинении: апокрифическая беседа Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, о нестроениях последнего времени, со всею горячностью памфлета восстает против владения монастырей селами. «Иноки, не желая кормиться своими трудами,купаются на мирские труды и слезы, стараются быть сытыми от царя, по ложному и бесстыдному челобитью, смотрят в руки богатых, рассчитывая, не дадут-ли серебро, скотинку или деревнишку, а своих подначальных всячески истязают, отнимают у них последнюю коровку и лошадку, строят себе каменные ограды и палаты, пользуются всем лучшим от мира»¹⁶⁵...

В раздаче монастырям сел князь-инок видит простоту и малосмыслие царей, ослабление царской власти, даже признак близкой кончины мира. Максим Грек в своем «Стязании о известном иноческом жителстве» изложил свои мысли о монастырских вотчинах в форме спора Акимона с Филоктимом. В лице Акимона он описал притеснения монастырских крестьян: их скудость, нищету, тяжкие оброки, разорения и изгнания и рядом с этим – роскошную жизнь монахов, их дорогие палаты и одежды, роскошные пиры в монастырях... Пораженный на всех пунктах спора Филоктимон – олицетворение партии иосифлян – прибегает к обычному оправданию своей партии, что в монастырях все общее, а не достояние частных лиц, а потому вотчинное владение нисколько не нарушает монашеской нестяжательности. Акимон резко замечает на это, что так можно оправдаться и разбойникам, если только грабят они не для себя каждый, а в пользу всей шайки... В другом своем сочинении «Повести страшной о совершенном иноческом жителстве», написанном очень горячо, Максим выставляет в пример нашим инокам картезианский монастырь во Флоренции с его настоятелем Иеронимом Савонароллою. Он доходит даже до проклятий монахам-вотчинникам? ¹⁶⁶... Иоанн Грозный при многих случаях в посланиях своих и на Соборе 1551 г. упадок нравственной жизни в монастырях ставил в зависимость от чрезмерного

богатства обителей. «Коли убоги иноки, говорил он, то боле трудятся как бы достати хлеб и одежду, а другое в голову им не пойдет». Ему желательно было дать богатству монастырей совершенно другое назначение против того, какое оно получало в богатых монастырях его времени. «Мнози более церковь, ее же пасти и беречи взялись – по его словам – разоряют; великие казны церкви и монастыря на свои роскоши истребляют, а нищих не питают, странных не призирают»¹⁶⁷.... Литературный противник Грозного кн. Курбский высказывает взгляд одинаковый с Иоанновым на то, какое влияние имели богатства монастырские на иноческую жизнь в России: «поколь было имений к монастырю тому (Новгородскому Печерскому) не взято, и мниси не стяжательны пребывали. Егда-жь мниси стяжания почали любити, паче же недвижимая вещи, сиречь села и веси, тогда угасоша божественные чудеса»¹⁶⁸.

Впрочем, справедливость требует сказать, что некоторые монастыри, владеющие вотчинами, жили очень бедно. «Плакать мне хочется от жалости сердечной, – писал ученик Максима Грека, инок Зиновий Отенский... Руки (у монахов этих обителей) скорчены от страданий, кожа, как воловья, истрескалась; лица осунулись: волосы растрепаны; ноги и руки посинели и распухли. А имения так много у них, что нищие больше имеют. Обыкновенная пища их – овсяный невеянный хлеб, ржаные колосья толченые и без соли, питье – вода, вареное – листье капусты, зелень – свекла и репа, овощи – рябина и калина, а об одежде – что уж и говорить?» Этот же писатель, хорошо знавший своего учителя и Вассиана Патрикеева, свидетельствует, что у обоих этих старцев изображение монастырской деморализации преувеличено. Вот что говорит Зиновий о Вассиане. Живя в Симонове монастыре, князь-инок однако не хотел довольствоваться простою монашескою пищею. «Неугодно ему было симоновских блюд кушать – хлеба ржаного, щей, свекольника, каши, молока промозглого и пива монастырского не пил, – с деревень, мол, шли, а питался блюдами со стола княжеского; пил же нестяжатель романею, бостро, мушкатель, рейнское вино»... Максим же Грек в своих нападениях на «любостяжательные» монастыри и иноков не

различал «чистого от нечистого» и все, что ни писал, «писал от раздражения по рвению». Слова Зиновия тем более заслуживают веры, что они подтверждаются свидетельством царя Иоанна, который в своем послании в Кириллов монастырь неоднократно вспоминает истинно подвижническую жизнь иноков, как этой, так и прочих обителей, пока в них не стриглись бояре¹⁶⁹. Иностранцы, посещавшие Россию в XVII ст., или только писавшие о ней, в большинстве случаев дают благоприятные отзывы о наших монастырях и иноках¹⁷⁰.

Кроме мужских монастырей в древней Руси были еще женские обители. Некоторые женские монастыри были управляемы игуменами ближайшего мужского монастыря или приписывались к мужским монастырям. В последнем случае являлся тип смешанных мужеско-женских обителей. М. Фотий обратил внимание на такое нестроение: в одном из посланий в Новгород святитель велит разделять общие монастыри, не допуская чернецам и черницам жить вместе¹⁷¹. Московский собор 1503 г., утвержденный Иоанном III¹⁷², постановил: «чернецам и черницам в одном монастыре не жить, и в каком монастыре начнут жить чернецы, там служить игумену... если же в каком монастыре начнут жить черницы, там служить попам-бельцам»¹⁷³. Это определение собора в Новгороде постарался осуществить архиеп. Макарий: в 1528 г. он отдал черницам семь монастырей, в котором прежде жили чернецы и игумены, управлявшие ими, и назначил туда настоятелей, а игуменов перевел в мужские монастыри¹⁷⁴. Но не во всех епархиях поступали таким образом, как это видно из деяний Стоглава.

Наступил 1551 г. ознаменованный деяниями Стоглавого собора. На этом соборе царь Иоанн Васильевич Грозный подробно указал на те недостатки, какие представляла нравственная сторона тогдашних монастырей и иноков. Прежде всего он обратил внимание отцев Стоглава на бродяжничество монахов.

Я уже говорил о той свободе, с какою возникали у нас монастыри. Естественно, что благодаря ей, с течением времени, возникло чрезвычайно много разных пустынь, скитов и обителей, а, между тем, средств для содержания их часто не

было никаких. И вот мнимые подвижники отправлялись за «сбором» в мир. «Старец на лесу келию поставит, говорил царь на соборе, или церковь срубит, да пойдет по миру с иконою просити на сооружение, а у меня земли и руги (выплаты духовенству) просит, а что собрав, то пропьет»¹⁷⁵. И не только чернецы, но и черницы бродили по миру с иконами, собирая на построение церквей и монастырей, и просили милостыню повсюду: на площадях и улицах, по селам и дворам, чему дивились иноземцы¹⁷⁶.

Другие иноки, хотя были пострижены и в общежительных монастырях, имевших средства для жизни, но, не желая подчиняться строгим правилам общежития, оставляли свои обители и скитались по городам и селам, по пустыням и монастырям, и некоторые поселялись, наконец, в каком-нибудь монастыре, а некоторых, особенно бедных, чернецов и черниц, не принимали ни в какой монастырь, и они не имели себе покою нигде¹⁷⁷. Встречались и такие монахи и монахини, которые имели смутное понятие, «что слово монастырь»¹⁷⁸; черницы жили при церквях приходских просвирнями, а чернецы при тех же церквях служили попами¹⁷⁹.

Для искоренения такого рода несообразностей Стоглавый собор приговорил: мелкие, существовавшие доселе, пустыни сносить в одну, в которой иноки могли бы жить вместе и по чину; впредь пустыни устроят не иначе, как с благословения местных архиереев, которые отнюдь не должны позволять этого инокам, скитающимся и неискусным¹⁸⁰. Монахов и монахинь, блуждающих по миру, собрать, переписать и разослать по общежительным монастырям, и здесь здоровых отдать старцам и старицам под начало и, если исправятся, посылать на монастырские службы и послушания; а старых и больных разместить в монастырских больницах, кормить, покоить и руководить к покаянию и молитве¹⁸¹. Впредь монахам не выходить из своих монастырей, разве только ради нужных монастырских дел, или ради своих, но не иначе, как по благословию архимандрита или игумена¹⁸²; на будущее время от царского имени постановить, чтобы черницы и чернецы не скитались бесчинно по городам и селам с иконами для

собрания подаяний; если же крайне нуждаются в милостыне, то пусть просят ее у боголюбцев, без икон, одним именем Божиим; а которые и после этого распоряжения будут бесчинно скитаться со св. иконами, у тех иконы отбирать, а самих прогонять из городов¹⁸³. Принимать в обители и бедных иноков, приходящих из других монастырей, причислять их к братству и смотреть за их поведением; если иноческое житие их будет чисто, в таком случае назначать их на монастырские службы, по их достоинству¹⁸⁴.

Внутри монастырей существовали беспорядки другого рода. «В нашем царстве, говорил царь, – на Москве, и во всех градах монастыри особные, живет в нем игумен, да чернца два, или три, или больши, да тут же с ними и миряне с женами и с детьми живут, а в котором монастыри живут черницы, ино в том монастыре тако же живут миряне и холостые и с женами... а в ином монастыре чернецы и черницы живут, а в ином попы и диаконы, и диаки, и пономари с женами тут же живут с чернцами и черницами вместе»¹⁸⁵. В монастырях общежительных, не смотря на строгие уставы, в келии приходили женщины, а ребята молодые даже невозбранно жили в келиях¹⁸⁶. Пьянство господствовало в монастырях¹⁸⁷. В некоторых обителях не соблюдались правила касательно трапезы: для настоятелей и даже соборных старцев готовилась особая – лучшая пища, и они вкушали ее не в трапезе, а в своих келиях¹⁸⁸. Некоторые настоятели и своих гостей принимали и угощали у себя, а не в трапезе¹⁸⁹. От желавших поступить в монастырь требовались вклады; отчего поступали только люди богатые. Последние (особливо сделав значительное пожертвование на обитель) пользовались в монастыре разными льготами: не подчинялись уставу, жили в роскоши и покое¹⁹⁰.

Собор постановил: женщинам не входить в монастырь, разве только для моления в церкви, и то или с мужем, или с братом, или с сыном, и после службы тотчас уходить из монастыря; в келии женщин совсем не принимать; а у которых попов (монастырских) или диаконов или священноиноков увидят в келии женщину, тем быть изверженным из священного

сана, а простым инокам быть отлученным от всякой святыни. Никто из иночествующих не должен держать у себя в келии молодых ребят голоусых, а кому из старцев невозможно будет обходиться без служителя – по немощи и старости, тем игумены могут посылать на службу одного или двух братьев, а если мирского человека, то уже в совершенном возрасте – «имущего браду». Вина–по монастырям – не курить и не пить и пива хмельного и меда не держать, а пить только квас житный и медовый; фряжские вина не возбраняются, если пить их во славу Божию, а не в пьянство: ибо нигде не написано, чтобы не пить вина, но только написано, чтобы не пить вина в пьянство¹⁹¹. Настоятели и соборные старцы пусть вкушают в трапезе общую пищу, исключения могут быть разве ради старости и болезни; гостей своих настоятели кормили бы в трапезе или в келарской¹⁹². В монастыри принимать всех православных, желающих принять чин ангельский, и не требовать от них за это ничего, разве что дадут сами по своему достатку; подвергнуть их испытанию и потом постригать и отдавать под начало духовным старцам; принимать также и неверных, желающих сподобиться ангельского образа, и за то не требовать от них ничего; а если какой игумен или игуменья станут требовать за пострижение золота или серебра, то игумен да извержется, а игуменья должна быть сослана в другой монастырь под начало¹⁹³. О знатных лицах, постригающихся в монастырях и дающих этим монастырям великие вклады и вотчины, Стоглав сделал замечание. «В великих монастырях стригутся князи и бояре, и приказные люди великие в немощах, и при старости, и дают вкупы великие, села и вотчины по душах своих, и по своим родителям в вечный помянок, и тем за немощи и за старость закона не полагати, о трапезном хождении и келейном ядении, покоити их по рассуждению ядением и питием, и держати про них квасы сладкие, и черствые и выкислые, какова требует, и ядение таковоже, или у них лучится свой покой, или от родителей присылка, и о том их не истязати же»¹⁹⁴.

Это послабление для знатных и богатых, сделанное самим собором, скоро, как, увидим принесло горькие плоды...

Были еще беспорядки в монастырской жизни, которые исходили собственно от монастырских властей и по поводу монастырских имуществ. «Архимандриты и игумены некоторые, читаем в восьмом вопросе Стоглава, так власти докупаются, чтобы им во властях, а службы божественные и трапезы и братства не знают, и покоят себя в келии и с гостями, да племянников своих, вмещают в монастырь, и доводят их всем монастырским, и по селом такоже, а монастыри тем пустошат, а священники и братия бедны, и алчны, и жадны, и всячески непокойны и всякими нуждами одержими»¹⁹⁵.

В монастыри, дают боголюбцы на помин своих родителей вотчины и села; прикупают и сами монастыри некоторые вотчины и села, а некоторые – выпрашивают у государя; а между тем братии во всех монастырях по старому: инде и меньше; едят и пьют братия скуднее прежнего, и строения нового в обителях не прибавляется и старое опустело; где те прибыли и кто ими корыстуется? Чернецы по селам живут, да в городах тяжутся о землях»¹⁹⁶. Казну монастырскую отдают в рост, тогда как божественное писание и мирянам возбраняет резеоимство¹⁹⁷ (*резеоимец* – ростовщик).

Собор определил: настоятелям впредь власти не доискиваться и на мзде не ставиться. Избирать настоятелей в монастыри митрополиту, архиепископам и епископам, каждому в своем пределе, по слову и совету цареву и по прошению братии. Если какой настоятель докупится власти и святитель заведомо поставит на мзде, то оба они низвергнутся. Если какие либо настоятели тайно докупятся власти без ведома святительского, и будут обличены уже после своего поставления, таких святители извергают и посылают в великие монастыри на исправление¹⁹⁸. Игумены без соборных старцев и соборные старцы без игуменов не должны ничем монастырским владеть и распоряжаться; все должны сходиться вместе на трапезу и питаться одинаковою пищею; там же принимать и гостей. Детей своих и родственников настоятелям у себя в монастыре и по келиям не держать и по селам их не посылать; также и самим без царского веления и без святительского благословения по городам и селам не скитаться, кроме великой

нужды или праздничного выезда с освещенною водою. Чернецов в посельские не посылать, а назначать в посельские добрых слуг. Если будут какие-либо дела монастырские земские: досмотреть монастырский хлеб, учинить управу между крестьянами, то посылать добрых старцев, но на время, а не в посельские. Если случится великая нужда земская, чего старцы управить не могут: для таких дел не возбраняется выезжать и самим настоятелям однажды или дважды в год, но в отсутствии они должны быть не долго; а в объезде по селам им не дозволяется ездить, равно как пиров и даров от крестьян не требовать¹⁹⁹. Все настоятели – каждый в своем монастыре – должны сами петь молебны ежедневно с своими священниками и диаконами, а во все воскресные и праздничные дни служить литургию; сами же должны отправлять вселенские и прочие панихиды, соборне, за упокой тех, по ком даны вотчины в монастыри и доставляются годовые кормы²⁰⁰. Дозволяется всем монастырям и святителям давать, в своих селлах, крестьянам деньги без росту и хлеб без присыпа; не возбраняется давать и другим, нуждающимся людям, деньги и хлеб в займы, но так же-без росту и присыпа, только с поруками и крепостями²⁰¹.

После Стоглавого собора, не смотря на то, что правительство наблюдало за исполнением соборных предписаний²⁰², русское монашество едва-ли сколько нибудь освободилось от своих прежних недостатков.

Вопреки постановлению Стоглава: чтобы все мелкие монастырьки и пустыньки были соединены в большие обители, пятины Новгородские, даже в конце XVI ст., были переполнены такими пустынями и монастырьками²⁰³.

Стоглав воспретил чернецам и черницам жить вместе и однако, в 1582 г., в Обонежской пятине, мы встречаем два смешанных монастыря²⁰⁴.

Стоглав не велел требовать вклады поступающих в монастыри, тем не менее обязательность таких вкладов еще долго оставалась в силе после собора, даже была определена норма этих взносов (богатый должен был давать 1000 рублей²⁰⁵ и ни в каком случае не менее трех сот).

Иноки-князья и бояре свое роскошною жизнью по прежнему производили в обителях соблазн. В этом виноваты во-первых, сам Собор, сделавший, как указано выше, послабление для знатных лиц, и, во вторых, царь Иоанн Васильевич, по распоряжению которого бояре нередко были постригаемы против воли – насильно. А невольные постриженники – не надежные слуги Божии. Положим, со временем нужда приучала их к монашескому затвору; но до того времени – каково было от них монастырю! Люди, привыкшие ни в чем не отказывать себе, могли-ли скоро расстаться с своими привычками, даже с одною привычкою к независимости? В доказательство своих слов, сошлюсь на знаменитое послание Иоанна IV в Кириллов-Белозерский монастырь. Грозный укоряет белозерских старцев за ослабление чудотворцева устава ради пострижников-бояр. Царь, в разных местах своего обширного послания, перечисляет те обители, где пали монастырские уставы²⁰⁶...

Желание отцев Стоглава – оградить братию и монастырское имущество от произвола монастырских властей, также не достигло цели. Челобитная царю игумена Кирилло-Белозерского монастыря и братии на старца Александра показывает, что мог позволять себе тогда простой чернец – даже после строгих определений Собора. Александр не жил в монастыре, всячески опустошал его казну, бранил и бил старцев, вел нетрезвую жизнь и т. п., так что братия не знала, что ей делать с бесчинником? ²⁰⁷.

В XVII ст. умножение монастырей не прекратилось. Многие из них возникали единственно по личному благочестию их основателей без особенной в них нужды и были весьма малодушны²⁰⁸. Понятно, как должна была ослабеть от этого внутренняя сила монашеской жизни.

Для поддержания доброй нравственности по монастырям рассылались по прежнему царские и святительские грамоты с обличением нестроений. Из грамот этих узнаем, что игумены продолжали мотать монастырское имущество²⁰⁹.

Монахи предавались пьянству, плотоугодию и сребролюбию²¹⁰.

Забываясь о приобретении и увеличении собственного имущества, порочные иноки часто не останавливались ни перед какими средствами...²¹¹.

Даже иноки монастырей некогда самых знаменитых, прославленных святостию их основателей и подвижников, были не чужды подобных недостатков. «Егда мало отдохнуша от великих бед, – писал Авраамий Палицын об иноках Троицко-Сергиевой лавры, – тогда забыша спасающего их,.. пьянством утешахуся, от того же вся страсти телесные возрастаху»...²¹². Особенными беспорядками пьянства отличался Соловецкий монастырь. Цари – Михаил Феодорович и Алексей Михайлович, в 1636 и 1646 г., посылали сюда по этому поводу грамоты²¹³.

Пьянство было распространено даже в женских монастырях. В 1623 г., у Спаса на Прилуках, в девичьем Никольском монастыре возникло следственное – об убийстве крестьянина Окулова – дело, в котором обвинялась «старица Олена». Об этой Олене замечено, что она еще прежде известна была в корчемном питье, в келии-корчме вино и пиво на продажу держала, и к ней приходили разные люди²¹⁴. В древней Руси дозволялось монахам и попам держать вино, но только для себя, а отнюдь не на продажу. Этим часто злоупотребляли: например, монастыри курили сами вино, и даже торговали им–держали корчмы. По этой причине шел целый ряд запрещений, чтобы монастыри не курили вина и не торговали им. В 1660 г. Алексей Михайлович воспретил курить вино духовным лицам и всем живущим в монастырских вотчинах и церковных землях, «а буде монастыри, – писал царь в Новгороде,–учнут торговать вином, то, по сыску, чинить наказание»²¹⁵.

Предаваясь пьянству, многие монахи совершенно забывали свои иноческие обеты, не ходили на богослужение, так что церкви в некоторых монастырях нередко стояли без пения, и предавались таким безмерным житейским заботам, какие предосудительны даже и в благочестивом мирянине²¹⁶.

Многие монахи, вследствие нетрезвой жизни, совершенно отвыкли от иноческого уединения, не могли ужиться в старых монастырях под строгими древними монастырскими уставами.

Такие иноки пускались в мир: бродили по улицам в городах и селах, входили в зазорные дома, к соблазну православных²¹⁷.

Черные попы и дьяконы переходили из одних монастырей в другие без ведома своих епископов и без грамот архиерейских²¹⁸.

В келии монашествующих имели свободный доступ женщины²¹⁹.

Иногда обнаруживались в монастырях-предательство, даже измена²²⁰.

Вот какова была не малая часть монашествующего духовенства ко времени Большого Московского собора, вслед за которым, как известно, возник раскол.

Большой Московский собор 1666–1667 гг. принял меры для исправления иноков.

По поводу главного порока монахов – пьянства было определено: архимандритам и игуменам наблюдать внимательно, чтобы не было в монашеском чине пьянства. «А неводержных братию учить, чтобы не упивались; аще же кто непослушлив будет, чинить ему наказание по правилам святым, без всякия пощады. А русского вина в монастырех не было бы отнюдь»²²¹.

По поводу самовольного перехода иночествующих из одной обители в другую было постановлено под епитимиею, чтобы черные попы и дьяконы из монастырей в монастыри не переходили без ведома своего епископа, и без архиерейских отпускных грамот в монастыри бы не принимали и не допускали служить, хотя бы это было в той же епархии²²². Относительно пострижения мирян в монахи сказано: «Мирских людей, мужей и жен, желающих прияти монашеский образ, в домах отнюдь не постригати, постригати же таковые в монастыре со свидетелем при искушении многим временем во всяких монастырских работах; а без искушения монастырския страдбы и в монастырех не постригати²²³. Знатных и ведущих людей постригати по рассмотрению настоятеля²²⁴. В домех мирских людей во иноки и во инокини и болящих не постригати, а приводит к постриганию в монастыри, где у кого обещание в котором монастыре. Черным попам без архимандричьего или

игуменского разрешения никакова чина людей не постригати». В противном случае виновный будет лишен священства²²⁵. Равным образом собор воспретил – проживать в мирских домах инокам и инокиням, постригать мужей без согласия их жен и наоборот, и брать вклады от монахов и монахинь.

Насколько достигли своей цели постановления Большого Московского собора видно из того, что уже в 1668 г. многие монахи Ниловой пустыни, тяготясь монастырским уставом и желая продолжать невоздержную жизнь, ушли из монастыря к раскольникам, причем захватили с собою платье и правильные книги²²⁶. В том же году правительство было вынуждено снова обличить иноков в нетрезвой жизни, монахам на этот раз было совсем запрещено по кельям держать напитки²²⁷. Прошло четыре года – и новгородский митрополит в своей грамоте пишет: «игумены, черные и белые попы и диаконы хмельным питьем до пьянства упиваются, о церкви Божией и о детях своих церковных не радеют, и всякое бесчиние во всяких людях чинится: сделать заказ крепкий, чтоб игумены, черные попы и дьяконы, и старцы и черницы на кабаки пить не ходили, и в мире до великого пьянства не упивались, и пьяные по улицам не валялись бы»²²⁸. С уверенностью можно сказать, что не исполнялись и остальные определения Великого Московского собора, так как через четырнадцать лет после него на новом московском соборе – пришлось почти целиком повторить их.

На соборе 1681 г. царь говорил: «В монастырях монашеское крепкое житие упразднилось: иноки в кельях держат хмельное питье, не хотя быть в послушании – одни из них переходят из монастыря в монастырь (3-е предл.); другие же селятся в лесах, мало-по-малу прибирают к себе таких же непослушников и устрояют часовни, служат молебны, а потом бьют челом архиереям о грамотах о построении церквей на тех местах, которые называют пустынями, и в пустынях этих церковное пение отправляют не по исправленным книгам, вследствие чего приходят к ним многие люди, селятся вблизи и считают их страдальцами: от этого возрастает на св. Церковь противление (13-е предл.). А в Москве есть мужские и женские монастыри, построенные между частными домами, и из домов этих

устроены – «входы в те монастыри и теми входы в день и в ночь входят», отчего происходят многие бесчиния; царь предлагал: «все те входы в монастыри затвердить», а буде где не возможно, те монастыри, для благочиния, перевести на иные места» (8-е предл.).

Собор отвечал: «Во всех монастырях запрещаем держать пьянственное питье. Из монастырей в монастыри монахам без повеления не переходить, из монастырей их не отпускать, а непокорных и строптивых ослушников смирять по монастырскому чину; приходящих монахов без повеления архиерейского и без отпускных – не принимать (Отв. на 3-е предл.); просить государя, чтобы он своих грамот о строении вновь пустынь отпускать не приказал, и чтобы те пустыни, при которых близко поселение мирских людей, перевести в монастыри, а на месте их устроить приходские церкви (Отв. на 13-е предл.). А которые монастыри окружены близко мирскими домами, те перенести на другое приличное место (Отв. на 8-е предл.).

Отвечая на царские предложения, собор вместе с тем сделал несколько определений против беспорядков, на которые царь не указал. Собор постановил: архимандритам, игуменам и строителям жить благочинно и братию к благочинию наставлять «во всем собою образ являти», особой пищи и питья не держать, в келиях своих с гостями особых трапез не поставлять, ходить всякий день за общую трапезу, а в келиях пищи и питья не держать. Кто из мирян приедет по обещанию помолиться, дать ему упокоение по монастырскому чину, пищу и питье, чем братия питаются, «в гостинной келье, и приставить искусного старца, кому о том смотреть»; особого питья про гостей отнюдь не держать и от них не принимать. – Кто хочет постричься – постригать правильно безвкладно, с рассмотрением «свободных и не беглых от законных своих жен и от господей своих»; одежду иметь настоятелям и братии общую, давать ее из монастырской казны, а денег настоятелям из казны отнюдь не брать и братии не давать. – Архимандритам и игуменам смотреть накрепко, чтобы священники из монастырей в домах мирских людей мужеского и женского пола не постригали и при

смерти. А которые чернецы в монастырях не живут в послушании и бесчинствуют по Москве и в городах, ходят по кабакам и корчмам, и мирским домам, упиваются до пьяна и валяются по улицам: на таких бесчинников Троицкого-Сергиева монастыря власти должны «огородить стоячим, высоким тыном прежде бывший Пятницкий монастырь»²²⁹, построить в нем четыре келии с сенями и в этот монастырь бесчинников из Москвы ссылать.

Относительно черниц собор определил: Для тех из них, которые постриглись вне монастырей в домах своих, и теперь ходят по мирским домам и садятся по улицам и переулкам, просят милостыни: для таких стариц каждый архиерей должен дать по монастырю на счет какого-нибудь мужеского монастыря с вотчинами²³⁰, и – выбрать к ним из женских монастырей стариц добрых, кому над ними начальствовать (Отв. на 3-е предл.). Надлежало дать только применение этим постановлениям. И вот, сейчас после собора следует целый ряд грамот, повторяющих его определения о монастырском благочинии²³¹. Монахам таким образом волей-неволей приходилось смириться и подчиниться правилам монастырского общежития, тем более, что п. Иоаким, для бóльшей правильности и лучшего надзора ввел в практику приписку небольших монастырей к монастырям более или менее знаменитым²³².

На этом же соборе были решены вопросы об устройении при монастырях больниц и о вотчинном управлении мужскими и женскими обителями.

В Москве и во всех городах, говорил царь, от предков государевых устроены монастыри «на прибежище желающим восприяти чин монашеский на тихое безмолвное пристанище, дабы весьма чужду быть мирских пристрастий»; на пропитание инокам даны многие села и деревни и всякое довольство, чтоб все имели пищу и одежду готовую и не помышляли ни о чем, кроме душевного спасения, а для престарелых и больных монахов устроены больницы. Но в монастырях теперь общего пребывания и больничного строения нет, а потому царь и просил

отцев собора сделать соответствующее постановление (3-е предл.).

В ответ на это предложение собор указал: вновь завести в монастырях больницы и в них упокоивать престарелых и больных старцев, заботиться, чтобы не было им скудости в пище и питье (Отв. на 3-е предл.).

Но мы не имеем никаких известий о том, было-ли приведено в исполнение определение это вскоре после собора. Вероятнее всего, что осуществляться оно стало только с Петра Великого, да и то лишь потому, что Петр смотрел на монастыри с чисто практической точки зрения, как на учреждения исключительно благотворительные.

Выше мы уже имели случай сделать несколько замечаний о вотчинном владении наших монастырей, – когда говорили о жизни черного духовенства во второй половине XV и начале XVI ст. Мы видели, что владение монастырей вотчинами втягивало иноков в различные мирские попечения, и потому лучшие люди того времени протестовали против обогащения монастырей имуществами. Но не смотря на эти частные мнения немногих лиц, монастырские вотчины продолжали быстро увеличиваться чрез покупку, разные пожертвования и, особенно, чрез занятие и заселение монастырями пустых мест. Жалованными грамотами все эти вотчины снабжены были разными льготами. Монастырские крестьяне были свободны от податей и даже княжеского суда – их судил игумен с братиею во всех делах, кроме душегубства, разбоя и татьбы. Понятно, что богатство монастырских вотчин, многочисленные льготы, наконец, заступление сильных монастырских властей привлекали на монастырские земли огромное народонаселение. Так как от расширения вотчинного владения монастырей страдали интересы казны – у нее уходила из рук земля, то правительство задалось целью ограничить каким бы то ни было образом приобретение имуществ монастырями. Но это стремление правительства в течение всего XVI ст. не имело успеха. Невозможность ни отобрать церковные вотчины, ни сравнять их с другими и вместе с тем возрастание государственных повинностей для остальных не льготных земель, постоянное

уменьшение на них населения чрез переход крестьян на льготные земли – были в числе важнейших побуждений для правительства к прикреплению крестьян, совершившемуся в начале XVII ст. В XVII ст. продолжают раздаваться жалобы на монастырских властей со стороны тяглого и служилого населения, что монастыри завладели тяглыми землями, угодьями и промыслами, тягла с них не платили и весь платеж поэтому падал на них тяглых людей, что монахи сманивают к себе крестьян и чрез то поместья служилых людей пустеют и т. д. Жалобы эти были приняты во внимание при составлении Уложения царя Алексея Михайловича (1649 г.). Уложение безусловно воспретило всякое увеличение церковных вотчин²³³, при чем было намерение у правительства, впрочем не осуществившееся, отписать в казну часть церковных земель²³⁴. Правила Уложения о монастырских вотчинах оставались во всей силе до конца XVII ст.

Кроме доходов с вотчин, источником содержания для многих монастырей служила еще «руга» (от *rogo* – прошу, – добровольное пожертвование деньгами или припасами). На Стоглавом соборе об этом рассказывал сам царь: «Отец мой великий князь Василий Иоаннович ездил по богатым и убогим монастырям и давал милостыни: хлеб, деньги, воск на свечи, мед на кутью, пшеницу на просфоры. После сего мать моя делала милости монастырям. После матери моей, во время моего малолетства, многие монастыри поимали грамоты на получение руги...»²³⁵. Как количество этой руги, так и распределение ее настолько интересны, что я позволю себе сделать выписку руги одного монастыря. Вот перечень царских даров: «Игумену, келарю и сестрам за заздравные милостыни – 18 рублей; на поминальные дни – 29 руб., за рыбу, которая посылалась на праздники – 40 руб.; служкам монастыря – 76 р., властям за службу в монастыре, во время праздников – 57; игумену и протопопам за провоз св. воды – 6; дань патриарху и епископам с монастырских земель – 1; стряпчему, ведающему монастырские дела – 27; протопопу на молебны и заздравные – 4; в государевы поминки – 6; двум попам, едущим со св. водой, на дорогу – 1 руб. Игуменья на праздники выдавалось

20.000 яиц²³⁶. С течением времени, когда у правительства начали складываться иные взгляды на монастырские привилегии, количество руги значительно упало. Были даже попытки совершенно отнять у монастырей ружное жалованье. Уже на Стоглавом соборе царь не без неудовольствия замечал, что ружные грамоты «часто получали такие монастыри, у которых есть села и иные доходы»²³⁷. Но собор уклонился от всякого ответа на это замечание.

Прошло слишком сто лет, и на Московском соборе 1682 г., – как видно из черновых его бумаг, – снова был поднят вопрос об источниках содержания монастырей. И на этот раз даже такой благочестивый царь, как Федор Алексеевич, не избежал искушения лишить многовотчинные монастыри своего денежного и ружного жалованья. Очевидно, царь в этом случае действовал под влиянием бояр – представителей духа нового времени. На предложение царя об этом предмете (оно не дошло до нас, и об нем мы знаем только из соборного ответа) собор уклончиво ответил: «О шестой статье²³⁸, а в ней писано о монастырях, чтобы рассмотреть, в которые монастыри дается государево жалованье денежное и хлебное, а у них вотчины и всякие угодья, о том определении учинить без государева денежного и хлебного жалованья ружного можно-ли пробыть, и о том святейший патриарх и преосвященные архиепископы и епископы согласно положили на его великого государя волю, для того о таком деле нам архиереом определения положить невозможно, у которых монастырей отнять, или впредь в которые монастыри давать, то и в их государственной воле; по своему обещанию прежде сего великие князья и благочестивые царя жаловали милостыню ружную давать, и ныне великий государь, где изволит в которые монастыри свое государево ружное жалованье давать, то в его государеве воле, как ему великому государю о том Бог известит»²³⁹. Что касается управления монастырскими имуществами, то оно первоначально сосредоточивалось в руках настоятеля вместе с собором из лучших братий²⁴⁰, или вернее одного настоятеля, отчего, как мы видели, сходили с рук игуменам разные злоупотребления. Так было до 1649 г., когда возник

Монастырский Приказ. Между прочими делами, ведению Монастырского Приказа были поручены сборы с церковных вотчин и составление описей церковных имуществ. В 1677 г. Приказ был закрыт и управление монастырскими имуществами снова перешло в руки монастырских властей. Но и теперь для управления церковными вотчинами, вероятно, правительство продолжало посылать светских лиц – бояр, а эти последние позволяли себе по прежнему злоупотреблять своею властью, вмешиваться не в свое дело и т. п.²⁴¹, так что на соборе 1681 г. было постановлено: «В мужеские монастыри для вотчинного управления мирян не посылать» (Отв. на 3-е предл.). Исключение сделано только для многовотчинных женских монастырей, куда собор разрешил посылать «старых добрых дворян», подчинив их местному епархиальному архиерею. Но и в этом случае собор сделал оговорку: в духовное управление «между стариц и церковных причетников дворянину не вступаться». (Там же).

Глава V-я. О церковном благоустроении

Постановления Собора 1681 г.: а) о вдовых попах, – История этого вопроса; – б) о кладбищах, – и в) о соблюдении тишины около храмов.

Исправляя порочные нравы черного духовенства, отцы собора 1681 г. не могли также не обратить внимания на недостойное поведение большинства белого духовенства. Из среды последнего особенно беспорядочным поведением отличался класс вдовых священнослужителей, известный у наших предков под именем «вдовых попов».

Вопрос о вдовых попах впервые был поднят в XIV ст.; святитель Петр, видя, что большинство священников-вдовцов живет с наложницами, дал правило, чтобы вдовые священники шли в монастыри и там священнодействовали, а если хотят жить в мире и любить мирские сласти, то не священнодействовали бы. Митрополиты Киприан и Фотий повторили это правило; но от времени оно потеряло силу. В XV ст. митрополит Феодосий думал «попов и диаконов нужею навести на Божий путь», рассказывает летопись, «нача на всяку неделю сзывать их и учить по святым правилом, и вдовцом диаконом и попом повеле стричися, а еже у кого наложницы будут, тех мучити без милости, и священство сымая с них, и продавать их».

Такие меры возбудили общее недовольство: начался ропот сперва в духовенстве, а потом и в прихожанах: потому что многие церкви остались без священников. Митрополита стали, наконец, клясть, так что Феодосий принужден был оставить святительскую кафедру, меры же, принятые им к исправлению нравов духовенства, не смотря на всю строгость, оказались бессильными²⁴². Псковское вече, в 1468 г., самовольно отлучило от мест вдовых своих попов, за их зазорное поведение. Но митрополит Новгородский Иона, которому был подчинен в церковном отношении Псков, ослабил определение веча: он дозволял вдовцам служить и за то брал у них по рублю от печати, которою скреплялась позволительная грамота²⁴³. Тем

не менее уважение к вдовым священнослужителям упало: миряне перестали исповедываться у вдовых попов и приглашать их с требами. Таким образом этот класс духовных был поставлен даже ниже монашествующего духовенства. Собор 1503 г., засвидетельствовав, что вдовые попы и диаконы живут блудно²⁴⁴ и продолжают священнодействовать, определил: всем вдовым священникам и диаконам воспретить священнослужение на будущее время; тем из них, которые живут с наложницами, расстричься и платить подати наравне с мирянами; а кто отойдет с своею наложницею, – как будто с женою, – в чужую епархию и будет священнодействовать, того предавать гражданскому суду. Тем же вдовым священнослужителям, которые, по смерти жен, живут чисто и не зазорно, стоять в церквах на клиросах, в качестве чтецов и певцов, и причащаться в алтарях – священникам в епитрахили, а диаконам – в стихаре с ораером и за стояние на клиросе пользоваться четвертою частью церковных доходов от священнослужителей, поступивших на их места. Наконец, тем же из вдовых попов и диаконов, живущих беспорочно, которые пожелают постричься в монашество, разрешить, после пострижения, священнодействовать, но только в монастырях, а не в мирских церквах²⁴⁵. Уложение этого собора было разослано по всей России и вызвало в среде духовенства сильный протест. Известный ростовский священник вдовец Георгий Скрипица тогда же протестовал против соборного уложения. «Пусть, писал он, подвергаются запрещению те, которые не хранят своего вдовства. Зачем без вины осуждать всех? Правильно-ли, что вдовый священник, постригшись, может служить, а тот же священник, не постригшись, – не может служить? Разве женою поп свят? Который поп имеет жену, чист, а не имеет жены, – не чист, а чернец, не имея жены, чист»... и проч. ²⁴⁶ Мнение Георгия Скрипицы не было единоличным – его разделяли многие, как свидетельствует преп. Иосиф Волоколамский. Этот строгий аскет сам написал небольшое послание собору, где говорит на основании правил вселенских и поместных соборов, что вдовых священнослужителей, живущих не раздорно, запрещать не следует²⁴⁷. Но как бы то ни было,

протест остался без успеха, а вдовы попы, не взирая на строгие наказания, продолжали вести беспорядочную жизнь. Так что на Стоглавом соборе царь Иван Васильевич говорил: «Ныне вдовых попов два жеребья: одни обедни не служат, но церковью и приходом владеют и детьми духовными, дают молитвы родильницам и имена детям, крестят, венчают, исповедуют, провожают умерших и совершают все священнодействия, кроме божественной литургии; а другие – сами всегда во всяком бесчинии и пьянстве, и их настроение миру на соблазн²⁴⁸. Отцы Стоглава, ссылаясь на все прежде бывшие в России поэтому предмету постановления, вновь подтвердили их и только прибавили: чтобы впредь вдовы попы и диаконы св. церквами не владели, духовных детей не держали и не вступались ни во что церковное, а только пребывали в чистоте и стояли на клиросе, и тем из них, которые обещаются хранить чистоту и стоять на клиросе, получать от святителей благословенные епитрахильные и оранные грамоты, не платя за них пошлин, причем в таких грамотах писать: что таким-то вдовым священникам и диаконам, обещавшимся пребывать в чистоте, по 5-му правилу VI-го вселенского собора, в дому у себя женского пола не держать из лиц зазорных, а только мать, или сестру, или тетку по отцу или матери, или дочь²⁴⁹. Вдовы попы и диаконы, будучи под запрещением, увеличили собою класс безместного духовенства, так называемых бродячих и крестцовых попов. Впрочем положение последних, как оно ни было незавидно, все же было отраднее, чем положение вдовых священнослужителей. Бродячие и крестцовые попы имели еще надежду наняться к какой нибудь церкви, вдовы же не могли и мечтать об этом: они бы ли под запрещением. Замечено, что бедность у людей, особенно невежественных, оказывает огромное влияние на падение нравственности: это вполне оправдалось на большинстве вдового духовенства. Беспорядочная жизнь последнего настолько била в глаза, что Стоглавый собор приказал выстроить для крестцового духовенства поповскую избу (чтобы попы, по крайней мере, не толпились на улице) и посадить в ней поповского старосту для надзора за ними. Поповскому

старосте также было вменено в обязанность – проверять, есть ли у попов ставленные или переходные грамоты²⁵⁰. Между тем число безместного духовенства увеличивалось. Соблазн, который производило оно своим поведением, беспокоил высшую иерархическую власть, запрещения и обличения пользы не приносили, надо было придумать меру более действительную. И вот, п. Никон разрешил вдовым священнослужителям священнодействовать в сельских приходах. Конечно, это распоряжение было не более как полумерою, потому что из всей массы безместных попов и диаконов только одна незначительная часть могла воспользоваться дарованным ей правом, да и то не без протеста со стороны сельского духовенства, большинство же осталось по старому в безотрадном положении.

В таком положении находилось дело до 1667 г., когда Большой московский собор, вероятно, опасаясь, чтобы масса голодного духовенства не перешла на сторону церковных противников, отменил все старинные запрещения службы вдовым священникам и диаконам и даже дозволил им расстригаться и поступать на службу, кроме военной. Однако раскол увлек на свою сторону множество бедных духовных лиц, – приманкою служило материальное обеспечение.

Всетаки вопрос о вдовых попах не кончился. На Московском соборе 1681 г. еще раз было постановлено: миряне не должны держать у себя вдовых священников; а кому из них необходимо иметь у себя священника, то пусть просят патриарха или архиерея «дать благословение священнику не вдовому». А вдовым попам не позволять жить и служить в мирских домах, ибо они пьяницы: «дерзают не изтрезвився служить божественную литургию и прочие церковные службы, утрени, вечерни, молебны, паннихиды, такожде и церковные тайны, святое крещение, миропомазание, и благословение брака, и исповедание, и святое причащение, и над болящими елеосвящение, действуют пьяные, и от такового бесчинного пианства в покаяние не приходят и не престают, и божественного писания не внимают и архиерейское запрещение презирают. Таковых извергать от священства»; не

повинившихся ссылатъ по монастырямъ под крепкой начал, или отдавать в работу; а принимающих их подвергать эпитимии (Отв. на 3-е предл.).

Таким образом, вопрос о вдовом духовенстве был разрешен, епитрахильные же и оларные грамоты, как своего рода доход для правительства, продолжали существовать еще долго – до второй половины XVIII столетия.

Московский собор 1681 г. вынужден был дать также несколько правил о церковном благочинии. Правила эти касаются более благоговейного отношения к местам погребения и общественной молитвы христиан. Из донесений царя собору видно, каково было отношение самих священнослужителей к местам последнего упокоения православных. «Протопопы, попы, и церковные причетники, говорит Феодор Алексеевич, на церковных землях, которые даны в погребение телес умерших христиан, избы и лавки и анбары строят, и пускают жить на те земли, и тем церквам Божиим утеснение и пакость чинят»; поэтому царь советовал, «ту б землю (они) загородили в надолбы, чтоб бесчинно на ту землю никто не ходил и не ездил» (11-е предл.).

Собор согласился с желанием государя и просил со своей стороны, чтобы великий государь указал послать из Земского Приказа «кого пригоже, и те все земли измерить и очистить по дачам, что прежних земель по писцовым книгам кладбища и что из-под дворов придано после морового поветрия, и те все земли огородить; а из его Патриарша Приказу тем духовным будет приказано накрепко». А какие земли принадлежали церквам и какие приписаны после моровой язвы, чтобы о том «для ведома указал великий государь прислать из Земского Приказу в его Патриарш Приказ книги» (Отв. на 11-е предл.).

Если духовенство относилось с неуважением к местам погребения христиан, то чего требовать от простого народа? «Во время праздников в монастырях и приходских церквах, читаем в 12-м царском предложении, к тем церквам со всякими ядомыми харчи, и с квасом и ни с каким питьем, никого не пропускать и тем святой церкви не бесчестить, чтобы в том бесчинство не чинилось».

Собор утвердил и это предложение: «Сие предложение, угодное Богу и спасение христианом, паче же всего из того будет украшение святей Церкви и благолепие, и утверждаем соборне быти тако» (Отв. на 12 предл.).

Впрочем и после собора мы встречаем случаи не благоговейного отношения к местам общественного богослужения. Укажу, например, на царскую, от 1687 года, грамоту Владимирскому воеводе Мартюхину, что 18-го июня, когда бывает в Боголюбском монастыре праздник, из владимирского кружечного двора головы привозят вино и всякие пития под монастырь, народ напивается и шум пьяных заглушает церковное чтение и пение²⁵¹.

Глава VI-я. О нищих

Нищенство в древней Руси. – Отношение к нему правительства, Церкви и общества. – Возникновение богаделен. – Развитие нищенства в XVII ст. – Меры к ограничению нищенства, принятые на соборе 1681 г.

Слова Спасителя: «нищие всегда имате», запечатлелись над всею историею России.

Появление нищенства современно началу нашего государства. Повидимому, откуда было взяться нищим в такой девственной и малонаселенной стране, какою представлялось тогда наше отечество? Вот как разрешает это недоумение один из наших историков. «Все обстоятельства древне-русской жизни, говорит он, так слагались, чтобы плодить нищую братию: их плодили и воеводы, и дьяки, и приказчики, и помещики, и ратные люди, и татары. Как набежит Ногайская орда из степей, да пожжет хлеб на полях, а в селениях избы, – жители, успев спастись от татарского аркана в болотах и лесах и очутившись без крова, и без хлеба, расходились по Руси просить милостыни»²⁵². Впервые нищих мы встречаем при св. Владимире. Благоверный князь, по свидетельству летописца, позволял всякому нищему и убогому приходить на княжеский двор и брать себе, что только нужно: пищу, одежду, деньги; повелел развозить по всему городу хлеб, мясо, рыбу, разные овощи, мед и квас и раздавать все это тем несчастным, которые, по немощи, не могли сами приходить за милостынею на княжеский двор. Вместе с тем Владимир одевал нагих, посылал всякого рода утешения больным, искушал должников, освобождал содержимых в рабстве²⁵³. Митрополит Иларион, в своем знаменитом слове «О Законе и Благодати», подтверждает свидетельство летописца... «Кто изобразит, восклицает оратор, множество твоих милостынь и щедрот, которые ты днем и ночью оказывал убогим, сирым, болящим, обремененным долгами, вдовам и всем просящим милостыни?...» И в другом месте: ..."ты, честная главо, был одеждою нагим, ты был питателем алчущих, ты был прохладою

для жаждущих, ты был помощником вдовицам, ты был успокоением странников, ты был покровом не имущим крова, ты был заступником обижаемых, обогатителем убогих»²⁵⁴. При Ярославе Мудром нищие получают уже юридическое значение в обществе, они становятся «людьми церковными». Постараемся проследить, на основании летописных и прочих подобных им указаний, как развилась благотворительность в последующие времена русской истории. В 1113 г. вдова Святополкова разделяет богатство свое «в монастыри, попам и убогим, яко дивится всем человеком»²⁵⁵. Владимир Мономах поучает своих детей: «всего паче убогих не забывайте, но, елико могуще, по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицу оправдате сами»²⁵⁶. В 1154 г. Ростислав раздает монастырям, церквям и нищим порты, золота и серебро²⁵⁷.

В 1187 г. Ярослав Галицкий раздает все имение монастырям и нищим²⁵⁸. В 1194 г. Святослав Всеволодович нищих милует²⁵⁹. В 1195 г. «Давид позва монастыре все на обед, был с ними весел, милостыню сильну раздава им и нищим и отпусти я»²⁶⁰.

В XIII ст. летописцы говорят про одного князя, что он «кормитель бяшет чернцом, чернецам и убогим и всякому чину, яко возлюбленный отец бяшет, паче милостынею бяше милостив», а про другого, что он «утешал нищих»²⁶¹. В период возвышения Москвы и в последующее за тем время благотворительность не только не ослабла, но еще увеличилась.

Великий князь Иоанн Данилович Калита оттого и получил такое прозвание, что всегда носил при себе калиту, или мешок с деньгами, для раздачи бедным. Русские государи, пред наступлением Великого поста, на Сырной неделе, раздавали обильную милостыню, а потом ездили по монастырям прощаться со старцами и оделяли их милостынею; в этом случае про царицу говорили, что она «ходила»⁽²⁶².

Во время царских походов по монастырям, по дорогам, где ехал царский поезд, выходили нищие и ложились, и им подавалась милостыня. Точно также и в монастыри ко времени царского приезда стекалось множество нищих. «Как царь ходит в походы и по монастырям и церквям, – пишет Котошихин, – и

для его выездов и выходов наготовливают деньги в бумаге по две и по полуполтине, и по полтине, и по рублю, и по два, и по 5, и по 10, и по 20 и по 30, кому сколько прикажет дати, чтобы было готово, так же как и царица ходит и ездит и за нею деньги возят и носят против того-ж обычая, раздача денег бывает всяким людям, кому что прикажет»²⁶³. Из исследований г. Забелина «о троицких походах» я приведу несколько цифр, которые укажут на размер и смысл царской милостыни. В 1636 г., сентября 21-го, как царица Евдокия Лукьяновна пошла из Москвы в троицкий осенний объезд, и по ее государынину приказу на Москве и по дорогам нищим и всяким бедным людям роздано на милостыню рубль двенадцать алтын. Октября 8-го, как государыня пошла из Александровы слободы и, идучи дорогою, пожаловала разных сел попом – четверем человекам, да дьячку милостыни рубль, да черному старцу пустыннику, да уродливому по 8 алтын, по 2 деньги человеку, да нищим по рукам 18 алтын²⁶⁴. Во время свадеб, великих праздников и в поминальные дни покои царские наполнялись толпами нищих, обедавших за особыми столами. Еще супруга князя Владимира, по народным преданиям, угощала нищих заморскими винами: в покоях ее нищие – «пили, ели, потешались». Воспитанные в началах домостройных наши цари, царицы и царевны старались со всею точностию осуществить в своей жизни заповедь иерея Сильвестра: «...и всякого скорбна и нища, и бедна, и нужна презри; и введи в дом свой, напои, накорми, согрей и одежи со всею любовью и чистою совестью»²⁶⁵. В неделю Жен Мироносиц, в 1665 г., в теремных покоях царя кормлено было 60 человек нищих; кроме того им было роздано от имени царицы 7 рублей. У царевны Татьяны Михайловны в 9 дней было накормлено 220 человек нищей братии. У царевны Евдокии Алексеевны, с сестрами, в течение недели питалось 350 человек²⁶⁶. Царь Феодор Алексеевич, при вступлении своем на престол, по свидетельству голландского резидента в Москве – фон-Кланка – угощал целые шесть недель нищих и роздал бедным людям 12.000 тал., т. е. 24.000 руб.²⁶⁷. В царском дворце, в Кремле, существовал особый класс нищих, известный

под именем «богомольцев верховых». Они получали от царя не только пищу, но даже жалованье и форменную одежду.

Представители Церкви – наши первосвятители и епископы, равно как монастыри и богатые церкви своим примером поддерживали благотворительность. Припомним отношение преп. Феодосия к бедным и несчастным. Он не мог их видеть без соболезнования и слез. «Аще убо видеша нища или убога, – говорит его биограф, – в скорби суща и в одежи худе, жалиси его ради и вельми скорбяше о том, и с слезами того миловаше, и сего ради сътвори двор близ монастыря своего, и церковь въгради в нем святого первомученика Стефана, – и ту повеле пребывати нищим и слепым и хромым и трудоватым, и от монастыри подаваше им, еже на потребу, и от того всего сущего монастырскую десятую часть даваше им. Еще же и по вся субботы посылаше воз хлебов иже в темницах сущим в узах»²⁶⁸. Преподобные Исаакий, Феодор и Евстратий – печерские роздали все свое имущество нищим пред пострижением в монашество²⁶⁹. В начале XVI ст. наши духовные землевладельцы, отстаивая свои недвижимые имущества, неоднократно повторяли, что «церковное богатство – нищих богатство»?²⁷⁰. Мысль эта выражалась и в монастырских уставах и ясно выражена в самом Судебнике царя Ивана IV-го. Так, в уставе преп. Евфросина Псковского сказано: «когда придут к вам странники иноки или миряне, заботьтесь их принять и успокоить; каждый странник может оставаться у вас три дня, и не принуждайте его ни на какое дело, ни скажите ему тяжкого слова, а, отпуская, дайте страннику милыстыню по силе»²⁷¹. В Судебнике же читаем: «...а на монастырех жити нищим, которые питаются милостынею от церкви Божии»²⁷².

Во время общественных бедствий пристанищем для бедных служили монастыри: волоколамский, белозерский, троицкий и другие. Преп. Иосиф Волоколамский отворял, для прокормления голодавших поселян, все житницы своего монастыря, и когда они опустели, делал даже займы, а для постоянного призрения странников и нищих построил особое пристанище, под именем «Богорадного монастыря», в котором обитель ежегодно кормила по 6 и 7 сот человек²⁷³. О Кирилло-

Белозерском монастыре сам грозный царь засвидетельствовал: «Кириллов доселе многие страны препитывал в гладные времена»²⁷⁴. После погрома Москвы в 1611 г., причем погибло до 100,000 людей, множество несчастных бежало в Сергиеву обитель к сердобольному настоятелю Дионисию.

Со времени учреждения патриаршества в России входят в употребление в больших монастырях и у патриархов так называемые «столы». Столы эти – остаток древних родовых обычаев угощать по праздникам своих ближних неимущих, принадлежащих к роду, и пришельцев-странников; с течением времени их стали устраивать с чисто религиозными целями. При патриархе ежегодно было учреждено девять столов: семь во всю светлую седмицу, восьмой – в праздник Успения Богородицы и девятый на Сырной неделе, на память святейших патриархов²⁷⁵. Сверх того в большие праздники, торжества и дни поминовений государей и святителей, также при своих выходах патриарх сам роздавал ручную милостыню нищим; живущим же всегда на ответственности Успенского собора двенадцати человекам²⁷⁶ выдавалось ежедневно по 35 коп. В день московского праздника Успения Богородицы, по указу патриаршему, каждогодно кормлено было нищих и всяких чинов скудных людей около 2.500 человек; после обеда жаловалось каждому по 6 денег²⁷⁷. По кончине п. Иосифа, на помин души его, царь Алексей Михайлович выдал из казны умершего на милостыню более 3.000 рублей. «Ни по котором патриархе, писал царь Никону, такой милостыни не бывало»²⁷⁸. Преемник Иосифа п. Никон каждый день, особенно праздничный, отпускал из своей домово́й казны известное количество хлеба и денег для роздачи бедным. С течением времени он основал в Москве две богадельни. Еще, будучи митрополитом Новгородским, во время бывшего в Новгороде голода, Никон отвел в своем доме обширную палату, в которой каждый день кормил от 100 до 300 и более человек и устроил в городе четыре богадельни для приюта бедных и сирых²⁷⁹.

Освятенная примерами наших царей и первосвятителей добродетель нищелюбия была всегда одною из господствующих в нашем отечестве. Так, мы видим, что примеру наших царей и

святителей следуют и частные лица. Блаженная Иулиания Лазаревская, вдова помещица Муромского округа (ск. 2 янв. 1605 г.), в субботы и воскресенья ставила трапезу попам, вдовам, сиротам и слугам. Она более всего пеклась о нищих, по слову Спасителя: когда творите пир, не зови родню, ни соседей богатых, чтоб они тебя позвали. Но зови нищих, и воздастся тебе в воскресение праведных. В житии этой подвижницы, написанном уже в XVII веке сыном ее Каллистратом Осорьиним, между прочим, рассказывается: однажды настал голод; святая распустила рабов своих и велела готовить хлебы из древесной коры и лебеды. Этим хлебом она питала нищих два года; а их бесчисленное множество. И когда соседи возражали: «что вы ходите к Иулиании? – она сама умирает с голоду!» нищие отвечали: «много сел мы обходим, а так в сладости не наедаемся, как у этой вдовы». И соседи, для испытания посылали к ней за хлебом, ели его и дивились, говоря: «горазды рабы ее есть хлебы», а того не разумели, что молитвою ее хлеб был сладок²⁸⁰. А царский постельничий Федор Михайлович Ртищев († 1673 г.), по словам его жития²⁸¹, устроил в Москве нечто в роде богадельни. «В царствующем граде Москве, видя скитающиеся и по путем лежащие, всякие недужные никакого прибежища имущие, купи некий domeц и устрои в нем две келии и тамо собрав овогда 13 человек, а овогда 15, питае и упокоеваше тыя»²⁸²... Еще как на примерного благотворителя, мы можем указать на известного нашего дипломата второй половины XVII ст. – Афанасия Лаврентиевича Ордына-Нащокина. Царь Алексей Михайлович, облакая его саном «думного боярина», между прочим, писал: «пожаловали мы тебя за твои к нам великие службы и радение, что ты, помня Бога и святыя Его заповеди, алчных кормишь, жаждущих поишь, нагих одеваешь, странных в кровы вводишь, еще и ноги им умываешь»... Вообще в каждом зажиточном доме постоянно жили нищие; они получали пищу и готовое поношенное платье, а в больших городах, на рынках, каждое утро некоторые покупали хлеб, разрезывали на куски и раздавали бедным²⁸³.

Таким образом, нищенство в древней Руси понималось в смысле кормления Христовым именем. Нищие, по взгляду наших соотечественников, – взгляду в существе верному, – это меньшие братья Искупителя и пользовались они поэтому (да и теперь пользуются) милостынею без всякого отношения к их нравственным качествам. Русский человек, подавая милостыню, не размышлял о том, кому, в самом деле, он оказывает помощь – истинной-ли бедности или своим паразитам. Мало того, делать такой разбор на Руси почиталось (да и теперь почитается) даже грехом. В рядах нищей братии поэтому всегда числилось не мало гулящих людей, – людей не хотевших добывать себе кусок хлеба трудом и избиравших для этого путь христорадничества. На первых порах даже проповедники наши не обращали на это зло должного внимания. Напротив, они даже, можно сказать, содействовали умножению нищих, очень часто толкуя о милостыни и вспоможении бедным. Так, старец Павел Высокий (ум. 1382 г.) оставил слово ко всему миру: о холодности к нищим, начинающееся так: «почто затворяете врата от нищих?»²⁸⁴. Другой проповедник, например, так поучал – в XV веке: «милостыня дерзновение имеет ко Владыце невозбранно о душах грешных и от уз тяжких разрешает, к Богу на небеса возводит: творяй бо милостыню, той друг Божий наречется и в страшный он грозный день великого Божия неумолимого суда Христа умилоstit и добре свободит душу от вечных мук». Независимо от евангельской заповеди о благотворительности, проповедники видели разные общественные неурядицы, порождавшие нищету, и потому, вероятно, снисходительно смотрели на нищих и их пороки. При всем том, умножение нищих в государстве, дармоедство и бессовестность многих из них поражали мыслящих проповедников и иногда вызывали их негодование и обличение²⁸⁵. Но понятно, что обличения не могли исправить нестроений, уменьшить число нищих; нужны были для этого средства более осязательные. Между прочим, таким средством являлось учреждение на Руси богаделен.

Собственно богадельни на Руси существовали уже давно; по свидетельству писцовых книг, они устроились при

монастырях и приходских церквях. Впрочем, при приходских церквях они устроились только в больших городах – Киеве, Москве – и в новгородской области. Вообще же число богаделен в древней Руси не соответствовало числу нищих. Кроме того в этих учреждениях господствовали часто беспорядки. Царь Иван Васильевич жаловался на Стоглавом соборе, что приказчики при богадельнях, устроенных в Москве и по городам, допускают злоупотребления, – принимают в богадельни не тех, кого бы следовало, а именно бедных и беспомощных больных оставляют без призрения²⁸⁶. Поэтому собор счел нужным просить: «да повелит благочестивый царь списать по всем городам всех больных и престарелых и устроить в каждом городе мужские и женские богадельни, в коих довольствоваться пищею и одеждою больных, престарелых и не имеющих куда голову приклонить, а боголюбцы пусть приносят им милостыню и все потребное. Смотреть, чтобы им не было насилья и обиды от стряпчих»²⁸⁷. Надзор за этим собор поручил епископам и священникам. Но были-ли на самом деле уничтожены таким соборным определением названные злоупотребления? – отрицательный ответ на это несомненен...²⁸⁸.

В царствование Феодора Алексеевича, когда пробудилась на Руси новая жизнь, и нищенский вопрос не был оставлен без внимания. Мы видим, что в мае 1676 г. изволением государя велено было ведать «московских богаделен стариц и нищих мужеска полу и женска, четыре ста двенадцать человек, которым даван корм, деньги, хлеб и соль (1780 руб., 412 четвертей ржи и 200 пудов соли) и прочая потребная на пищу и одежду из Приказу Большого Дворца, – велено (было) ведать в дому святейшего Патриарха и питати их и всякая потребная им давати из его же дому»²⁸⁹. Но так как средства домово́й казны патриарха были недостаточны для содержания стольких человек, то патриарх по этому случаю разослал грамоты по всем епархиям с приказом, чтобы каждый архиерей из своей домово́й казны ежегодно посылал к патриарху по три алтына по две деньги с церкви, – это сверх издавна существовавшей высылки по гривне с церкви. Впрочем при этом предписывалось

«на попов сверх прежних платежей не накладывать»...; равным образом было отменено присылать царю и патриарху икону в великие праздники²⁹⁰. В том же году, указом от 28 июня, п. Иоаким повелел жить у приходских церквей нищим, которые теснились в избушках и клетях на улицах Кремля, Китая, Белого и Земляного города, а те избушки и клетки сломать и впредь на тех местах не ставить, а на строенье тем нищим, которые учнут избушки ставить у приходских церквей, давать из своего Казенного Приказа, по 1 рублю на человека²⁹¹. У Арбатских ворот, при церкви св. Тихона, построена п. Иоакимом на собственное иждивение богадельня, которая стала называться «Тихоновскою» и «Патриаршею», по примеру Кировской на Кулижках, построенной патриархом Иовом (1589–1605)²⁹². Благодаря таким мерам, предпринятым патриархом, нищенство должно было утратить свой площадной, подчас соединенный с кошунством характер. Распоряжение п. Иоакима, приближая христорадников к храмам, тем самым возвращало им истинное их значение и вместе вводило в их жизнь более легальности.

Но за всем тем, как вообще на Руси, так в частности, и особенно в Москве, численность нищей братии не уменьшалась, что зависело, быть может, с одной стороны оттого, что устроенные приюты глубоко были пропитаны официальным характером, так что, поступить туда нередко бывало так же трудно, как и получить место какого-нибудь дьяка в Приказе— и оттого с другой, — что уличное кормление Христовым именем во всяком случае не сопровождалось для нищих теми стеснениями и ограничениями вольностей, каким они неизбежно подвергались в приютах. От чего бы, впрочем, то не зависело, но все-таки численность нищих, как я сказал, на самом деле не сокращалась и при устройстве богаделен, — и в конце XVII стол. она достигла громадных размеров. По свидетельству Берха («Царствование Феодора Алексеевича ...», I, 86), нищих в одной Москве насчитывалось тогда до 1000. По словам Флетчера, они бродили в несчетном множестве, приступали к каждому встречному с словами: «дай мне, или убей меня!» Днем они просили, ночью крали или отнимали, так что в темный вечер люди осторожные не выходили из дому. Мало того,

христорадничество в то время даже в официальных описях городских ремесл и промыслов значилось как особое ремесло под рубрикою: «кормится Христовым именем»²⁹³. И нужно заметить, что это множество нищей братии мало походило в своем христорадничестве на современных нищих. Тогдашние нищие решались просить милостыни даже в церквах, во время совершения богослужения. Так что собор 1666 г. вынужден был, между прочим, дать такое постановление: во время церковной службы у дверей храма должен кто-нибудь стоять, чтобы нищие в церкви, во время пения, по церкви не бродили и милостыни не просили, а стояли бы тихо в храме или на паперти. Нищих, которые будут нарушать церковное благочиние, собор предлагал смирять священникам²⁹⁴. На соборе 1681–1682 г. царь просил, «чтоб нищие в церквах, во время церковного пения, милостыни не просили и тем во церкви стоящим христианом мятежа не чинили» (10-е предл.). Да кроме того они имели сходбища не около только св. мест, но и везде, где только они могли рассчитывать на добычу,—везде, где было много христолюбцев. Они собирались поэтому на Спасском, Никольском и Троицком мостах, у Троицкого подворья в Кремле; здесь было сборное место нищих из разных сословий. Здесь сходились нищие и с малыми ребятами, украденными от родителей и нарочно изувеченными, чтобы люди, на них смотря, умилились, и больше им милостыни давали, — и обезображенные разными болезнями, на столько обезображенные, что «когда б такова нищева жена чревата усмотря испужалась, могла бы такого же поврежденного младенца родити»?²⁹⁵. Здесь же выставлялись гробы, для сбора в них милостыни, а божедомы вывозили из убогого дома в тележке подкидышей. Наконец, здесь имели себе всегдашнее пристанище певцы «Лазаря» и «Алексея, человека Божия», по большей части слепые, жалобным, заунывным голосом испрашивавшие себе подаяние. Вот почему царь и предлагал собору 1681 г. учинить в Москве и остальных городах рассмотрение о нищих и разобрать их, и странных и больных держать в особом месте со всяким довольством, от его государевой казны, чтобы они не скитались без призрения, а

ленивых и имеющих здравие телесное приставить к работе. Собор принял царское предложение и ответил: «Сие предложение угодное Богу и спасение христианам, и соборне утверждаем: да будет тако» (Отв. на 9-е предл.).

Преосв. Филарет Черниговский в своей «Истории» полагает, что то и другое постановление приведено было в исполнение, что содержание бедных и больных, по разборе их в Москве, оставалось на попечении патриарха, а от царского двора нищие получали милостыню только в большие праздники²⁹⁶. Но я более склоняюсь к мнению о. Смирнова, высказанному им в книге «Иоаким, п. Московский» (стр. 242), что соборные 1681–1682 гг. определения относительно нищих в исполнение приведены не были, не были потому, что с 1682 года, как мы знаем, открылся непрерывный ряд волнений на Руси, продолжавшийся до последнего года патриаршества Иоакима²⁹⁷. Это тем более вероятно, что уже в конце XVII и начале XVIII столетия нищих на Руси была масса, Посошков насчитывал в это время в России нищих до 30.000 человек! ²⁹⁸. Они попрежнему бродили по стране и «пели глупые и вредные песни»²⁹⁹. Правда, при некоторых церквях были открыты богадельни, но они были бедны и дурно управлялись³⁰⁰. Таким образом общественная и частная благотворительность не удовлетворяли нуждам нищих. На основании этих отзывов можно видеть, что постановления собора 1682 г. не были проведены в жизнь даже ко времени составления Регламента.

Глава VII-я. О присяге по «Чиновной печатной книге»

Чиновная печатная книга. Ея содержание и судебно-гражданское употребление. – Постановление собора 1681 г. о клятве по этой книге.

«Всяких чинов людей, – сказано в пятом царском предложении, – во всякой верности, также во всяких расправных делах, приводят ко уверению истинного обещания, пред святым Евангелием, по *чиновной печатной книге*, а в той книге *многие страшные и непрощаемые клятвы положены, которые к тем делам и неприличны*». О какой это, спрашивается, «Чиновной печатной книге» и о каких клятвах говорит царь? Под именем «Чиновной печатной книги» Феодор Алексеевич, очевидно, понимает книгу, содержащую в себе употребительнейшие в древней Руси формы присяг. Книга эта, судя по дошедшим до нас, вообще очень редким³⁰¹, ее экземплярам, определенного какого-либо заглавия не имела. Я в настоящем случае пользовался экземпляром Императорской Публичной Библиотеки, доставшимся ей от гр. Ф. А. Толстова. Экземпляр этот (под № III. 8 № 2) в 4-ки, в каждом переплете, чистый и весьма хорошо сохранившийся. Выходного листа нет, да его, по словам А. Ф. Бычкова, и совсем не было; так что о времени издания книги можно судить лишь на основании ее содержания. Принимая во внимание, что в чинах присяги везде, где упоминается о государе, стоит имя царя Алексея Михайловича – издание «Чиновной печатной книги» безошибочно можно отнести ко второй половине XVII ст. Частнее, наш известный библиограф, покойный П. М. Строев относит издание ее к 1660 г., на том основании, что в чине присяги на верность царю (лист 9-й), между особами царской фамилии, упоминаются: Царевич Алексей Алексеевич (род. в 1653 г.), царевны: Евдокия и Марфа Алексеевны, но не сказано о царевиче Феодоре Алексеевич (род. в 1661 г.)³⁰². «В том экземпляре, который был у меня под руками, помещены три чина (формы) присяг, из которых каждый имеет особое заглавие: I. «Чин, како подобает приимати и оуверяти обещающегося

служите государю царю всею правдою». II. «Чин, бываемый во явление истины, между двома человекома тяжущимся, в них же бывает прегрешение, или преобидение, или в какой либо вещи лишение, аще показание не обрящется, ниже грамотою (писанием), ниже свидетельми, изыщется» и III. «Чин, бываемый, како подобает, егда кто хочет государю царю послужити, всею правдою, оу его государевых дел»³⁰³. Но прежде чем перейти к подробному анализу содержания их, я считаю нелишним сказать несколько слов о формах присяги в России, употреблявшихся со времен язычества до нашего периода.

До введения христианства в России, обряд присяги или клятвы называем был *рота*, от чего самого произошел глагол *ротѹтися*. Слово это мы встречаем и в переводе Евангелия на славянский язык: «Тогда (Петр) начал *ротѹтися* и клятися» (Мф. 26:74; Мк. 14:71).

При совершении Игорем мирного договора с грека ми, обряд клятвы заключался в том, что русские воины полагали к подножию своих кумиров оружие, щиты и золото³⁰⁴. На севере золото столько же ценилось, как и оружие, а известно, что каждый человек клянется тем, чем более всего дорожит. Из договора Олега видно, что в делах судебных истцу не позволялось клясться, но только ответчику, и что клялись всякий по своей вере³⁰⁵.

В важных делах допускаемо было испытание железом и водою. Обвиняемые должны были брать в руки раскаленное железо или вынимать кольцо из кипятка. Обычай этот перешел к нам с Запада. Подобные испытания допущены даже и «Русскою Правдой». Железо употреблялось в самых важных случаях, когда истец не имел свидетелей, и считалось важнее испытания водою; в самых же малых исках, ценою ниже двух гривен серебра, решали дела посредством присяги³⁰⁶.

Иногда вместо присяги употреблялся поединок. Не только в древности, но по введении христианства, и в позднейшие времена всякий мог доказывать свою справедливость и оправдываться поединком. Об этом известно нам из Судебника царя Ивана III-го. Мирившиеся на поле поединка платили штраф в пользу окольных и судей.

Хотя испытание железом, водою и поединки еще долго оставались тенью язычества, но со введением в Россию христианства – клятва стала утверждаться крестом. От этого изменилось слово «рота» и присяга начала именоваться крестным целованием. Присягнуть в чем называлось «отцаловаться»; «крест целовать на криве». В позднейшие времена присоединили к целованию креста целование слов Евангелия.

Еще при заключении мирного договора Игоря с греками-христиане целовали крест в храме св. Илии.

Хотя в древней Руси присяга не имела никакой полной постоянной формы, но, сколько можно видеть из крестоприводных записей, она заключалась в утверждении обещания целованием св. креста и в оговорке, что в случае, если присягающий нарушит свою клятву, то подвергает себя отвержению милости Божией и лишению благословения вселенских соборов. Эта форма имела некоторые изменения, иногда ограничивалась одним только целованием креста, например, в договорных записях новгородских 1305–1308 гг.: «На сем, господине Новгород весь крест целует»³⁰⁷, или «на сем, княже, целуй крест к всему Новугороду, на чем целовали деды и отец твой Ярослав»³⁰⁸. Иногда прибавлялась оговорка: «... а не учну... ино не буди на мне милости Божией и пречистые Его Матери...»³⁰⁹. Случалось, что оговорка эта была отменяема, например, в записи второго самозванца и в общих крестоприводных записях XVII века, где в заключении сказано только: «Аз... целую сей животворящий крест Господень на всем, как в сей записи писано»³¹⁰. В некоторых записях – преимущественно начала XVII ст. – после слов: «и не буди на мне милости Божией» следует: «я буду проклят в сем веце и в будущем»³¹¹. Но такая оговорка, вероятно, объясняется обстоятельствами того времени, когда самозванцы терзали отечество, а бояре колебались в верности своему государю.

Всякий раз при восшествии на престол нового государя составлялись общие крестоприводные записи, по которым всех приводили к присяге.

Присягали также в чрезвычайных случаях; при вооружении против самозванцев; при восстании Пожарского на защиту отечества и т. п. При этом в крестоприводных записях делались дополнения, всегда приноровленные к обстоятельствам, или к духу того времени. Так, после несчастной кончины Бориса Годунова, при вступлении на престол сына его, внесено было в присягу: «следу ведомским мечтанием не испортити, и ведомством по ветру никакого лиха не насылати»³¹². При свержении с трона Василия Ивановича Шуйского присягали Боярской Думе: «во всем их (бояр) слушати, и суд их всякой любити, с изменники битись до смерти, а вора кто называется царевичем Дмитрием на Московское государство не хотети...»³¹³.

Сверх того в общих крестоприводных записях были иногда особенные дополнения, так называемые «приписи», для придворных и находящихся в государственной службе лиц. Подробное описание одного из таких обрядов,—обряд присяги при вступлении в государственную службу, помещено в рассматриваемой нами «Чиновной печатной книге». Обряд этот совершался таким образом. Священнослужитель (архиерей, архимандрит, игумен, или священник) приходил во храм³¹⁴ с присягающим, и, поставив его против царских дверей, перед наложником, облачался в ризы. Диакон возлагал на налои напрестольное Евангелие и ставил лампаду со свечью перед лицом присягающего, который должен был положить перед Евангелием три земных поклона, говоря: «Боже, очисти мя грешного и помилуй мя! Создавый мя, Господи, помилуй мя! Без числа согреших, Господи, помилуй мя!» Диакон начинал: «Благослови, Владыко!» а священнослужитель читал молитвы, псалмы, символ веры, тропари и кондак святого того дня, а, наконец, была читаема присяга (кем не объяснено): «Се аз (имя) обещаюся государю своему, царю и великому князю (имя) всея Руси и его благоверной царице, и великой княгине (имя) и благоверному царевичу и великому князю (имя).... и тем, которых детей им государем впредь Бог даст, прямити и добра хотети во всем без всякого лукавства, и их государьского здоровья во всем оберегати, и никакова зла на их государей не

мыслити и опричь государя своего... на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства российского царствия и на все великия княжества, на Киевское и на Черниговское, на всю малую Русь, иного царя и из иных государств Польского и Литовского и Немецких Реш (? – *Рейх* (нем. *Reich*) – ряд земель, подчиненных одной власти, »государство«) королей и королевичей из розных земель царей и царевичей и из русских и из иноземных родов никого не хотети?» Приносящий присягу клялся под государство не подыскивать никакими мерами и никакою хитростию. Обещал, что, если он где узнает (среди русских людей, или иноземцев) скоп, или заговор, или другой какой злой умысел против государя, донести об этом самому царю, или его ближним людям, а при случае и самому «биться за него, государя своего, не щадя головы своея, до смерти». Наконец присягающий давал обещание: «в Крым, и в Калмыки, и в Литву, и в немцы, и во иные государства не отъехать и из города, и из полков, и из посылок без его государева оуказу и без отписки не съехать», городов неприятелю не сдавать и с недругами государственными и изменниками не дружить.

Словом, государю своему «служити и прямити, и добра хотети без всякого лукавства в правду» (Чин. I. лис. 1–13) «Быти у его государева дела, у денежного или у какова сбору или у дела, а будучи мне у его государева дела или у какова сбору сбирати мне в правду по его государеву указу, другу не дружити, недругу не мстити, купити и продавати, как цена настоит и проч. По сему Божественному и Священному Евангелию ей-ей делати в правду!» Засим священнослужитель произносил поучение присягающему, обещая ему благословение и прощение во всем от Бога Вседержителя и будущее небесное блаженство со всеми праведными, – если будет верен присяге; в противном случае предавал его анафеме, обрекая:»... да будет, яко Каин, трясыйся еще и на земли, и да погибнет якоже Ахар, украдый чрез заповедь ризу и сребро и сосуд злат, и да отвержется земля и пожрет его яко Дафана и Авирова, и та восприимет проказу пелеву, и оглавлении Иоудино, и смерть Ананиину и жены его Сапфиры,

якоже продаста село свое, и утаиста сребра от цены его, жилище его да будет в вечном огни оуготованном диаволу и аггелом его, и да обрящет Бога ратующа в час страшного воздания», и заключал молитвою, которую произносил, воздев руки пред Евангелием: «услыши мя, Господи, грешного молящася к Тебе всем сердцем, воздаждь комуждо по делом его». Тогда присягающий подтверждал свое обещание, говоря: «Обещаюсь пред святым сим евангелием державнейшему и благочестивейшему царю и проч. во всем в правду служить. Аще ли явлюся преступник своего обещания, еже рече архиерей злая, ей-ей да будут на мне, якоже и на прежних приступницах». Священнослужитель заключал обряд вторичным увещанием.

Употреблялся особенный род присяги в делах судебно-гражданского характера и в частности в исковых. Форму этой присяги мы находим в той же «Чиновной печатной книге». Она состояла в следующем. Тяжущиеся приходили к архиерею, тот их уговаривал, показывая «ужасный страх во лжукленущихся». Если они не примирались, то архиерей брал каждого особо и опять уговаривал. Если и в этом случае спорящие отказывались примириться, то архиерей отправлялся с ними в церковь. Здесь, по прочтении тех же молитвословий, что и в чине присяги на верность государю, истец возлагал правую руку на Евангелие и произносил присягу. Если спор был о деньгах, то истец говорил: «яко же сие божественное и священное Евангелие учит и заповедует нам истинствовати сим, ей-ей взял у мене сей (имя) денег (число)». Ответчик, если признавал обвинение за поклеп, или за клевету, также возлагал правую руку на Евангелие и говорил: «Сей (имя) пред божественным сим Евангелием клеветает на мя, яко аз взял у него денег (число), аз же якоже сие божественное и священное Евангелие учит и заповедает нам истинствовати сим, ни-ни, еже есть не взял». Архиерей заключал обряд присяги призыванием благословения на говорящего правду и проклятия на свидетельствующего ложно.

Этот род присяги в древней Руси был особенно употребителен и одинаково применялся как к делам важным, так и к малозначительным. Предки наши отличались вообще

склонностию к сутяжничеству... Вероятно, по этой причине благочестивый царь Феодор Алексеевич, не задолго перед тем воспретивший употреблять в подаваемых ему челобитных раболепное выражение: чтобы царь умилосердился «как Бог»³¹⁵, – просил собор изменить формы присяг, помещенных в «Чиновной печатной книге». Собор дал на эту просьбу следующий ответ, который я здесь и выписываю буквально. «О Чиновной книге, по которой приводят всяких чинов людей к вере, а в ней положено три статьи, первой и второй статьи быть, только требуют исправления, а что от церкви положено в прещении поучение и тому впредь также быть». То есть, собор оставил первую и вторую формы присяг – присягу на верность государю и «чин, бываемый во явление истины между человеками тяжущимися». Но при этом было замечено, что чины эти нуждаются в исправлении. К сожалению, мы не знаем, что в них желал исправить собор. Относительно же поучения священника, которым оканчивалась каждая из указанных присяг, отцы собора положили оставить его без всякого изменения. Касательно третьего чина, или, как выражается, собор, третьей статьи, было определено: «а по третьей статье, чтоб великий государь указал отставить церковные казни, клятвы на люди не налагать и вечною смертию их не убивать, а для того, что в той статье писано в его государевых делах и во всяких сборах многие люди грешат, по обещании своем пред святым Евангелием того не исполняют и тем себя вечною смертию убивают». Таким образом, из третьего чина присяги, даваемой при поступлении на государственную какую-нибудь должность, собор исключил клятвы. Сделал же это он потому, что многие не исполняют данного обещания: не расхищать казенного имущества, В замен этого собор предлагал государю, чтобы он «изволил тем людям наложить свой государев указ, прещение и страх по градским законам, кто чего за какую вину достоин» (Отв. на 5-е предл.).

Такое определение Московского собора не может не показаться странным.

Собор отменяет клятву в третьем чине потому только, что многие грешат: не исполняют присяги... Как будто собор не

понял царского предложения. Феодор Алексеевич, говоря, что присягающие по «Чиновной печатной книге» часто принимают на себя такие клятвы, «которые к тем делам и неприличны,» вероятно, разумел случаи применения присяги в делах совершенно ничтожных. Таким образом, нам кажется, что собору необходимо было сделать некоторые перемены во втором чине присяги: или совсем изменить ее форму, или ограничить ее, – допускать до клятвы тяжущихся только в важных делах. Клятву же в третьем чине следовало оставить без изменения, именно в виду того, что присяга эта, как засвидетельствовал сам собор, чаще других нарушалась.

Трудно сказать, были-ли приведены в исполнение указанные постановления собора. Из всех чинов присяги, которые собор подверг рассмотрению, от последующего времени, до нас дошел только один чин – именно «чин, бываемый воявление истины между двома человекома тяжущимася», издание которого относится к сравнительно уже позднему времени, к 1807 году. Более ранних его изданий – конца XVII или даже XVIII столетия мы не имеем»³¹⁶. Сравнивая чин этот, напечатанный уже в начале XIX-го столетия, с изданным при Алексее Михайловиче, мы никакого различия между ними не находим, за исключением разве добавочной статьи в конце нового издания под следующим заглавием: «Оуложения в нижеследующих главах и статьях, о крестном целовании изображено:»... Отсюда можно заключить, что намерение Московского собора 1682 г. относительно исправлений в формах присяг так и осталось намерением...

В. Соборные Определения обрядового характера

Глава VIII-я. О хранении некоторых священных предметов

Определения Собора 1681 года: а) о хранении частей Креста Христова и Ризы Господней, и б) о хранении частиц мощей Иоанна Предтечи и других святых.

Задавшись целью оградить Церковь от ее противников, царь и собор пришли к тому заключению, что лучшим для нее оплотом может служить с одной стороны поднятие нравственности в духовенстве, а с другой – возбуждение религиозного чувства в самом народе. О том, что было предпринято для поднятия церковной дисциплины в служителях Церкви, мы уже знаем, укажем теперь, что было сделано для той же цели касательно прочих членов Церкви. В этом отношении заслуживают внимания обрядовые постановления Московского собора.

Таких постановлений было сделано два. Первое касается хранения части Животворящего Креста Господня и Хитона. «Бог Всемогущий, говорил царь, по Своей неизреченной благодати, даровал св. Своей Церкви пребогатое и неоцененное сокровище – часть Животворящего древа Христова, также и Ризу свою божественную, т. е. Хитон. От них истекают многие и различные исцеления с верою приходящим. Сокровища эти хранятся в великой соборной церкви Успения Пресвятые Богородицы от многих лет и доныне». Неизвестно, когда и кем была прислана в Москву часть Животворящего древа Христова. Известно только что в царствование Иоанна Грозного она находилась уже в Москве. Заключение это мы делаем на основании «Сказаний князя Курбского». Курбский, рассказывая о Казанском походе, приводит, между прочим, следующий любопытный эпизод. Во время осады Казани русскими, осажденные «на войско христианское чары творили и великую плювию (дождь) наводили: яко скоро по облежанию града, егда солнце начнет восходить, взыдут на град всем нам зрящим, ово престаревшие их мужи, ово бабы, и начнут вопияти сатанинские словеса, машуще одеждами своими на войско наше и

вертящиеся неблагочинне. Тогда абие востанет ветер и сочинятся облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такой дождь, и сухие места в блато обратятся и мокроты исполнятся; и сие точию было над войском, а по сторонам несть, не то чию по естеству аера (воздуха) случашеся. Видевше же сие абие советоваша цареви послати по древо спасенное до Москвы, еже во кресте вделано, который всегда при царском венце лежит. И сбегано, за Божиею помощию, зело скоро, водою до Новаграда Нижняго, аки в три, або четыре дни, вятскими, зело скоро плавающими кораблецы, а от Новаграда до Москвы пруткошественными подводами. Егда же привезен честный Крест, в нем же частка (частица) вделана спасенного древа, на нем же Господь наш Иисус Христос плотию страдал за человеки; тогда презвитеры соборне, со церемониями христианскими обхождения творяху, и по обычаю церковному освятиша им воды, и силою Животворящего Креста абие от того часа изчезоша и без вести быша чары оны поганские»³¹⁷. Конечно, Курбский мог ошибаться относительно действительности волхвований казанских магов, но для нас важно, в приведенном рассказе, указание на посылку в Москву за частию Животворящего древа. Относительно же Ризы Господней известно, что она принесена при патриархе Филарете из Персии. Вот что мы знаем, из различных исторических документов, об этом событии. 25-го февраля 1625 г., прибыли в Москву, а 11-го марта представились царю Михаилу Феодоровичу и отцу его патриарху Филарету послы от персидского шаха Аббаса I-го, грузинец Русамбек (или Урусамбек) и Муратбек и правили им обоим от государя своего поклон. А после поклона один из послов поднес патриарху золотой ковчег, украшенный драгоценными камнями, и сказал: «государь мой Аббас шах прислал к тебе, великому святителю золотой ковчег, а в нем великого и славного Христа срачица». О намерении шаха прислать свой подарок, известно было в Москве еще раньше от русских послов, находившихся в Персии, Коробына и Кувшинова которым тогда же поручено было собрать о Ризе Господней подробные сведения; но послы, при всех своих стараниях, могли узнать только, что шах достал ее

из Грузии³¹⁸, что в Грузии ее чествовали и – от нее совершилось много чудес; а подлинно-ли она, Риза Господня и какова она, об этом никто ничего не мог сказать. Патриарх принял от персидского посла золотой ковчег, и в тот же день осматривал его, на своем святительском дворе, с Киприаном, митрополитом Сарским и Подонским, с Нектарием, архиепископом Вологодским, с архимандритами, игуменами и протопопами. И, при осмотре, оказалась в ковчеге «часть некая Ризы Господни, а в длину и поперек пяди, полотняна, кабы красновата, походила на мели, или будет в данных летех, лице изменило, а ткана волну». При этом патриарха смутило то, что в ковчеге «под Ризою писаны были страсти Спасовы латинским письмом, а латиняне еретики». Чрез некоторое время патриарх держал царю такую речь: «святыня, что называют Христовою срачицею, прислана от иноверного царя; истинного свидетельства о ней нет, а неверных слово без испытания во свидетельство не приемлется. Надобно петь молебны, носить святыню ту к болящим, возлагать на них и молить Бога, чтобы Он Сам открыл о ней истину».

Установлен был по всей Москве семидневный пост, во всех церквах и монастырях совершались молебствия, Ризу Господню носили к больным и возлагали на них. И не прошло еще недели, как от этой святыни начали совершаться многие чудесные исцеления. Царь и патриарх поручили Киприану, митрополиту Крутицкому, с двумя архимандритами и – двумя игуменами, произвести надлежащее исследование, и, получив удостоверение, что чудеса действительно совершились, приговорили быть в царских палатах собору 26-го Марта, На соборе торжественно объявлено было царскому синклиту и всему народу о чудесах от Ризы Христовой и определено было: поставить ковчег с нею в Успенском соборе и учредить в честь ее празднование 10 июля, а составление службы на сей праздник поручить митрополиту Сарскому Киприану³¹⁹. Когда служба была составлена и напечатана, царь и патриарх разослали свои грамоты по всему государству, с подробною росписью чудес, совершившихся от Ризы Господней, и с службою ей, и приказали прочесть те грамоты по всем церквам

всенародно и затем петь благодарственные молебны со звоном, а впредь ежегодно совершать празднование Ризе Господней 10-го июля³²⁰. Отпуская персидских послов (они выехали из Москвы 26-го мая 1625 г.), патриарх отправил с ними к шаху Аббасу послание, составленное известным публицистом того времени князем Сем. Ив. Шаховским, в котором благодарил его за присланную в дар святыню, убеждал шаха принять правую христианскую веру и предостерегал его от латинского ксендза, которого, как слышно было в Москве, шах пригласил в свою страну³²¹.

В прошедшие же лета, продолжал царь, по желанию его предков и благословению святейших патриархов тогда бывших, то пребогатое сокровище разделено на многие части, помещено в разные ковчеги и хранимо не в одном месте; иногда оно было пренебрегаемо, а некоторые части той божественной Ризы едва-ли даже не утрачены. Поэтому, он, великий государь изволяет: то пребогатое и неоцененное сокровище, часть Животворящего древа устроить в особо приготовленном ковчеге и держать в соборной церкви, в особом устроенном для сего месте, со всякою осторожностью. А Ризу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, все отделенные части ея, также собрать и устроить в одном ковчеге, и держать вместе с частию Животворящего древа, и воздвизать однажды в год, в день спасительных Христовых страстей, т. е. в Великий пяток. – А на просвещение всегда православным христианам, приходящим в соборную церковь и в дома желающим, для исцеления различных болезней, – иметь прежний, нарочно для этого устроенный, ковчег с частию той божественной Ризы, и хранить его в прежнем устроенном месте, на западной стороне храма, в угле. В заключение царь предлагал: и утвердить ныне то соборным изложением, чтобы впредь того пребогатого сокровища на части отнюдь не разделять. (Предл. 6-е).

Собор, найдя, что «зело то его великого государя намерение благоприятно ко украшению святыне церкви и к крепости недвижимой того пребогатого и неоцененного сокровища», одобрил и утвердил его словами: «сие

утверждаем, быти тако, како писано в предложении царском». (Отв. на 6-е предл.).

Второе соборное постановление также касается хранения мощей – Иоанна Предтечи и прочих святых.

До царя Феодора Алексеевича дошло, что мощи, или, вернее, части мощей, крестителя Господня Иоанна и еще некоторых святых, имена которых не обозначены, находящиеся в церкви Благовещения, что у него великого государя на сенях, «полагаются (там) небрегомой бывают безо всякого призрения, о чем слышати странно». Поэтому он, великий государь, желал бы «те многоцелебные мощи, для лучшего устройства и почести и на просвещение людей», передать в монастыри, соборы и приходские церкви, «где тех святых Богу угодивших состроены церкви, во имя их каменным зданием». А которые мощи останутся, то их сохранять в особом месте «благочинным устройением, и затвердить его Государскою печатью, чтоб всегда было цело и нерушимо, а в день спасительных страстей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, те мощи вкупе с теми, которые отданы будут в соблюдение к церквам, приносить ко омовению в великую соборную церковь, по прежнему церковному чину». (Предл. 7-е).

Собор согласился и с этим предложением и утвердил его.

Заключение

Итак, как же выполнил Московский собор 1681–1682 гг. свое призвание? Достаточны-ли были его определения для цели, для которой они даны?

Призвание этого собора состояло в том, чтобы указать надлежащие меры к ограждению Церкви от ее противников и дать постановления относительно церковного благоустройства. И Московский собор действительно указал такие меры, – указал, по возможности, с подробностью, как ограничить распространение раскола, как содействовать улучшению нравов в черном и белом духовенстве, и как, вообще, упорядочить церковную жизнь.

Смотря на определения собора 1681–1682 г. глазами его современников, можно с уверенностью сказать, что меры, указанные этим собором, должны были вполне удовлетворить наших предков. Они подкупали их в свою пользу уже тем одним, что были не новы; были заимствованы, большею частью, из постановлений предшествовавших соборов, особенно же Большого Московского собора 1666–1667 гг. и Стоглава. Постановления этих последних соборов тоже, в свою очередь, не были самостоятельными, а были извлечены из древних церковных канонов, из правил св. апостолов, св. соборов, вселенских и поместных, и св. отцов. Предки наши были убеждены, что эти, а не другие меры и требовались для искоренения зла, у нас существовавшего; что только они и могли обновить русскую Церковь, освободив ее от тех недостатков и беспорядков, какие в ней существовали; что они одни могли обратить ее из худшего состояния в совершеннейшее. Между тем как если бы оторвать русскую Церковь от ее древних основ, дать ей узаконения, не заимствованные из древних канонов, значило бы не обновить или усовершенствовать ее, а изменить самое ее устройство, лишить ее характера Церкви Православной.

Впрочем, в числе постановлений Московского собора были и такие, которые прямо не были заимствованы из древних

канонов, — хотя и не противные им, а вызванные обстоятельствами русской Церкви и приспособленные к ним. Таковы определения: о постановлении священников в зарубежных городах, о клятве по чиновной печатной книге и постановления относительно хранения некоторых священных предметов.

В заключение считаем не лишним предупредить то возражение, которое нам могут сделать, будто Московский собор указал меры против зла чисто внешние, и потому бессильные. Действительно, собор указал или, точнее, допустил внешние меры, но только в крайнем случае, когда другие меры, не внешние, окажутся слабыми, недействительными. Предварительно же собор советует пользоваться прошениями, увещаниями и убеждениями. Других мер более духовных, чем эти последние, Церковь не имеет.

Равным образом нельзя ставить в вину Московскому собору 1681–1682 года и то обстоятельство, что зло мало уменьшалось от мер, указанных собором. Неблагоприятные обстоятельства времени сильно тормозили проведение в жизнь соборных определений.

Примечания

¹ - "Raison d'être" (фр. цель) – французское словосочетание, означающее смысл, смысл существования, разумное основание существования.

² - Его – «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», 1881, т. II, стр. 467.

³ - Они исчерпываются, главным образом, Актами историческими, т. V, № 75 и Собранием государственных грамот и договоров ч. IV, М. 128 и 131.

⁴ - В. Н. Берх называет его «знаменитым», «мудрым» и «счастливым» («Царствование Феодора Алексеевича и история 1-го стрелецкого бунта», 1834–1835, ч. 1, стр. V, 97). А. С. М. Соловьев относит его к эпохе преобразований.

⁵ - В. Н. Берх. «Царствование Феодора Алексеевича ...», предуведомление к 1 ч., VII.

⁶ - В. Н. Берх. «Царствование Феодора Алексеевича ...», ч. 1, стр. 113. А. И. Вейдемейер. «О России под державою дома Романовых до единодержавия Петра Великого», 1858, стр. 94–95. Н. А. Полевой, «Обозрение русской истории до единодержавия Петра Великого», 1846, 18. Новгородские летописи, изд. Археограф. Коммисиею, 1879, 477. Н. Г. Устрялов. «Русская история», 1855, ч. 1, 339. Е. Е. Замысловский. «Царствование Федора Алексеевича», магистерская диссертация. СПб., 1871, ч. 1, стр. 09 (слова академика Г.Ф. Миллера).

⁷ - Симеон Полоцкий, как можно видеть из его богословских сочинений, был довольно склонен к латинству.

⁸ - Митрополит Платон (П. Г. Левшин), «Краткая российская церковная история», в 2 т. 1829, т. II, стр. 224. В. Н. Берх. «Царствование Феодора Алексеевича ...», 1, 114.

⁹ - В. Н. Берх. «Царствование Феодора Алексеевича ...», 1, 114.

¹⁰ - А. И. Вейдемейер, ссылаясь на летописцев, замечает, что склонность царя ко всему духовному особенно

обнаружилась по смерти первой его супруги – Агафьи Семеновны Грушецкой. Царь «весьма часто певал сам на клиросе и исполнял должность регента. Находясь при погребении Никона, приказал для сего случая сшить всему духовенству новые ризы из богатых тканей, и, идя за гробом, «пел сам с своими клирики стихеру шестого гласа» («О России под державою дома Романовых до единодержавия Петра Великого». СПб., 1863, 108).

¹¹ - Она напечатана в «Древней Российской Вивлиофике», изд. 2-е, ч. VI, стр. 297 и дал. и в «Истории российской иерархии» в 6 ч., Москва, 1807–1815, епископа Амвросия. ч. 1, 1807, стр. 515 и след. Мы цитуем эту грамоту по истории Амвросия.

¹² - О. П. А. Смирнов, в соч. «Иоаким, патриарх Московский», М., тип. Л.Ф. Снегирева, 1881, почин в созвании Собора всецело относит к п. Иоакиму, на том основании, что Феодор Алексеевич легко подчинялся влиянию патриарха и что до Собора имел с ним предварительные совещания (стр. 43). Основания довольно шаткие. Правда, царь имел предварительные совещания с патриархом, как правда и то, что он легко подчинялся влиянию Иоакима. Но что же из этого? Подробности предварительных бесед царя с патриархом нам неизвестны. Может быть патриарх советовал царю собрать Собор, могло быть и наоборот. Последнее даже вернее. В официальном документе прямо сказано: «написанный свиток... нам (т. е. патриарху) принесется»... Далее, известно, что на Феодора Алексеевича имели влияние – и даже большее – Милославские, Языков, Лихачев. Однако это не дает нам права приписывать инициативу Собора кому-либо из них... Говоря это, мы, тем не менее, не хотим отрицать участия п. Иоакима в делах Собора 1681 г. Весьма естественно, что он, как представитель Церкви и человек деятельный, имел на Соборе большое значение.

¹³ - "Акты исторические". т. V. 1676–1700. СПб., 1842 г., № 75, стр. 108.

¹⁴ - Там же. Стр. 110.

¹⁵ - В следующих выражениях: »..... написанный свиток (в нем же разные подлоги суще, требующие соборного суждения) нам (п. Иоакиму) принесется"... ("Акты исторические» V, № 75, 108), или в другом месте о государе сказано, что он »..... советовав о Святем Духе со отцем своим и богомольцем с великим господином святейшим Иоакимом, патриархом Московским и всея Руси».. («Собрание государственных грамот и договоров», IV, № 128, стр. 391).

¹⁶ - Деяния Собора 1681–1682 гг. до нас вполне не дошли; сохранились лишь черновые бумаги, содержащие в себе соборные определения. Бумаги эти хранятся в Московском архиве Министерства Иностранных дел («Российские дела духовные», картон 8-й). Часть их напечатана,— в V томе «Актов исторических» (№ 75), СПб., 1867 г. и в IV части «Собрания государственных грамот и договоров» в 4 т. М., 1813–1826 (№№ 128 и 131),— с рукописной тетради, принадлежавшей Л. М. Строеву (см. указание на это в «Актах исторических», т. V, стр. 118). Нельзя не обратить внимание на то, что между напечатанными соборными актами и хранящимися в архиве М. И. Д. есть не мало разницы. Это можно объяснить разве только тем, что в архиве М. И. Д. сохраняются черновые бумаги, а тетрадь Строева или содержала в себе окончательные решения Собора, бумаги беловые, или была копией с них.

¹⁷ - "Акты исторические», т. V. 1676–1700. СПб., 1842 г., № 75, стр. 110, 1-й столбец.

¹⁸ - Стоглав, петербургское издание, 1863, стр. 20.

¹⁹ - "Собрание государственных грамот и договоров», в 4 т. М., 1813–1826., т. IV, № 130, стр. 107.

²⁰ - По крайней мере в бумагах Собора мы находим «определение, учиненное с общего согласия между Государем Царем Феодором Алексеевичем и патриархом Иоакимом о умножении епископских кафедр», помеченное 27-м числом ноября 1861 г. («Собрание государственных грамот и договоров" IV, № 128).

²¹ - В IV-й части »Собрания государственных грамот и договоров«, на стр. 410-й, помещен доклад, – всероссийскому

патриарху Иоакиму – о прибавке с соизволения государя царя Феодора Алексеевича в Сибирскую епархию и во многие другие города архиереев, – отмеченный 6-м февраля 1682 г. В докладе этом, между прочим, есть указание на то, что 2 сентября 190 (7190=1682) года «Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, изволил о святем Дусе отцу своему и богомольцу великому Господину святейшему Иоакиму, Патриарху Московскому и всея России, и всему собору возвестить о делах, которые требуют исправления"...

²² - Так как 27 числа этого месяца царь Феодор Алексеевич скончался. См. надпись на его гробнице, в Архангельском соборе: «Лета 7190 (1682) Апреля в 27 день, на память святого священномученика Симеона Сродника, Господня, в четверток вторые недели по Пасце, в 23 часу дня, во второй четверти, преставися Благоверный и Христолюбивый В. Г. Ц. и В. К. Феодор Алексеевич, всея В. и М. и Б. России Самодержец, и погребен на сем месте Апреля в 28 числе».

²³ - Многочисленные свидетельства иностранных писателей об этом предмете приведены в «Истории Русской церкви» митрополита Макария (М. П. Булгакова), т. I, СПб., 1868., стр. 251–252.

²⁴ - «Полное Собрание Русских Летописей» том VIII, 188.

²⁵ - «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка» А. Д. Галахова, Москва, в Университетской Типографии. 1848. т. 1, 38.

²⁶ - «Полное Собрание Русских Летописей» том I, 65.

²⁷ - Ими, говорили они, угодили Богу все святые и чудотворцы, просиявшие от начала земли. Подобную мысль высказал п. Никон на Соборе 1654 г., подняв вопрос о нужде исправления книг. (архиепископ Филарет (Д. Г. Гумилевский), архиепископ Черниговский и Нежинский «История Русской церкви» Периоды 1–5 М., Рига, 1847–1848., период 4-й, 1862, 151).

²⁸ - 3-я же Новгородская летопись вся состоит исключительно из этих известий («Полное Собрание Русских

Летописей" том III).

²⁹ - "Chronicon» Ditmari Episcopi Merseburgii, lib. VIII, с. 16. – «Хроника» в 8-ми книгах Титмара, епископа Мерзебургского (перевод на русский язык 2004–2005 гг.).

³⁰ - "Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки» под редакцию В. Яковлева Санкт-Петербург Издание Д. Е. Кожанчикова, 1867. стр 27.

³¹ - "Сказание современников о Димитрии Самозванце», изд. третье, исправленное. т. 1. 1859 г., стр. 269.

³² - П. В. Знаменский. «Руководство к русской церковной истории» 2-е изд., Казань, 1876., 152.

³³ - «.... приидоша трие певцы гречестии с ноты своими... и стало на Руси пение Демественное». («Степенная книга". 1, 224).

³⁴ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви». СПб., т. III, 1868, 227.

³⁵ - Александр Горский, Капитон Невоструев. «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки» Москва, 1862. – Только в половине XII в. возник было спор о посте в среду и пятницу, но окончился в пользу Церкви. (Игнатий, архиепископ Воронежский и Задонский. «История о расколах в Церкви Российской». Ч. 1, 1862, 29).

³⁶ - В 4-ой Новгородской летописи – под 1476 г. – отмечено: «.... некоторыи философовы начаша пети: «о Господи помилуй», а друзеи: «Господи помилуй».

³⁷ - См. об них напр., в «Истории Русской церкви» митрополита Макария, т. VIII, 1877, 73–79.

³⁸ - Это доказывает множество ошибок, допущенных в исправленных и изданных ими книгах. Все старые спорные мнения. – О двуперстии, об имени «Исус», о сугубой аллилуйи, о хождении «по солонь» и др. – были внесены в книги самые употребительные: учебную и следованную Псалтири, Служебник, Требник, малый Катихизис, Кириллову книгу и книгу «О вере».

³⁹ - Нужно заметить, что в России давно уже была подорвана репутация греческого православия. Сам Никон

говаривал своим знакомым, московским протопопам, что греки потеряли веру, чревам своим работают и постоянства в них не объявилось;

⁴⁰ - В том же году на созванном царем Соборе рассуждали о беспорядках чтения и пения церковного и было решено ввести тот же порядок, какой введен м. Никоном в Новгороде. Никон, как известно, запретил читать каноны и кафизмы в два и три голоса в одно и то же время, делать возгласы и произносит эктении во время пения клира, выписал из Киева певчих и завел у себя прекрасное хоровое пение по киевским и греческим напевам.

⁴¹ - митрополит Макарий (Булгаков). «История русского раскола, известного под именем старообрядчества». СПб., 1855, 152–153.

⁴² - Определение этого Собора – в «Истории русского раскола, известного под именем старообрядчества» – митрополита Макария (Булгакова), стр.157–158.

⁴³ - В одно царствование Алексея Михайловича были бунты; в Новгороде и Пскове (1650), Сольвычегодске и Устюге (1648), самой Москве (1648 и 1662 г.) и, наконец, бунт Стеньки Разина, охвативший в 60–70 гг. XVII ст., всю юго-восточную окраину государства. Нельзя думать, что причиной Разинского бунта был раскол, Разин, в числе разных средств для возмущения народа, употреблял столь ненавистное раскольникам имя Никона, выдавая себя за льстителя низложенного патриарха. А его сообщники, убивая астраханского архиепископа Иосифа, укоряли этого святителя, между прочим, и тем, что он «снял сан с патриарха Никона». С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. XI, 1880, 386).

⁴⁴ - Г. К. Котошихин. «О России в царствование Алексея Михайловича», 1859, стр. 97.

⁴⁵ - См., напр., «Дополнения к Актам историческим», III, № 65, "Собрание государственных грамот и договоров", III, № 113, Описание г. Шуи, с прил. старинных актов, 1851, № 35, »Акты исторические", IV, № 182.

⁴⁶ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен» в 6 кн. (т. 1–29), СПб. 1851–1879, т. XIII, 1878, 143–144.

⁴⁷ - Там же, 45.

⁴⁸ - Там же, 145.

⁴⁹ - «Древняя Российская Вивлиофика», ч. III, стр. 404.

⁵⁰ - Отзыв о Стоглавом Соборе – в Приб. к V т. «Дополнений к Актам историческим», стр. 487–488.

⁵¹ - Вот определение этого Собора о расколе: «Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святей Восточней Церкви и сему освященному Собору, или начнет прекословити и противлятися нам: и мы такового противника, данную нам властью от всесвятого и животворящего духа, аще будет от священного чина, извергаем и обнажаем его всякого священнодействия и благодати и проклятию предаем, аще же от мирского чина, отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и святого Духа и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от православного всесочленения и стада и от Церкви Божия отсекаем, яко гнил и непотребен уд, дбндеже вразумится и возвратится в правду покаянием. Аще-ли кто не вразумится и не возвратится в правду покаянием, и пребудет в упрямстве своем до окончания своего: да будет и по смерти отлучен и непростен, и часть его и душа его со Иудою предателем, и с распеншими Христа Жидовы, и со Арием и с прочими проклятыми еретики, железо, камение и дрeвеса да разрушатся и да растлятся, а той да будет не разрешен и не разрушен и яко тумпан, во веки веков аминь» («Дополнения к Актам историческим», V, 487).

⁵² - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. XIII, 1863, 154.

⁵³ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. XI, 1880, 340.

⁵⁴ - протоиерей Андрей Иоаннов. «Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых, старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях» в 4 ч. 5-е изд. СПб., 1855, ч. 1, стр. 72.

⁵⁵ - «Дополнения к Актам историческим», V, стр.448. – Об них говорили: «светлее солнца письма Аввакума и вси добри».

⁵⁶ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. XIII 1878, 269.

⁵⁷ - А. П. Щапов. «Русский раскол старообрядства». Казань 1859, стр. 272–273.

⁵⁸ - «Дополнения к Актам историческим», V, 472, 486–487.

⁵⁹ - Уложение в «Полном собрании законов Российской Империи», 1, стр. 3.

⁶⁰ - «Странник», 1864, книж. III, 61.

⁶¹ - «Акты исторические», V, №№ 193, 100, 127. «Акты Археографической экспедиции» т. 1–4, СПб. 1836.IV, № 284.

⁶² - «Древняя Российская Вивлиофика», XVIII, стр. 126. – Настол. грам. еп. Нижегород. Павлу (от 1686 г.); «Акты исторические», V, № 105.

⁶³ - Напр., «Акты исторические», V, № 166.

⁶⁴ - епископ Амвросий. «История российской иерархии» в 6 ч., Москва, 1807–1815, ч. 1, 1807, стр. 33.

⁶⁵ - «Временник» Императорского Московского Общества истории и древностей Российских, книга XX, стр. 6–7.

⁶⁶ - И. М. Снегирев. «Памятники московской древности». Москва, в типографии Августа Семена, 1842–1845, стр. 197–198.

⁶⁷ - А. П. Щапов. «Русский раскол старообрядства». Казань 1859, стр. 355.

⁶⁸ - Там-же, 356, примеч. 2-е.

⁶⁹ - «Акты Археографической экспедиции» т. 1–4, СПб. 1836., III, стр. 171.

⁷⁰ - «Древние грамоты и акты рязанского края», собранные А. Н. Пискаревым. СПб., 1854, стр. 105.

⁷¹ - «Древняя Российская Вивлиофика». III, стр. 404.

⁷² - епископ Амвросий. «История российской иерархии» в 6 ч., Москва, 1807–1815, т. I, стр. 185–186.

⁷³ - Там же. Стр. 104–106.

⁷⁴ - «Древняя Российская Вивлиофика», XVIII, стр. 111–113.

⁷⁵ - Здесь пропагандировали: известный чернец Капитон, по имени которого все наши раскольники долго называемы были «Капитонами»; игумен Сергей Салтыков, о ревности которого так отзывался историограф раскола Денисов: «Сиглитик царя Алексея Салтыков столько был смел, что даже в присутствия самого царя торжественно защищал двуперстный крест»; монахи Арсений, Ефрем Потемкин, Авраамий и мн. др.

⁷⁶ - Из проповедников раскола здесь замечательны: Коломенский епископ Павел, старец Варлаам, монах Феокист и др.

⁷⁷ - Здесь распространяли учение старообрядства: Аввакум, проездом в ссылку, лже-чернец Иосиф Истомин, поп Домитиан, словом, говорит преосв. Игнатий Тобольский, «не бысть места (в Сибири), идеже бы армено-подражатель не вселился, и уже и жены скверные учаху, и девы видением, такожде и скверные блудодеицы».

⁷⁸ - См., напр., у Макария – «История Русской церкви», XI, 1889, 218 – грам. ц. Михаила Феодоровича, от мая 1627 г.; «Акты Археографической экспедиции», III, № 264, в «памяти» п. Иоасафа тиуну Манойлову и поповскому старосте попу Панкратию (1636). – Много подобных запрещений и обличений находится в грамотах ц. Алексея Михайловича к воеводам в украинские, замосковские и сибирские города, см., напр., «Акты исторические». III, V; «Акты Археографической экспедиции». III и др.

⁷⁹ - «Москвитянин» 1843 г. № 1, стр. 237–239.

⁸⁰ - Эту отличительную черту характера наших иноков заметил еще барон Герберштейн, его-Зап. о Московии, перев. И. Анонимова, 1866, стр. 68. Из миссионеров рассматриваемого нами периода особенно замечательны м. Тобольский Киприан, о плодотворной деятельности которого см. 2 Новгор. Летоп., изд. Археогр. Ком., 1879, стр. 152, и архиеп. Рязанский Мисаил; последний даже запечатлел свою проповедь мученической кончиною.

⁸¹ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. XIII, 293.

⁸² - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви». XII, 1883, 299.

⁸³ - «Дополнения к Актам историческим», V, стр. 491–493.

⁸⁴ - архиепископ Филарет. «История Русской церкви». Период 4-й (1589–1720), 1862, стр. 17. – примеч.

⁸⁵ - Томска.

⁸⁶ - «Акты исторические», V, № 76, 110.

⁸⁷ - В Тобольске в 1677 г. сгорели: собор со всею утварью, 7 приходских церквей и в Знаменском монастыре 3 церкви: («Журнал Министерства Народного Просвещения». 1854, отд. V, 34).

⁸⁸ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. XIII, 287.

⁸⁹ - Там-же, 288.

⁹⁰ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. XIII, 288–289.

⁹¹ - «Акты исторические», V, № 75, 110.

⁹² - «Собрание государственных грамот и договоров», IV, № 128.

⁹³ - Содержание ему «Государь пожалует из своей казны» («Акты исторические». V, № 75).

⁹⁴ - На удовольствие ему государь пожалует Воскресенский Карачевский монастырь с крестьянами и угодьями. («Акты исторические», V, № 75).

⁹⁵ - Сюда был назначен епископом св. Митрофан. («Справочный энциклопедический словарь», А. В. Старчевского, т. VIII, 1854; стр. 246; Н. И. Костомаров. «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», 1881, т. II, 468, примеч. второе).

⁹⁶ - епископ Амвросий. «История российской иерархии» в 6 ч., Москва, 1807–1815, т. I, стр. 34.

⁹⁷ - "Полное Собрание Русских Летописей» том 1V, стр. 176.

⁹⁸ - Н. М. Карамзин. «История государства Российского». Издание И. Эйнерлинга в 3 кн. СПб., 1842–1843, кн. 2, т. VIII, стр. 178.

⁹⁹ - "Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными" в 10 т., СПб., 1851–1871, т. I, стр. 1347.

¹⁰⁰ - Это не тот-ли храм во имя Вмч. Георгия, который построил Ярослав при основании города (Ср. »Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными«, т. I, стр. 1347)?

¹⁰¹ - "Древняя Российская Вивлиофика", VI, 29.

¹⁰² - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VIII, 1877, 379; С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. V, 1872, 160, 162.

¹⁰³ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VIII, 381.

¹⁰⁴ - Дерпт в это время был исключительно населен русскими (митрополит Евгений (Болховитинов). «История княжества Псковского» в 4 ч. Киев, 1831, ч. 1-я, 244).

¹⁰⁵ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VI, 1870, 353.

¹⁰⁶ - А Новгородское государство, как говорили русские при Столбовском договоре, «было за российские государи во времена Рюрика, и ни за кем, оприч российских царей, не бывало». (Н. П. Лыжин. «Столбовский договор и переговоры ему предшествовавшие» СПб., 1857, стр. 48).

¹⁰⁷ - Из таких опекальников, получивших от новгородцев в отчину Орешек, Копорье и Корелу, известны князья: Наримунд, Глеб Гедиминович (ок. 1333 г.) и Семен-Лугвений Олгердович (ок. 1400 г.).

¹⁰⁸ - Особенно цари – Иоанн IV и Борис Годунов, в своих войнах и сношениях с Швецией, отстаивали владение древле-новгородскою частью берегов финского залива.

¹⁰⁹ - "Писцовые книги Ижорской земли" (1618–1623), т. 1, стр. V; С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», IX, 1875, 104.

¹¹⁰ - Но были-ли в этих городах православные домовые церкви, и где, – при не разработке древнего шведского архива, утвердительно сказать нельзя, и, по всей вероятности, не были.

¹¹¹ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», IX, 104–105. – Вероятно разумеется церковь во имя св. Николая, время построения которой с достоверностью определить невозможно. Можно только предположить, что основание ее относится к тому времени, когда Колывань-Ревель вступила в ганзейский союз, а это по всему вероятно – было в половине XIII-го ст. (И. А. Чистович. «История православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санктпетербургской епархии» СПб., тип. Я. Трея, 1856 г. 136, – примеч. 28-е). По условиям Ганзы, наблюдалось равенство прав между обеими торгующими сторонами; посему русские купцы еще построили православную церковь в Визби на о. Готланде. (Н. М. Карамзин. «История государства Российского», III, 125; А. Х. Лерберг «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб., 1819, 219, – примеч. 2-е). А немцы беспрепятственно строили свои церкви в Новгороде, Ладоге Смоленске и Полоцке («Полное Собрание Русских Летописей» том III; Н. М. Карамзин. «История государства Российского». III, 125–126; «Собрание государственных грамот и договоров», II). Очень естественно думать, что православные церкви были и в других городах, где проживали новгородцы по торговым делам. В одной старинной книге Волоколамского монастыря есть рассказ следующего содержания: когда новгородцы жили в своей свободе и со всеми землями в мире и согласии, немцы прислали к ним послов от 70-ти городов. Послы били челом архиепископу и всему великому Новгороду, говоря: «любезные соседи наши! Отведите нам место в городе, чтобы поставить церковь по нашей вере и обычаю». Новгородцы отказали им, говоря: «у нас стоят Церкви православные: ино кое общение свету ко тьме»! Посадником был в это время какой-то Добрыня. Немцы подкупили его и посадник научил их сказать купеческим старостам в Новгороде: «если нашей церкви св. Апостолов Петра и Павла не быть в Новгороде, так и вашим церквам не быть по нашим городам». Слыша это, старосты упростили архиепископа и весь Новгород, чтобы они позволили немцам построить себе ропату. Рассказ этот, очевидно, указывает на то время, когда торговля ганзейская уже была довольно обширна,

по крайней мере, на начало XIII ст. (Н. М. Карамзин. «История государства Российского». III, примеч. 244; А. Х. Лерберг «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории», СПб., 1819, 221). Хотя в нем есть хронологические несообразности, но они не препятствуют нам принять из него ту мысль, что в это время по немецким городам, принадлежавшим к ганзейскому союзу, уже были православные церкви. Весьма вероятно, что одною из них была православная церковь в Колывани. А что в XIII и XIV столетиях новгородские купцы приезжали в Ревель и проживали там довольно долго, это подтверждается многими свидетельствами древности.

¹¹² - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», IX, 159.

¹¹³ - "Писцовые книги Ижорской земли". ч. 1, стр. 28, 30, 43, 81, 89, 104, 118; ч. 2, стр. 160, 177.

¹¹⁴ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», IX, 158–159.

¹¹⁵ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XI, 21–22. – Сам митрополит устранен был от этих сношений, потому что «он человек духовный и чину великого и ему с иноземцы ссылаться не пригоже» («Акты Археографической экспедиции». III, № 111).

¹¹⁶ - В ст. «Петербургский край до Петра Великого», в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1855 г., № 1, отд. II.

¹¹⁷ - И. А. Чистович. «История православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санктпетербургской епархии» СПб., тип. Я. Трея, 1856 г. стр. 71.

¹¹⁸ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», IX, 159–160.

¹¹⁹ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VI, 1870, 350.

¹²⁰ - Особенно много терпели православные от униатского архиепископа Иосафата Кунцевича († 1629).

¹²¹ - "Вестник юго-западной и западной России", Киев. 1862, кн. V, отд. I, стр. 63.

¹²² - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XI, 534–535.

¹²³ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XII, 91.

¹²⁴ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XII, 92–93.

¹²⁵ - Н. М. Карамзин. «История государства Российского», т. IX, 177.

¹²⁶ - Но м. Иов Борецкий, для тайного противодействия униатам и для подавания православным необходимой духовной помощи, переименовал перемышльского епископа Исаию Копинского в архиепископа смоленского. И он, проживая обыкновенно в своих заднепровских монастырях, удобно мог ставить священников и совершать другие святительские действия для православных, живших от него неподалеку, в северском и смоленском крае (митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XI, 560–561).

¹²⁷ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XI, 560–561.

¹²⁸ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XII, 90.

¹²⁹ - «Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете» 1846 г., № 2, 66.

¹³⁰ - протоиерей Андрей Иоаннов. «Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях» в 4 ч. 1794, ч. 3, 109.

¹³¹ - Из «Истории о бегствующем священстве» Ивана Алексеева († 1755) в «Летописи русской литературы и древности» т. IV, М. 1862. Смесь, стр. 53–69.

¹³² - протоиерей Андрей Иоаннов. «Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях», в 4 ч. 1794, ч. 1, 28–33; митрополит Макарий (Булгаков). «История русского раскола, известного под именем старообрядчества», СПб., 1855, 293–294.

¹³³ - митрополит Макарий (Булгаков). «История русского раскола, известного под именем старообрядчества», СПб., 1855, 265.

¹³⁴ - «Акты исторические», V, № 127.

¹³⁵ - Иван Филиппов, «История Выговской старообрядческой пустыни», СПб., 1862 г., 340–341.

¹³⁶ - А. И. Ригельман. «История или повествование о Донских козаках, отколе и когда они начало свое имеют... и пр.», М., 1846, 139.

¹³⁷ - архиепископ Филарет (Гумилевский) «История Русской церкви» Период 4-й (1589–1720), 1862, 184.

¹³⁸ - И. А. Чистович. «История православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санктпетербургской епархии» СПб., тип. Я. Трея, 1856 г. 142–143.

¹³⁹ - Balthasar Russow. «Chronica der Prouintz Lyfflandt», Seite (страница) 107. (Бальтазар Руссов. «Хроники провинции Ливонии» 1-е изд. Росток. 1578. 2-е изд. Барт. 1584.).

¹⁴⁰ - "Сказания князя Курбского». в 2 т. под редакцией Н. Г. Устрялова. СПб., 2-е изд. 1842, 56–57.

¹⁴¹ - "Акты исторические", II, № 258.

¹⁴² - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», IX, 221.

¹⁴³ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», IX, 159.

¹⁴⁴ - "Акты исторические», V, №№ 187 и 188.

¹⁴⁵ - "Писцовые книги Ижорской земли», I, Предисловие.

¹⁴⁶ - "Акты исторические", V, № 142.

¹⁴⁷ - "Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии» в 10 вып. СПб., 1869–1885, стр. 35.

¹⁴⁸ - архиепископ Филарет (Гумилевский). «История Русской церкви». Период 4-й (1589–1720), 83.

¹⁴⁹ - Так, преп. Дионисий Глушицкий, переходя с места на место, основал шесть монастырей, Авраамий Галичский построил четыре монастыря, Макарий Унженский – три, Павел Обнорский – два и т. д. В этом случае сказалось общественное,

колониционное, значение монастырей. Монашество расширялось и строило свои новые обители преимущественно в лесах севера, где в это время господствующим явлением была колонизация новых земель. Придет инок в дикую пустыню, где в непроходимых лесных чащах никто еще не смел селиться, выкопает землянку или поселится в дупле старого дерева, «яко вран на нырищи – по сравнению житий или птица особающаяся на zde», и мало-по-малу его жилище делается зародышем большой монастырской колонии. Он первый победит девственную природу своим трудом, победит пустынные страхи своею святою молитвою, и пустыня после этого привлечет к себе густое народонаселение, станет градом обительным (П. В. Знаменский. «Руководство к русской церковной истории» 2-е изд., Казань, 1876, 92). Около монастырей колонизовались таким образом целые волости и даже города. Устюг-Великий возник около Троицкого-Гledenского монастыря, Кашин – около Колязинского, Ветлуга – подле Варнавинского и т. д. Весьма много привлекала населения на монастырские земли благотворительная деятельность монастырей. Монастыри снабжали крестьян всем необходимым, а в голодные годы кормили из своих житниц целые сотни обнищавшего люда.

¹⁵⁰ - Н. И. Костомаров. «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», 1880, I, стр. 199–200.

¹⁵¹ - Первый завел в своей обители общежитие преп. Сергей – по совету п. Филофея и с благословения м. Алексея. («Русская Летопись по Никонову списку» ч. 4 (до 1407 года), СПб., 1788, стр. 73; архиепископ Филарет (Гумилевский). «История Русской церкви». Период 2-й (1237–1410), 121).

¹⁵² - Устав Нилов напеч. у Амвросия в «Истории российской иерархии», V, 215–336 и в соч. «Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России и устав его о жительстве скитском» СПб., 1864.

¹⁵³ - Устав или – как он еще называется – «Духовная грамата» Преп. Иосифа напеч. в Вел. Мин.-Чет. Макария, под 9 сентября («Великие Минеи Чети» составленные Всероссийским митрополитом Макарием в 1530–1541 г. т. 1. Сентябрь, дни 1–13. – СПб., 1868).

- ¹⁵⁴ - «Акты исторические», I, № 257.
- ¹⁵⁵ - Из сбор. Императорской Публичной Библиотеки. I, № 82; П. В. Знаменский. «Руководство к русской церковной истории» 2-е изд., Казань, 1876, стр. 89.
- ¹⁵⁶ - Преподобный Иосиф Волоколамский (Волоцкий). «Отвещание любозазорным и сказание о святых отцах, бывших в монастырях иже в Рустей земли сущих», в «Чтениях в императорском обществе истории и древностей Российских», 1847, № 7, отд. IV Смесь, стр. 1–16.
- ¹⁵⁷ - Нарушение старого устава обыкновенно бывало тогда, когда в монастыре являлся игумен из чужого монастыря. Поэтому с течением времени на игуменские вакансии монастыри стали избирать своих же иноков.
- ¹⁵⁸ - "Акты исторические", I, 50, 54.
- ¹⁵⁹ - "Дополнения к Актам историческим", I, 319.
- ¹⁶⁰ - "Сказания князя Курбского». в 2 т. под редакцией Н. Г. Устрялова. СПб., 2-е изд. 1842, стр. 132.
- ¹⁶¹ - "Акты Археографической экспедиции« т. I, № 157, 161.
- ¹⁶² - "Акты исторические", I, 479.
- ¹⁶³ - Там же.
- ¹⁶⁴ - "Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России и устав его о жительстве скитском» СПб., 1864, 196.
- ¹⁶⁵ - "Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете». 1859, отд. III; П. В. Знаменский. «Руководство к русской церковной истории» 2-е изд., Казань, 1876, стр. 164.
- ¹⁶⁶ - «Сочинения преподобного Максима Грека», в 3 т., изданные при Казанской духовной Академии. Казань. В тип. Губ. правления, 1859–1860. ч. 2.; стр. 89–115..
- ¹⁶⁷ - "Древняя Российская Вивлиофика«, V, стр. 214, 24; «Судебник» В. Н. Татищева, стр. 228.
- ¹⁶⁸ - "Сказания князя Курбского». в 2 т. под редакцией Н. Г. Устрялова. СПб., 2-е изд. 1842, ч. I, стр. 164.

169 - "Акты исторические". I, № 204; А. Д. Галахов. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка», М., 1848., I, 298.

170 - барон Сигизмунд фон Герберштейн «Записки о Московии» рус. пер., СПб. 1795–1796, стр. 47; Alexandri Guagnini. «Moscoviae descriptio», у А. В. Старчевского (Adalbertus de Starczewski). «Historiae Rathenicae Scriptores exteri saeculi XVI», 1842, vol. I, p. 18; Joannis Cobencelii «De legatione ad Moscovitas epistola», ibid. vol. II, p. 15, etc.

171 - "Акты Археографической экспедиции" т. I, 462.

172 - Собор этот, будучи созван для разрешения вопросов: «каких лет должны быть поставляемые на иерархические степени и следует-ли брать за поставление какие-либо пошрины», сделал также несколько постановлений дисциплинарного характера.

173 - "Акты Археографической экспедиции" т. I, № 383.

174 - "Полное Собрание Русских Летописей" том VI, 285.

175 - "Стоглав«. Издание Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, Гл. 5, вопр. 20.

176 - Там же, вопр. 14.

177 - Там же, вопр. 37.

178 - "Стоглав«. Издание Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, Гл. 5, вопр. 10.

179 - Там же.

180 - Гл. 85.

181 - Гл. 71.

182 - Гл. 49.

183 - Гл. 74.

184 - Гл. 50.

185 - Гл. 5, вопр. 37.

186 - Гл. 5, вопр. 9.

187 - Гл. 5, вопр. 18.

188 - На этот недостаток обратил внимание еще преп. Иосиф Волоколамский – при посещении общежительных монастырей.

Он же восставал против отлучки иноков из монастырей, посещения монашествующих женщинами.

¹⁸⁹ - Гл. 49.

¹⁹⁰ - Гл. 5, вопр. 8.

¹⁹¹ - Гл. 49, 52.

¹⁹² - Там же. – Исключение сделано для одного Троицко-Сергиева монастыря, где гости бывают беспрестанно день и ночь (Гл. 52).

¹⁹³ - Гл. 50, прилож. № 36.

¹⁹⁴ - Гл. 62.

¹⁹⁵ - Гл. 5, вопр. 9.

¹⁹⁶ - Гл. 5, вопр. 16.

¹⁹⁷ - Гл. 5, вопр. 17.

¹⁹⁸ - Гл. 49, прилож.: №№ 34 и 35.

¹⁹⁹ - Гл. 49.

²⁰⁰ - Гл. 41, вопр. 31.

²⁰¹ - Гл. 75.

²⁰² - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», VII, 1879, 92.

²⁰³ - К. А. Неволин «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты», в «Записках Императорского Русского Географического Общества» кн. VIII. 1853, прил. VII, стр. 134–135 и дал.

²⁰⁴ - Там же. 163. 171.

²⁰⁵ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VIII, 1874, 108.

²⁰⁶ - "Акты исторические". I, № 204.

²⁰⁷ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. VII, 1879, 98–99.

²⁰⁸ - Такие монастыри впоследствии целыми десятками приписывали к большим монастырям и архиерейским домам.

²⁰⁹ - "Акты Археографической экспедиции", III, № 9.

²¹⁰ - "Дополнения к Актам историческим", II, № 64.

²¹¹ - С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. XIII, 146.

²¹² - «Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах» Авраамия Палицына, 1-е изд., М, 1784, стр. 125, 167. (2-е изд., М. 1822, стр. 143).

²¹³ - "Акты Археографической экспедиции", III, № 202; IV № 322.

²¹⁴ - Н. В. Калачов «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России». Книга IV. СПб., 1862, отд. XII, стр. 40.

²¹⁵ - "Акты Археографической экспедиции", IV, № 118.

²¹⁶ - "Акты Археографической экспедиции", IV, № 328.

²¹⁷ - "Акты Археографической экспедиции", III, № 285; IV, стр. 490; № 116.

²¹⁸ - "Дополнения к Актам историческим", V, стр. 466-я.

²¹⁹ - "Акты Археографической экспедиции", IV, № 313-й.

²²⁰ - "Акты исторические", IV, № 178.

²²¹ - "Дополнения к Актам историческим", V, № 102, стр. 490.

²²² - Там же. Стр. 446.

²²³ - Там же. Стр. 489.

²²⁴ - Там же. Стр. 489.

²²⁵ - Там же. Стр. 489.

²²⁶ - "Акты исторические", IV, № 178

²²⁷ - "Акты Археографической экспедиции", IV, № 165.

²²⁸ - Там же, № 188.

²²⁹ - Ныне приходская церковь в Сергиевом посаде.

²³⁰ - Так как женские монастыри большею частию безвотчинные и черницам кормиться было нечем.

²³¹ - "Акты исторические", V, №№ 101, 183, 186; «Акты Археографической экспедиции", IV, № 311.

²³² - епископ Амвросий. «История российской иерархии» в 6 ч., Москва, 1807–1815, т. IV, стр. 163, 547, 571, 602.

²³³ - "Полное собрание законов Российской Империи", I, гл. XVII.

²³⁴ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XI, 200.

²³⁵ - "Стоглав«, гл. 5, вопр. 31.

²³⁶ - "Акты исторические", IV, № 47.

²³⁷ - "Стоглав«, гл. 5, вопр. 31..

²³⁸ - Замечательно, что царские предложения собору 1681–1682 гг., в актах, хранящихся в Московском Архиве М. И. Д., называются «статьями», и число их не равно числу «предложений», напечатанных в V т. «Акт^{ов} исторических»: статей только 6, тогда как предложений 16. 1-я статья соответствует 2-му предложению; 2-я – 3-му, только нет последних слов: «также бы и хмельного пития в монастырех отнюдь не держать». Предложение о хмельном питии составляет содержание 3-й статьи и читается так: «В монастырех же для совершенного воздержания и крепкого монашеского жития возбранено святыми отцы, чтобы отнюдь пития хмельного не имели, а ныне то пренебрежено и чинится от того многая душевная пагуба». 4-я статья есть предложение 4-е, но с дополнением против печатного, и это дополнение, приклеенное особо, как видно, относится к другому предложению, потому что в нем говорится о жалованных грамотах монастырям. 6-я же статья не соответствует ни одному из напечатанных предложений.

²³⁹ - Росс. дела духовные в московском главном архиве М. И. Д., картон 8-й.

²⁴⁰ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VIII, 1877, 260 – Исполнительную власть в монастырских вотчинах представляли: приказчики, посельские тиуны, недельщики, доivotчики и др., нередко избиравшиеся из числа иноков, на что указывают названия: «старец–посельский», «старец–приказчик» («Акты Археографической экспедиции», I, №№. 255, 221 и 2 р.) Хотя Стоглав запретил избирать в посельские монашествующих, но очень может быть, что

постановление это, как и прочие определения Стоглава, не исполнялось.

²⁴¹ - Еще с самого основания Монастырского Приказа его чиновники, а также отправляемые от него в церковные вотчины пристава и судьи, пользуясь неопределенностью законов, далеко простирали свои распоряжения и суд в церковных делах. Они «влачили» духовных лиц по своим судилищам, они присвоили себе право выбирать священников и дьячков в монастырские села, распоряжались произвольно, прикрываясь именем государя, определением и отрешением от места настоятелей монастырей и других членов монастырского состава – келарей, казначеев и т. п. Они дозволяли себе перевершать решения епархиальных властей и делали духовным разные придижки (Свящ. М. Горчаков. «Монастырский Приказ (1649–1725)», 1868, стр. 89). Патриарх Никон так описывает действия вотчинных бояр: «без нашего архиерейского благословения от св. Церкви и монастырей (они)ivotы и поместья отъемлют, и без архиерейского сбрания (избрания) епископы и архимандриты по их воле поставляются и по рассмотрению их посылаются... И которых самих от св. Духа – врученную нам властью вяжем, тех увольняют, и ни во что нашу связь и проклятие почитают»... (Там же, стр. 91–92). Такой отзыв Никона, тем более заслуживает доверия, что собор 1667 г., – осудив Никона не только не поставил ему в вину его резкие суждения о деятельности Монастырского Приказа, но установил правила подсудности духовенства, диаметрально противоположные существовавшим доселе.

²⁴² - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VI, 1870. 55 и 121.

²⁴³ - Там же; Н. И. Костомаров. «Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки)» в 2 т. издание Д. Е. Кожанчикова. Санкт-Петербург, В типографии Товарищества «Общественная Польза». 1863 год, т. II, стр. 297.

²⁴⁴ - «Забыв страх Божий, – сказано в соборном приговоре, – многие из них держали наложниц, именуемых

полупопадьями» (Н. М. Карамзин. «История государства Российского», т. VI, 224).

²⁴⁵ - Считаю нелишним заметить, что хотя собор 1503 г. запретил вдовым священникам, занимать места на приходах и вообще священнодействовать вне монастырей, а Стоглав, в 1551 г., подтвердил это определение, но у нас, в период до Стоглава и долго после него, существовал обычай, по которому при церквях приходских, вместо белых священников, состояли иеромонахи или игумены и носили название «черных попов» («Акты Археографической экспедиции», I, №№ 71, 85 и др. «Дополнения к Актам историческим», II, № 220 и др.).

²⁴⁶ - "Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете", VI, отд. IV.

²⁴⁷ - Послание это напечатано при «Стоглаве», по петербургскому изданию оно составляет 79-ю главу.

²⁴⁸ - «Стоглав», гл. 5, вопр. 19.

²⁴⁹ - «Стоглав», гл. 77–81.

²⁵⁰ - «Стоглав», гл. 69.

²⁵¹ - "Акты исторические", V, № 156. – Уже на нашей памяти, в Москве, под стенами Андроньевского монастыря, ежегодно 15 и 16 августа, в дни храмовых праздников устраивались палатки и ставились лари с разного рода товарами и «со всякими ядомыми харчи» и шум торжища нарушал монастырскую тишину. Подобное совершалось и у приходских, по преимуществу, обширных церквей, например у Илии пророка, что на Воронцовом поле, 20 июля и др. Не знаю, делается ли это теперь.

²⁵² - "Архив исторических и практических сведений, относящихся до России" Н. В. Калачева, кн. 4. 1859, III. Н. И. Костомаров «Сын. Рассказ из времен XVII века», стр. 35; – Злосчастье своей жизни так описывали русские люди: они были убеждены, что за грехи «Господь Бог на них прогневался: Положил их в напасти великия, Попустил на них скорби великия И срамные позоры не мерные, Безживотие злое, сопостатные находы, Злую непомерную наготу и босоту И

безконечную нищету, И недостатки последние». «Повесть о горе и злосчасти и как горе-злосчастье довело молодца в иноческий чин» – «Русская историческая хрестоматия 862–1850» сост. К. Петров. СПб., 1866, стр. 185. Повесть эта была отыскана в 1856 г. академиком А. Н. Пыпиным, в одном из сборников XVII века, принадлежащем Имп. публ. библиотеке.

²⁵³ - "Полное Собрание Русских Летописей" том I, 54.

²⁵⁴ - Я привел эту цитату по кн. «Историческая хрестоматия, для изучения истории русской церковной проповеди...» Сост. Свящ. М. А. Поторжинский. Киев. Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1879, стр. 25 и 28.

²⁵⁵ - "Полное Собрание Русских Летописей" том II, 221.

²⁵⁶ - Духовная Владимира Мономаха в «Исторической хрестоматии церковно-славянского и русского языка» А. Д. Галахова, I, 37.

²⁵⁷ - П. С. Р. Л. ("Полное Собрание Русских Летописей"), II, 221.

²⁵⁸ - Там же.

²⁵⁹ - Там же.

²⁶⁰ - Там же.

²⁶¹ - П. С. Р. Л. ("Полное Собрание Русских Летописей"), II, 221, 390.

²⁶² - "Москвитянин", 1850 г., 5.

²⁶³ - Г. К. Котошихин. «О России в царствование Алексея Михайловича», 1859. 13.

²⁶⁴ - И. Е. Забелин. «Троицкие походы русских царей», Изд. Общества истории и древностей российских. Москва. В унив. тип., 1847, стр. 5.

²⁶⁵ - "Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки», стр. 25.

²⁶⁶ - И. Г. Прыжов. «Нищие на Святой Руси». Москва. В типографий М. И. Смирновой, на Никольской ул., дом № 10. 1862, стр. 79.

²⁶⁷ - В. Н. Берх. «Царствование Феодора Алексеевича ...», ч. I, стр. 9.

²⁶⁸ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. II, 1868, 70, примеч. III-е.

²⁶⁹ - Там же, 306.

²⁷⁰ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VI, 128.

²⁷¹ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VII, 1874, 63.

²⁷² - "Акты исторические", I, стр. 248.

²⁷³ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. VIII, 299.

²⁷⁴ - А. Д. Галахов. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка», М., 1848., I, 301.

²⁷⁵ - Сборник "Литературный вечер". М., В типографии С. Селивановского 1844, стр. 26.

²⁷⁶ - По замечанию Снегирева (Сборник "Литературный вечер", стр. 25), содержащихся при Успенском соборе нищих было 12-ть, вероятно, по числу 12-ти апостолов. Кроме Успенского собора нищие жили и при других соборах, как это можно видеть из их именовании: «архангельскими», «васильевскими» (Покровский соб. – Василия Блаженного), «чудовскими» и т. д.

²⁷⁷ - "Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете", 1848 г., № 7; И. М. Снегирев. «Памятники московской древности». Москва, в типографии Августа Семена, 1842–1845, 200.

²⁷⁸ - митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XI, 182.

²⁷⁹ - "Труды Киевской Духовной Академии", 1860, т. II, 150.

²⁸⁰ - Описываемое событие относится, надо полагать, ко времени страшного голода, постигшего наше отечество в 1601–1602 гг. Об этом голоде см. у Карамзина, т. XI, 66.

²⁸¹ - Оно помещено в »Древней Российской Вивлиофике", XVIII, 415.

²⁸² - Вообще это был замечательный филантроп своего времени. Во время неурожая в Вологде Ртищев, не имея денег,

продал свои богатые одежды и серебряные сосуды, и вырученную сумму употребил на вспоможение потерпевших голод; а бедным жителям города Арзамаса уступил безденежно свою землю. Сопровождая в Литву царя Алексея Михайловича, он подавал помощь и отраду всем нищим, всем немощным и страждущим, своим и иноплеменным.

²⁸³ - Н. И. Костомаров. «Очерк домашней жизни и нравов велико-русского народа в XVI и XVII столетиях», 1860, 117–209.

²⁸⁴ - См. у архиепископа Филарета (Гумилевского) – «Обзор русской духовной литературы, 862–1720», СПб., 1857.

²⁸⁵ - Лучшее из этих обличений, проникнутое творчеством русского ума и глубоким негодованием – «поучение св. отец к ленивым и нехотящим делать». Оно помещено было в «Пчеле», перепечатано в «Православном Собеседнике» 1861 г., III. Из проповедей позднейшего времени укажу на замечательное слово «о милостыни» – Епифания Славенецкого, содержание которого можно читать в «Русской истории», Н. И. Костомарова, т. II, стр. 393–395.

²⁸⁶ - "Стоглав«. Гл. 5, вопр. 13.

²⁸⁷ - "Стоглав". Гл. 73.

²⁸⁸ - "Временник» Императорского Московского Общества истории и древностей Российских, XXIV, стр. 109, ст. С. Шпилевского «О благоустройстве по Уложению».

²⁸⁹ - "Акты Археографической экспедиции", IV, № 228.

²⁹⁰ - Там же.

²⁹¹ - И. М. Снегирев. «Памятники московской древности». Москва, в типографии Августа Семена, 1842–1845, 200.

²⁹² - "Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1848 г., № 7, стр. 130.

²⁹³ - "Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1860, кн. II. Смесь. Ст.: «Поимянная опись кто чем промышляет в Моск. слобод. (1677 г.)».

²⁹⁴ - "Дополнения к Актам историческим«, V, № 102, стр. 465.

²⁹⁵ - В. Н. Берх. «Царствование Феодора Алексеевича ...», II, 88–89.

²⁹⁶ - архиепископ Филарет (Гумилевский). «История Русской церкви». Период 4-й, 203.

²⁹⁷ - Тем не менее нельзя пройти молчанием замечательного проекта, составленного царем Феодором Алексеевичем в том же 1682 г. Предположено было построить две шпитальни или богадельни, – одну в Знаменском монастыре, что в Китае-городе, а другую на Гранатном дворе, что за Никитскими воротами. На содержание их назначить вотчины, бывшие за Архангельским владыкою и за Знаменским монастырем. Предположено было нищих брать на улицах и для разбора приводить в Аптекарский Приказ: увечных – отсылать в шпитальню, а притворщиков подвергать наказанию. – Проект этот напечатан у Берха в его истории Феодора Алексеевича, часть II-я, стр. 87–93.

²⁹⁸ - И. Т. Посошков. «Сочинения», изд. М. П. Погодиным, М. Типография Николая Степанова, 1842, 106.

²⁹⁹ - "Регламент", III, п. 12.

³⁰⁰ - Там же.

³⁰¹ - П. М. Строев, «Описание старопечатных книг славянских и российских графа Ф. А. Толстова», М. 1829, № 127, стр. 273.

³⁰² - Там же, стр. 272–273.

³⁰³ - Первая форма присяги не была известна автору «Опыта российской библиографии», о второй же и третьей он упоминает, и притом, как о изданных отдельно, – каждая. (В. С. Сопиков. «Опыт российской библиографии, или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на словенском и русском языках от начала заведения типографий, до 1813 г.» в 5 т. СПб., 1813–1821, т. I, 1813. № 1650–1651, стр. 266–267.).

³⁰⁴ - Н. М. Карамзин. «История государства Российского», т. I, стр. 94.

³⁰⁵ - Там же. Стр. 83.

³⁰⁶ - Там же, II, 35.

³⁰⁷ - "Собрание государственных грамот и договоров», I, № 6, 7, 8.

³⁰⁸ - Там же, №№ 9 и 10.

³⁰⁹ - Иногда говорили «ино не буди на мне милости святых» и при этом упоминали тех угодников к заступлению которых прибегали с живейшею верою. В клятвенной записи кн. Холмского 1474 г. сказано: «ино не буди на мне милости Петра митрополита и Леонтия епископа Ростовского» («Собрание государственных грамот и договоров», I, № 103). В записи кн. Дим. Бельского 1524 г. читаем: «ино не буди на мне милости Петра митрополита и Алексея митрополита и Леонтия и Сергия Чудотворца и всех святых» («Собрание государственных грамот и договоров», I, № 152). В крестоприводной записи Феодора Борисовича Годунова 1605 г. прибавлено: «и не буди на мне благословения и прощения московского патриарха Иова и митрополитов, и архиепископов, и всего освященного собора»... («Собрание государственных грамот и договоров», II, № 85). Не одни те подвергаемы были проклятию, которые нарушали присягу, но и те, которые отказывались присягать, что можно видеть из записи кн. Пожарского 1611 г. «А кто не учнет по сей записи креста целовати..., тот человек проклят в сем веце и в будущем»... («Собрание государственных грамот и договоров», II, № 253).

³¹⁰ - "Собрание государственных грамот и договоров», II, № 225, 143; III, № 123 и др.

³¹¹ - Крестоприводная запись Феодора Борисовича Годунова о расторжении союза с Сигизмундом в «Собрании государственных грамот и договоров», II, № 85.

³¹² - "Собрание государственных грамот и договоров», II, № 85, стр. 191.

³¹³ - Там же. № 198.

³¹⁴ - Почти всегда присяга совершаема была в соборах. В Москве для утверждения присяги обыкновенно целовали крест у гроба св. Петра митрополита, так, в записи кн. Дим. Бельского (1524) замечено: «... целовал есми честный и животворящий

крест у гроба чудотворца Петрова»... («Собрание государственных грамот и договоров», I, № 152).

³¹⁵ - "Собрание государственных грамот и договоров", IV, № 120.

³¹⁶ - См. в «Опыте Российской библиографии» В. С. Сопикова, т. I. № 1652, стр. 267.

³¹⁷ - "Сказания князя Курбского». в 2 т. под редакцией Н. Г. Устрялова. СПб., 2-е изд. 1842, 27–28.

³¹⁸ - В Грузию же она была принесена одним из воинов, деливших одежды у Креста, и сохранялась многие столетия в Мцхетском соборе. (А. Н. Муравьев «История российской церкви» 2-е изд. СПб., 1840, стр. 247 (1-е изд., 1838, стр. 238); И. М. Снегирев. «Памятники московской древности». Москва, в типографии Августа Семена, 1842–1845, 21).

³¹⁹ - "Дворцовые разряды» в 5 т. СПб., 1850–1855, I, 661–667; II, 761–822 – здесь подробно рассказано о всем событии; »Руская Летопись по Никонову списку» ч. VIII (с 1583 до 1630 года), СПб., 1792, 248–250; А. Н. Попов. «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции» Москва. 1869, 425–427; «Акты Археографической экспедиции», III, № 168; И. М. Снегирев. «Памятники московской древности». Москва, в типографии Августа Семена, 1842–1845, 21; митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XI, 63–65,

³²⁰ - "Собрание государственных грамот и договоров", III, № 73; "Акты Археографической экспедиции", III, № 168.

³²¹ - "Дворцовые разряды» в 5 т. СПб., 1850–1855, I, 696; митрополит Макарий (Булгаков). «История Русской церкви», т. XI, 65–66.